

Baccano!

1932 Лето – Человек в убийце

Автор: Нарита Рёго (Narita Ryohgo)

Иллюстрации: Энами Кацуми (Enami Katsumi)

Перевод на английский: Untuned Strings (<http://untuned-strings.blogspot.ca>)

Перевод с английского: Kai Ender

Оглавление

Оглавление	3
Цветные страницы.....	4
Сторона А	5
Пролог	10
Глава 1. Репортёр, который не искал приключений.....	15
Глава 2. Мальчик, потерявший надежду, пытается нырнуть в небо	21
Глава 3. В горе и в радости Расчленитель крутит и вертит своё орудие.	30
Пауза	36
Глава 4. Букинист предупреждает несведущего мальчика.....	37
Глава 5. Журналисты сообщают миру свои версии	52
Пауза	62
Глава 6. У Тика Джефферсона нет предпочтений в вырезании яблок	63
Глава 7. Никто не знает, что Мастеружейник Смит вернулся к работе убийцы	71
Глава 8. Томми Айспик поднимает во тьме голову	82
Пауза	87
Глава 9. Марк Уилменс заполняет дождливые улицы жаждой крови	88
Глава 10. Жалкая жертва-наркоманка мешает сообщнику.....	104
Пауза	112
Финал. Улыбочный Нарик весело скачет вокруг убийцы.....	113
Сторона Б	140
Эпилог. Живые и бессмертные делят вместе этот мир	144

Цветные страницы

– Аха-ха! Давно не виделись, амиго! Слышала, ты загремел на больничную койку, но, похоже, уже встал на ноги! Поздравляю! Но как жаль, амиго! Ты был бы счастливее, до смерти оставшись лежать на той койке!

Тем летом репортёр, который боялся смерти, столкнулся с серийным убийцей...

А мальчик, который хотел умереть, встретился с бессмертным.

Сторона А

1932. Некий день некоего месяца Спикизи "Альвеаре"

– Это ужасно, Айзек! Говорят, Томми Айсвик нанес новый удар! Весёлый и бодрый голос разнесся по закрытому заведению, резко контрастируя с темным настроением интерьера спикизи и гнётом «сухого закона».

Конечно, всё, кроме тембра голоса, разъясняло сочетание шока и страха.

В ответ на женский голос мужчина, названный Айзеком, театрально повернул голову.

– Что?! Это правда, Мирия?

Оба были одеты в форму Британского Флота. Если бы спикизи был открыт, клиенты приняли бы их за пару актёров, развлекающих публику. Но они не были ни актёрами, ни работниками, поэтому неизвестно, почему парочка так вырядилась.

Странный дуэт продолжил беседу, реплики складывались в запутанную мозаику, создавая впечатление, что здесь репетируют капустник.

– Каждое слово, Айзек! Видишь? На всю страницу!

– Святой Боже... Этого-то я и боялся.

Парочка развернула газету над декоративным бочонком в углу бара. И пока Айзек Дин и Мирия Харвент театрально разглагольствовали в своём собственном мирке, возле них остановился юноша с детским лицом.

– Что?.. Вы что-то знаете о Томми Айспике? – нахмурился он.

Услышав вопрос, Айзек и Мирия переглянулись и ответили Фиро Проценцо:

– Если подумать, Мирия, а кто такой этот Томми Айспик?

– Я не уверена, но газеты наперебой твердят об этой страшной новости.

– Тогда почему вы испугались? – вздохнул Фиро. – Вы накрутили себя, ничего не зная?

– Да что ты говоришь, Фиро? – возразил Айзек. – Может, я и не знаю подробностей, но Мирия в ужасе. Значит, тут точно есть чего бояться!

– Удивительно, Айзек!

– Что тут удивительного? – снова вздохнул Фиро. Прекрасно зная, что пытаться урезонить эту парочку – только напрасно тратить силы, он решил не обращать внимания и продолжил разговор:

– Томми Айспик – серийный убийца.

– Серийный убийца! Э-это значит... он убийца?

– Именно это они и имели в виду, – как ни в чем не бывало объяснил Фиро. Айзек задумчиво почесал подбородок.

– Боже мой... Этого-то мы и боялись.

– Я боюсь, Айзек! Это ужасно...

«Так они на самом деле не знали?»

В некотором смысле поражённый их образом жизни, Фиро решил ещё немного постоять у бочонка и послушать разговор.

– Не бойся, Мирия! Серийные убийцы охотятся только на людей! Поэтому если мы замаскируемся под нелюдей, то будем в полной безопасности!

– Конечно! Это изумительно, Айзек!

– По восточной легенде, если человек доберётся до верха водопада и нарисует глаз на стене, то он превратится в дракона¹! Если мы станем драконами и спрячемся, уверен, он решит, что никогда нас не видел!

– Гарютенсей! Рюутодаби!²

– Гарю-что?

Фиро смутился от внезапного перехода Мирии на незнакомый язык, но он напомнил себе, что спрашивать бесполезно, и твёрдо решил игнорировать приходящие на ум вопросы.

Но, разумеется, он просто не мог удержаться и не охладить их запал.

– Но если подумать, вам не кажется, что дракон может просто сожрать серийного убийцу?

Айзек хмуро глянул на Фиро и потряс головой.

– Что ты несёшь, Фиро? Сам подумай. Говорят, что парень по имени Зиг-что-то-там убил дракона! Другими словами, драконы обречены на смерть от руки человека!

– Фафнир! Дракон Комодо! Кайя-но химе!

– Прости, но я не понимаю, о чём ты.

Похоже, парочка снова смешала какие-то мифы с реальностью, но было любопытно, всерьёз ли они говорили о том, чтобы стать драконами?

Отказываясь и дальше участвовать в обсуждении, Фиро решил попросить помощи у других членов Семьи – организации Каморры, известной как Семья Мартилло, например, у Майзы или Ронни.

Однако, на глаза ему попался крохотный гость, не имеющий никакого отношения к организации.

– Фафниром звали дракона, которого в северной мифологии убил Сигурд. Если я правильно помню, в опере Вагнера Сигурда называли Зигфридом. Дракон Комодо – это большая ящерица, открытая лет двадцать назад. А Кайя-но-химе – нечто вроде японской богини, связанной со змееподобным растением, которое называется нозучи. Помогло, старший брат? – с весёлой

¹ Здесь использован термин конкретно для европейского дракона. Для японского было бы другое слово

² Гарютенсей (畫龍點睛) – выражение, означающее что самая важная часть работы закончена. Восходит к легенде про китайского художника Zhang Sengyou, который по заказу нарисовал четырех драконов на храмовой фреске, но отказался рисовать им зрачки. Настоятель требовал закончить работу, и художник дорисовал глаза двум драконам. Они тут же ожили и улетели. Возможно именно эта легенда стала основой для теории Айзека и Мирии, что можно стать драконом, нарисовав глаз на стене.

Рюутодаби (龍頭蛇尾) – выражение, означающее «голова дракона, но хвост змеи». Описывает ситуацию, которая хорошо начиналась, но плохо закончилась. (Типа нашего «начали за здоровье, закончили за упокой»)

Оба выражения содержат иероглиф «дракон», поэтому Мирия и упоминает их при обсуждении драконов.

ухмылкой пришёл на помощь Фиро мелкий нахлёбник, живущий в его квартире.

– Не то чтоб эти знания помогли мне в работе. Чес, может тебе попробовать потратить время на изучение чего-нибудь полезного? – посоветовал Фиро мальчику заметно младше себя, но Чес вздохнул.

– Точно. Прошу прощения, старший брат.

– Тебе не надо так серьёзно извиняться.

Подобного ответа от Чеса Фиро не ожидал.

«Похоже, он выстраивает между нами стену или что-то вроде».

Возможно, Чес хотел открываться только перед Айзеком, Мирией и своим старым другом Майзой? На поверхности он приветствовал Фиро и остальных улыбкой, но Фиро не мог отделаться от чувства, что внутри, за сияющим личиком, прячется взрослый и рассудительный взгляд.

Хоть иногда ощущение раздражало, Фиро чувствовал, что со временем оно изменится, и никогда не пытался углубляться в мотивы Чеса.

Тем временем парочка, которая никогда не заморачивалась со стенами вокруг сердца, продолжала свою обычную беседу:

– Правда, мы можем превратиться в драконов, которые слабее людей.

– Как страшно. Как в ужастике!

– Что-то сильнее человека. Что-то, что человек не может победить. Когда человек умирает... Стоп. В конце все люди умирают. Вот! Время! Люди никогда не могут победить время! Другими словами, мы сами должны стать временем! Тогда серийный убийца до нас не дотянется!

– Прекрасно, Айзек! Ты Человек-Идея!

Их выводы нельзя было повторить с помощью нормального мышления.

Фиро только задумался, не остановить ли их, но Чес сел за соседний столик и влез в беседу первым:

– А как именно вы собираетесь стать временем? Носить часы по всему телу? – с дьявольской улыбочкой спросил он.

Айзек и Мирия задумались.

– Если подумать, то ты прав. Как нам стать временем?

– Сложный вопрос. Как семь чудес света!

– Время... Время... Время это... Время... это?

– Время – деньги!

– Ты совершенно права, Мирия! Время – деньги, значит деньги это лучший способ борьбы с серийными убийцами!

– Деньги – это время!

– Но как мы станем деньгами?

– Это тайна. Как Мария Селеста³!

³ «Мария Целеста» («Мария Селеста», *Mary Celeste*, «Мария Небесная») — судно, покинутое экипажем и найденное 4 декабря 1872 года в 400 милях от Гибралтара. Классический пример корабля-призрака.

«Неважно. Оставляю их наедине», – решил Фиро, прислушиваясь к бессмысленной болтовне, и сел за стойку.

Он взял чашку и плеснул в неё содержимое чайника на стойке. Бар принадлежал Семье Мартилло, и каморриста считали заведение своим вторым домом, было ли оно открыто или нет.

Но даже пребывание в таком уютном месте не прогнало тревогу из закоулков разума Фиро. Он размышлял о человеке с прозвищем «Томми Айспик».

«Серийный убийца, ха.

Интересно, за чем он охотится?»

Конечно, как бы эгоистично это ни звучало, по данному поводу он думал только о том, что это не его дело. И что неприятно знать, что по городу свободно разгуливает серийный убийца. Но Фиро не боялся потерять жизнь, ни собственную, ни любимой.

Потому что и его тело, и тело его любимой обладали необычной способностью. Фиро учёл это, размышляя о влиянии серийного убийцы на его окружение.

«До сих пор все убийства происходили на территории Кита или Рунораты.

Если дойдёт до нашей территории – тогда и станет нашим делом.

Убийца, ха.

Мне грустно думать так о жертвах, но...

Довольно забавно видеть, что нас нельзя убить.»

Фиро слегка покачал стаканом, пытаясь отогнать крепнущее беспокойство.

Лёд звякнул о стекло, впечатывая звук в память молодого каморриста.

И в месте, близком, но далёком от его мыслей, развернулась история из межвременья.

Пролог

Лето 1932

Что произошло в 1932-м году в Соединённых Штатах Америки?

В простом перечислении событий в первую очередь будут выделяться две Олимпиады.

Февральская в Лейк-Плэсид, а затем июльская в Лос-Анджелесе.

За обе США в сумме завоевали сто пятнадцать медалей. Это была настоящая золотая лихорадка, повергшая нацию в безумное возбуждение.

Другим общественным и политическим событием, принёсшим надежду людям Америки, был успешный перелёт Амелии Эрхарт через Атлантику – первый, совершённый женщиной в одиночку.

С другой стороны, тогда эта надежда была чуть ли не единственным, что удерживало на плаву множество людей.

Великая Депрессия, грянувшая в 1929-м, уничтожила экономику Америки. И три года спустя, в 1932-м, экономический кризис достиг своего пика.

Больше десяти миллионов безработных.

Банки рушились как домино.

Фабрики закрывались на неопределённое время.

Люди начинали задумываться, не лучше ли было бы перейти на социалистическую экономику, и их взгляды обращались к другому символу эпохи – «сухому закону».

Нелегальный алкоголь был суровой реальностью того времени. По природе своей свободный от налогов, но если бы он продавался законно, с наценками и прочим...

Многие люди начали прикидывать экономические выгоды от легализации алкоголя. И в этом году прошёл билль об отмене «сухого закона», разрешивший производство и продажу некоторых сортов выпивки.

Блестящие достижения года и Великая Депрессия сильно контрастировали, как свет и тьма. А на границе между ними, начинкой в сэндвиче, произошёл мелкий случай.

Странная серия событий, которая бросила другую тень на улицы Нью-Йорка.

«Томми Айспик».

Такую кличку дали некоему субъекту.

Iserick – нож для колки льда – как ясно из названия, это острый предмет, которым колют лёд, но его форма позволяет легко придумать ему и другое применение.

Бармены или производители этих ножей, которые используют их чисто законными способами, возможно, были бы шокированы самой мыслью. Но то же самое касается и топоров с пилами.

Топоры и пилы – нормальные инструменты для дровосеков в лесу, но в руках человека, идущего по пляжу, они считаются оружием, вызывая у окружающих более чем лёгкое беспокойство.

Если нож для колки льда находится там, где ему и положено быть – в баре или спальне богатого особняка – никто о нём и не задумается. Но заметив его в неподходящем месте, люди безусловно испугаются.

Томми Айспик использовал нож недолжным образом. Самым оскорбительным для производителя и закона.

Другими словами, не как инструмент, а как орудие убийства.

Августовский день

Где-то в Нью-Йорке

Шёл дождь.

Пелена дождя безжалостно упала на аллеи. Капли воды барабанили по земле, заглушая звуки быстрых шагов.

Лето в Нью-Йорке жаркое, а зимы – холодные.

Но даже летом разница между дневной и ночной температурой была значительной, лишая горожан бессонных от тропической влажности вечеров.

Дождь, идущий глубокой ночью, превратил вечернюю прохладу в холод, который обрушился на людей гигантской волной.

Завеса воды ухудшила видимость на и без того тёмных улицах. Одинокие прохожие заторопились домой ещё быстрее.

Большинство людей шло бы по широким улицам, чтобы уменьшить тревогу, но некоторые по своим причинам выбрали переулки.

Некоторые были без зонтов, возможно потому, что дождь начался внезапно. Гром ревел над головами, пока они неслись, пытаясь сбежать.

Одинокая фигура хитро смотрела на бегущих людей из-под декоративного навеса над задней дверью закрытого на ночь магазина.

Мужчина лет сорока глянул на небо, его волосы с проседью промокли от дождя.

Он находился вдали от фонарей, а дождь сильно ухудшал видимость.

– Тц.

Мужчина взглянул на небо, замер, потом пошарил по карманам и вытащил старый коробок.

Он попытался прикурить сигарету, зажатую в губах, но спичка не загоралась. Наверно, дождь промочил их по дороге в укрытие.

– Чёрт.

Он сердито пожевал сигарету и бросил на землю.

Растоптал ненужную сигарету каблуком, оглянулся и заметил сквозь дождь силуэт.

Силуэт стоял неподалёку и, кажется, наблюдал за ним.

Но внезапно фигура быстро помчалась к нему. Заметив насквозь промокнувшего под дождем человека без зонта, мужчина попытался отмахнуться.

– Прости, парень, тут маловато... – начал он, но замер.

Бегущая фигура без колебаний добралась и врезалась прямо в него.

И в момент столкновения мужчина был уверен, что фигура прошла сквозь него и вышла со спины.

Потому что было больно.

Острая резкая боль пронзила центр тела.

– Чт?..

Он никогда раньше такого не чувствовал.

И в результате закричал слишком поздно.

Небеса просто продолжали лить воду на землю, безразличные к творящемуся внизу ужасу.

Дождь одинаково смывал всё. Кровь, трупный смрад, даже жажду крови убийцы.

Ливень вскоре сменился моросью.

Под мелким дождиком лежал труп мужчины. Покрытый дырами от ударов ножом для колки льда.

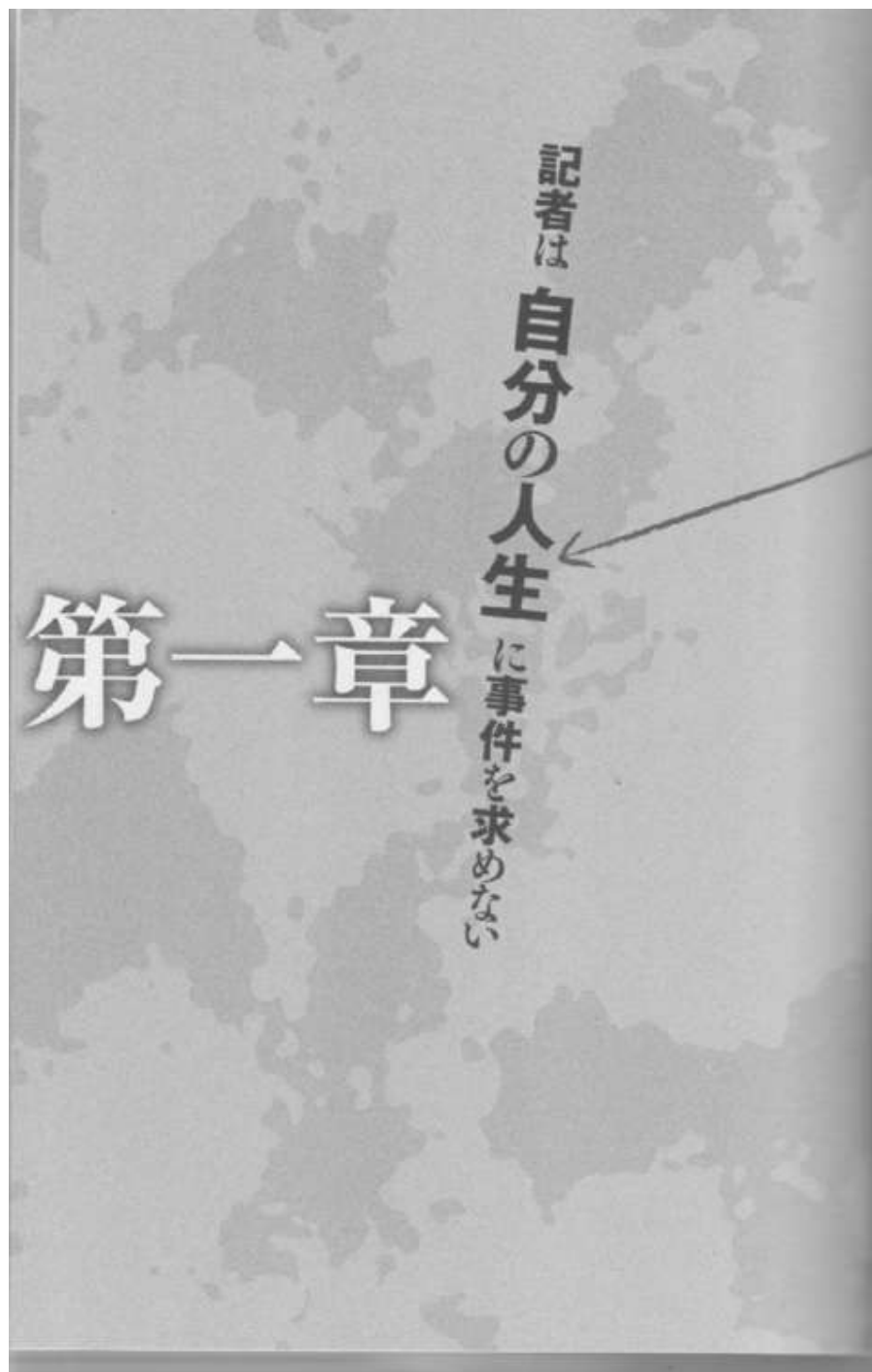
Одно отверстие сливалось с другим, образуя большую дыру и превращая тело в истерзанную грудку плоти.

Для того, кто никогда лично не видел выстрелов, это было бы похоже на следы беспорядочной автоматной пальбы. Поэтому кто-то из любящих слухи журналистов и придумал кличку для нападавшего в честь любимого гангстерами «томми-гана».

Томми Айспик.

Имя серийного убийцы, который в том году появился в Нью-Йорке, повергая город в ужас.

Глава 1.
Репортёр, который не искал приключений

Третий этаж некоего здания на Уолл-стрит, Нью-Йорк

- И ещё раз, Томми Айспик? Что это за имя такое? Повтори, какая газета начала его так называть?
- Дейли Дейз, насколько я слышал.
- Для мелкой газетёнки они слишком хороши в раскапывании лучших слухов.
- Без шуток.

– В любом случае, на прошлой неделе был четвёртый, да? Разве он теперь не сравнился с Джеком Потрошителем⁴?

– Будем надеяться, что нет.

– А что говорят копы?

– Не могут найти никаких улик.

Обеденное время в газетной компании Нью-Йорка.

Группка мужчин вела обсуждение в окружении гор папок, фотографий и рукописей. Конечно, это не значило, что у них перерыв. Люди вокруг отчаянно сражались с курганами информации и телефонных звонков, будто им позволят уйти на обед, только когда вся работа будет сделана.

Другими словами, этим людям было весьма трудно использовать краткую передышку.

И словно для того чтобы подстегнуть их летаргическое состояние на полную, из офисного закутка вышел главный редактор и повысил голос.

– Похоже, некоторым так не хватает своей работы, что они находят время обсудить чужую. А?

Бодрый, но серьёзный тон босса быстро заткнул репортёров. Один из них сунулся оправдываться.

– Но шеф, что нам делать? Это задание Лестера, но он не справляется.

– Лучше подумай о том, чтобы закончить свою работу, прежде чем наговаривать на кого-то. Может, если всё сделаешь, то и ты пойдёшь на свидание с убийцей, – хихикнул главный редактор. Хотя ему было за пятьдесят, он оставался крепким мужиком, чей сухой характер проявлялся в смехе.

Однако его широкая улыбка никогда не шла дальше губ, и зная это, репортёры и редакторы один за другим быстро покинули комнату.

Главный редактор вздохнул и осмотрел офис. Нашёл в шумной комнате конкретного человека, подошёл к нему и положил руку на плечо.

– В чём дело, Лестер? Разве ты не должен сейчас работать над историей?

Лестер вздрогнул от мрачного тона шефа.

Блондин лет двадцати пяти перевёл дух и посмотрел на начальника позади.

– Шеф, не пугайте меня так, пожалуйста. Я всю неделю на грани.

– Лестер, я всё равно считаю, что это прекрасная история для осторожного, как ты, человека.

– Плохо, что я слишком осторожен, чтобы следить за развитием этого дела, – вздохнул и помотал головой Лестер, ответственный за историю «Томми Айспика». – Всё это дело... небось просто какой-то бедняга потерял голову из-за нынешней экономики. Всё, что мы знаем, что орудием убийства скорей всего служит нож для колки льда, и что преступления не ради денег –

⁴ Знаменитый серийный убийца. Ему приписывают минимум пять убийств лондонских проституток во второй половине 1888 года

судя по тому, что бумажники жертв на месте. Это всё. Это буквально всё, что у нас есть, шеф! И как мне из этого слепить статью?

– Уверен, есть ещё много аспектов, которые можно развернуть. Интервью с семьями жертв. Попробуй найти какую-нибудь связь между жертвами.

– Я пытался, но всё равно мало материала.

– Что мы можем сделать? Америка сейчас гребёт золото, и мы не можем вечно продолжать эти мрачные истории. Потому что таблоиды штампуются, словно завтра не наступит. Поэтому Дейли Дейз и получила честь придумать имя убийце, – главный редактор рассмеялся и присел на пустой стул возле Лестера.

– Если честно, то, судя по нашим читателям, мы продадим больше экземпляров, если сосредоточимся на Олимпийских играх. А потом для запуска серии статей нам понадобится только сводка и хронология событий. И если преступника поймают, мы сможем спокойно ходить в обувной, ничего не опасаясь.

Лестер знал, что упомянутый шефом «обувной» – это спикизи.

В те дни даже обувные магазины открывали спикизи в подвалах. На пике Депрессии хозяевам становилось всё труднее и труднее прокормить семью. Бесчисленное количество людей было вынуждено заниматься нелегальным спиртным, чтобы удержаться на плаву.

Так же Лестер знал, что на всех, без исключения, жертв напали в пустых аллеях по дороге в или из спикизи.

Об этом широко трубили радио и газеты, но люди всё равно возвращались в излюбленные заведения.

Разумеется, поскольку Лестер не хотел это обсуждать с начальником, он продолжил слушать.

– И если вспомнить, Лестер, ты же сам просил дать тебе это задание. Честно говоря, я был удивлён. Ты обычно за такие темы не берёшься. Если чувствуешь, что не справишься, я могу заменить тебя на кого-то другого.

– Простите за всё, шеф. Но я бы хотел продолжить. Позвольте мне продолжить? Я слегка потерял терпение, потому что дело движется медленно. Мне очень жаль, шеф. Я клянусь, что больше не пожалуюсь.

– Да жалуйся на здоровье, Лестер. В конце концов, мы просто должны обвинять полицию в отсутствии результата.

Главный редактор скрестил руки и предложил Лестеру:

– Полагаю, это немного, ладно... Но пока ты бегаешь туда-сюда между участком и переулками, может возьмёшься ещё за одну историю?

– ...

– Тебе же не слишком нравится тема Томми Айспика? Не говоря уж о том, что Карл всегда на шаг впереди.

– Шеф, не упоминайте о нём.

Карл.

Лестер замер от упоминания имени.

– Он неудачник, шеф. Сменить это место на крохотную компанию вроде Дейли Дейз. С чего бы мне...

– Но именно Карл Дигнес придумал кличку «Томми Айспик». Кто знает? Может, он и войдет в книгу по истории газетного бизнеса.

– ...

– И не то чтобы он бесцеремонно ушёл. Он перешёл в Дейли Дейз, чтобы помочь заботиться о своей больной дочери. Подробностей не знаю, но уверен, Лестер, нет никаких причин называть его неудачником.

Лестер собирался пожаловаться, злясь на то, что главный редактор защищает Карла, но прежде, чем он вымолвил хоть слово, шеф заговорил.

Его слова были суровыми, но мягкими.

– Видишь ли, Лестер. Забудем, что речь идёт не о победе или поражении, но ты же не собираешься сам облажаться, правда? Поэтому ты и вызвался вести эту тему.

– ...

Лестер молчал. Главный редактор медленно встал и выдал Лестеру дополнительную работу.

– Новая история о молодёжи на задворках Нью-Йорка. Они не банды, они сами по себе, но ты же знаешь, в последнее время развелось довольно много шпаны, верно? О чём думают юноши и девушки из разных слоёв общества? Что у них на уме? Они наше будущее. Так о чём они думают, когда будущее так туманно? Это тема колонки, которую мы собираемся запускать. Как насчёт начать с неё?

Похлопав Лестера по плечу, главный редактор дал ему бумажку из кармана.

Там было несколько адресов. Скорей всего, места убежищ молодёжи.

– Не слишком волнуйся. Они хоть и шпана, но дети есть дети. Не нужно недо- или переоценивать их, но по сравнению с серийным убийцей, тебе это задание не кажется прогулкой за пирожными?

На закате

Где-то в Нью-Йорке

«Чёрт, это скучно».

Раздражённый Лестер шёл по улице.

«Чёрт побери. Почему в итоге из всех людей он упомянул Карла?»

Вспомнив разговор с боссом пару часов назад, Лестер сжал зубы, сам того не замечая.

Несколько лет назад Карл был коллегой-репортёром в той же компании, что и Лестер.

Он пришёл на пять лет раньше Лестера и стал его идеалом и кумиром.

Однако, чем дольше Лестер работал, тем больше понимал явную разницу между собой и Карлом – разницу, которую не покроет никакой опыт. И постепенно его уважение превратилось в зависть.

Ему никогда, даже в мечтах, не сравниться с Карлом.

Лестер пытался задвинуть эту мысль куда подальше и отчаянно боролся с работой, чтобы доказать себе, что ошибается, но результаты были катастрофическими. Ничего не получалось, как он хотел.

Однажды начальник сказал ему: «Для репортёра ты слишком ценишь свою жизнь». Хотя разумеется, репортёр должен считать свою жизнь высшим приоритетом, когда он везёт статью. Лестер же старался любой ценой избежать опасностей, даже теряя из-за этого возможный сюжет.

Хотя было бы неточно заявлять, что журналисты вообще не ценят свои жизни, но Лестер о своей заботился слишком сильно. В карьере это не помогало. И его жизнь крутилась вокруг того же образа мышления.

«Рисковать жизнью ради сюжета?

Не понимаю тех, кто так думает.

Мы должны следовать за событиями. Нет ничего более унижительного, нежели самому стать жертвой и предоставить сюжет остальным.

В конце концов, для меня только я имею значение.

На каждые десять тысяч жизней найдется десять тысяч "я", и каждое живёт ради себя.

Или Карл другой?

Я слышал, он сделал глупость, чтобы заработать денег для дочери... Но в итоге он просто разделил свою жизнь с больным родственником. Он даже брался за опасные задания, говоря, что делает это ради жены».

С другой стороны, Лестеру несложно написать хорошую статью, но он никогда не мог докопаться до истины об описанных случаях. Из-за неспособности углубиться в историю в офисе его и прозвали трусом.

Когда Карл строго предупредил его о перспективах, ревность Лестера взорвалась так, что они до сих пор не смогли помириться.

«Всё равно... молодежь задворок, ха.

Ещё одно противное задание».

Список адресов, вручённый главным редактором, состоял из закрытых фабрик, подпольных баров, заброшенных церквей и разрушенных отелей.

Единственное имя в записке было помечено фразой «Обратить особое внимание».

«Грэхэм Спектр, так? Никогда не слышал этого имени.

Может, он хорошо известен уличной молодёжи, но, в конце концов, он такой же отброс, недостойный запоминания», – думал Лестер.

«Чёрт подери. С детьми возиться такая головная боль.

Чёрт. И предполагается, что я должен гоняться за сюжетом, из которого даже хорошей статьи не сделаешь?

Я собираюсь выследить проклятого убийцу.

Точно. Я... я не трус.

Если я получу этот сюжет раньше Карла, то докажу всем, что не трус».

Бродя в задумчивости, Лестер почувствовал что-то холодное на руке.

«?»

Он поднял голову. Холодная капля дождя упала ему на лицо.

Капля за каплей, вода сменилась моросью, потом ливнем. Под дождём Лестер быстро вымок.

Пока он сообразил, что для времени суток слишком темно, было уже поздно. Внезапный ливень в мгновение ока обрушился на улицы, быстро разгоняя людей с проспектов.

«Гроза, ха.

Может, Томми Айспик появится».

Жертв Томми Айспика всегда находили после гроз. Одной из визитных карточек был особо отвратительный труп, брошенный на дороге. Смытая с плоти кровь оставляла раны четко видимыми и хорошо различимыми.

«Если буду идти один... я тоже могу стать потенциальной жертвой, ха».

От этой мысли Лестер вздрогнул, но не притормозил и продолжил идти, как хотел.

Промокший, как подтопленная крыса, он дотрусил до тёмных задворков.

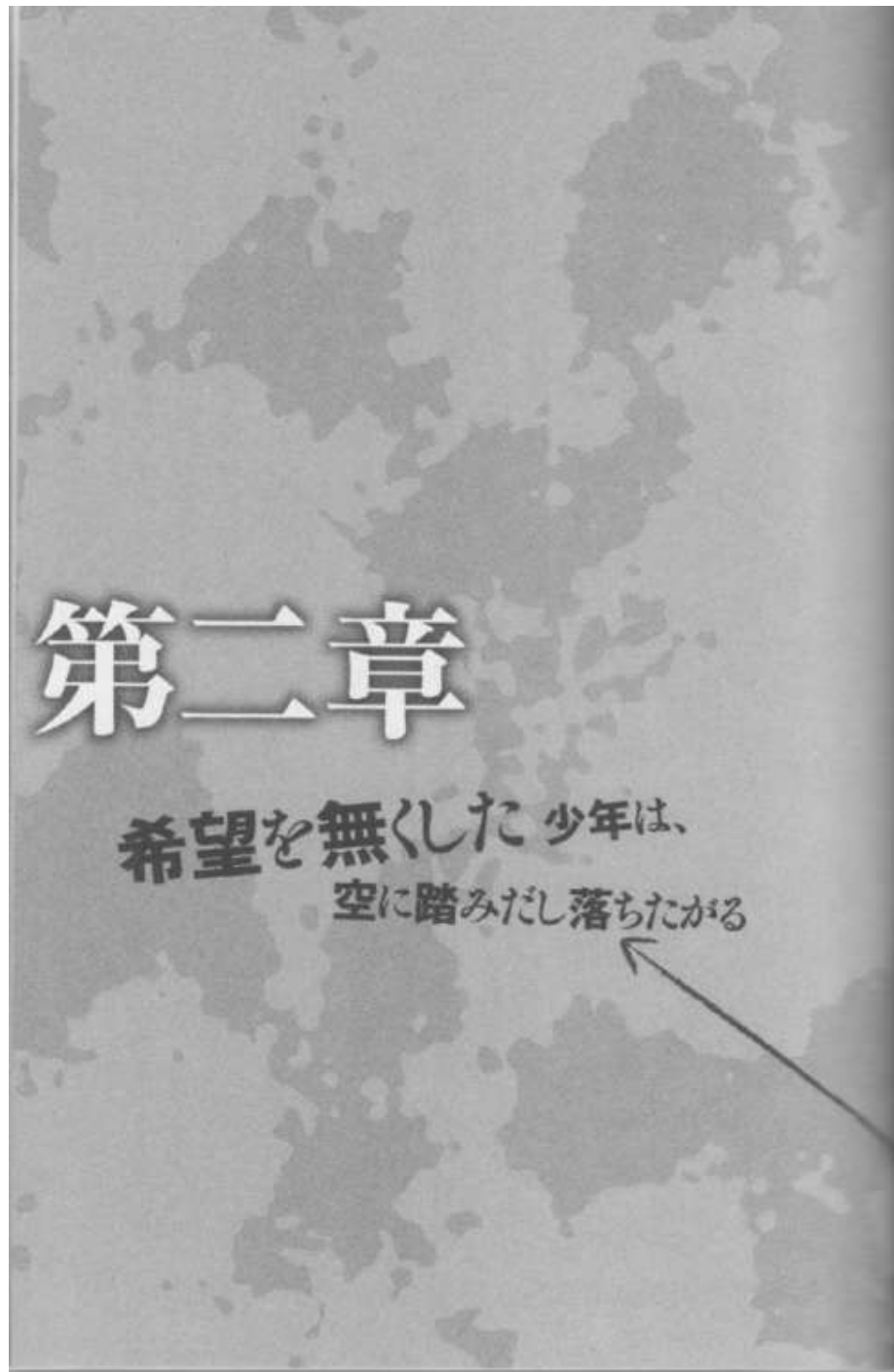
Хотя он шагал вперёд, веря, что дорога будет чистой, его надежды были разбиты слишком быстро и внезапно.

Мчась по аллее к своей цели, он завернул в особо пустынный угол и обнаружил перед собой фигуру.

В итоге, репортёр, который ценил свою жизнь, столкнулся с серийным убийцей.

Глава 2.

Мальчик, потерявший надежду, пытается нырнуть в небо

Когда репортёр столкнулся с серийным убийцей, одинокий мальчик стоял на мосту и тихо вздыхал.

Он стоял на Бруклинском мосту, мгновенно узнаваемом символе Нью-Йорка.

Длиной более 1800 метров, в тот момент он был самым длинным мостом в мире.

Бруклинский мост состоял из двух уровней: дорожка для пешеходов и велосипедистов крышей нависала над проезжей частью.

Хотя тротуар располагался над дорогой, он был значительно уже. Место между краем дорожки и стальными тросами, на которых висел мост, занимали стальные балки, идущие из-под тротуара.

Многие любили мост за живописный вид на Статую Свободы.

Но сейчас на мосту одиноко стоял тот, кого мир покинул.

Тот же самый мальчик, который недавно вздыхал, но за дождём идущие по мосту люди его не замечали.

Потому что он стоял там, куда пешеходы не осмеливались ступить.

За тротуаром, за перилами, где его не удерживало ничего, кроме железных брусьев.

Другими словами, он стоял на самом краю моста, смотрел вниз на землю и держался за несущий трос.

Прямо под собой он видел реку и берег. Мост был гораздо выше местных зданий из красного кирпича, и проезжающие внизу машины казались мелкими, как игрушечные модели.

С наблюдательного пункта мальчик бесцельно пялился на землю.

Ему не было и пятнадцати, но под детскими глазами залегли мешки. И невзирая на внушающую благоговение картину грозы, он смотрел только на землю под собой.

Проще говоря, мальчик планировал умереть.

Падение с такой высоты бесспорно его убило бы. Мальчик был твёрдо уверен в предстоящей смерти.

Возможно, был шанс выжить, будь он над рекой, но он стоял над твёрдой поверхностью. Фатальным был бы даже прыжок с крыши здания, карликового по сравнению с мостом. Следовательно, шаг с моста запечатлеет его смерть в камне, думал мальчик.

Возможно, он умрёт не мгновенно, но здесь не настолько оживлённое движение. И дождь заглушит его предсмертные стоны.

Это будет мучительная смерть, но мальчик был готов.

Он бросится в воздух. Вот и всё.

Он шагнет вперёд. Вот и всё.

Он отпустит подвесной трос, за который сейчас цепляется. Возможно, этого хватит.

Что чувствуешь, когда падаешь сквозь воздух? Самая высокая точка, с которой он падал, – дерево возле дома. Даже тогда было больно так, что он думал, что умирает. Возможно, этот прыжок не оставит ему времени даже почувствовать боль.

Его лицо чуть дрогнуло от воспоминания.

В его глазах была не грусть, а скорее злость.

Он прикусил губу, снова уставившись на землю.

– Сколько уже я тут стою? – задумался он.

Он не только что перелез через перила, но никто его не заметил.

Или, может быть, заметили, но решили проигнорировать.

Взволнует ли людей его смерть, когда он упадёт?

Благодаря Великой Депрессии самоубийства в те дни стали нередки. В документах не всегда фиксировались мелкие случаи, когда нельзя определить, было ли это убийство или самоубийство.

«Я собираюсь исчезнуть.

Да, так и должно быть. Я не собираюсь умирать. Я собираюсь исчезнуть».

О нём некому скорбеть. Ни друзей, ни семьи.

На секунду он подумал: «Если я собираюсь просто исчезнуть, то какая разница, останусь ли я жить?» – но решил, что это выбор труса.

Конечно, это не значило, что самоубийство – путь храбрецов. В зависимости от ситуации это могло быть трусливее, чем жить.

«Но это уже неважно».

В любом случае, он собирался умереть. Так какая разница, трусливо это или храбро?

С этой мыслью он снова собрался.

«Кажется, что я могу видеть каждую травинку на земле».

Вскоре он почувствовал, будто может стать единым целым с землёй внизу.

Будто земля собиралась его поглотить.

Нет, скоро она точно поглотит.

Чувство, будто шум вокруг рассеивается, и рождается новый, его собственный мир.

«Точно. Я один.

Теперь я наконец могу побыть один».

И когда он приготовился воссоединиться с землёй, стать её частью...

– Эй, там?

В его мире внезапно появился непрошенный гость.

– Что ты там делаешь? Ты должен знать, если до сих пор не в курсе... Там действительно опасно.

Голос ворвался в мальчишеский мир и растоптал его грязными ботинками.

Потому что голос был так близко, что первой пришла мысль о глюках.

Но когда он повернулся, то понял, что не ослышался.

Прямо возле него, не далее чем в метре, стоял человек без зонтика – так же близко к краю, как и мальчик.

– Подозреваю, что падение с такой высоты тебя наверняка убьёт, если только ты не Попай⁵ или Тарзан⁶. Но даже тогда это будет больно. Так что, э, тебе не кажется, что лучше не надо?

⁵ Герой американских комиксов и мультфильмов, очень сильный моряк. В затруднительных ситуациях съедает банку шпината и становится ещё сильнее.

⁶ Персонаж Эдгара Берроуза, воспитанный обезьянами. Отличается силой и ловкостью.

Тон голоса был настолько беззаботен, что мальчик сначала не понял, но звучало, будто его пытаются отговорить прыгать. На секунду в глазах потемнело.

Но он быстро пришел в себя и закричал:

– Не подходи!

– Ты о чём? Я тут и стоял.

– ?!

Шокированный мальчик был уверен, что когда он шагнул к краю, рядом никого не было. Или же это он не обращал внимания на окружение, а не люди не замечали его?

– Не может быть... Ты врешь!..

Человек улыбнулся и кивнул.

– Подловил. На самом деле я только что появился.

– ...

От бессмысленного ответа мальчик потерял дар речи.

Увидев выражение его лица, человек улыбнулся.

– Ну как тебе? Забавно, да? – проказливо склонил он голову.

– Т-ты кто?

– Я? Просто мимо идущий... хм. Как ты думаешь, какой ответ будет самым интересным? Что если я назовусь мимо идущим Дон Жуаном⁷?

Мальчик растерялся. Предполагалось, что он разозлится? Он не сводил глаз с человека.

Тот носил простую одежду, какую можно увидеть на любом человеке его возраста. Ничего в его костюме особенно не выделялось.

Человек был старше мальчика лет на пять-десять. Хотя он был самым обычным, ни уродом, ни красавцем, одна примета была особой.

Его улыбка.

Даже стоя на краю моста, в скольжении ноги от смерти, он улыбался до ушей.

«Кто этот парень?»

От явно дурацкой ситуации мальчик тупо хлопал глазами. Но быстро собрался с мыслями и снова заговорил:

– ...Эй. Это опасно.

– Да что ты говоришь? – застенчиво пробормотал человек, продолжая улыбаться. – Так что ты делаешь в таком опасном месте?

– ...

– Я мог бы предположить, что ты здесь ради прекрасного вида, но исходя из долгого жизненного опыта, я думаю, что ты хочешь покончить с собой. Верно?

⁷ Легендарный испанский персонаж, имя которого стало нарицательным обозначением распутника.

– Да... – тихо ответил поражённый мальчик.

«Кто этот человек?»

Таинственная аура вокруг него заставляла мальчика отвечать на вопросы. Может быть, он в каком-то смысле заинтересовался незнакомцем, и поэтому не решился проигнорировать его и спрыгнуть с моста.

– Просто говорю, что бесполезно пытаться меня остановить.

– Почему?

– Даже если у тебя получится, я снова попробую умереть.

За время их разговора дождь ослаб. Было нетрудно расслышать, что говорит человек, и наоборот.

Казалось, мальчик решил, что последняя беседа – это не так уж и плохо.

Однако ответ улыбчивого человека был весьма неожиданным.

– Понятно. Но я бы не сказал, что будет совсем бесполезно.

– Что?..

– Даже если я не смогу тебя остановить, это будет мне горьким уроком, который может помочь в следующий раз, когда я наткнусь на самоубийцу.

Хотя я не из таких, но некоторые люди получают удовлетворение от попыток спасти самоубийцу, даже если на самом деле у них не получается. А другие, которые не довольствуются попытками, всё равно уходят с жизненным опытом. Так что полагаю, в итоге тебе не стоит об этом волноваться, учитывая, что ты собираешься умереть, верно?

Человек усмехнулся и закачался, держась за трос. Если его пальцы соскользнут, он тут же рухнет на землю и расстанется с жизнью. О чём он думает?

Мальчик посмотрел с сомнением, и человек остановился.

– Хотя это правда, что я ещё не решил, собираюсь ли тебя останавливать, – сказал он.

– Что?

– Ну, полагаю, это скорее вопрос, а не обсуждение, но... Также я не собираюсь спрашивать, почему ты пытаешься умереть, но...

– Не собираешься?

«Что за странный человек.

Разве большинство не начало бы с вопроса, почему я это делаю?

Но опять же... Не то чтобы я хотел услышать этот вопрос. Сейчас это уже действительно неважно».

Как только мальчик додумал свою мысль, человек снова заговорил.

– Если ты умрёшь, ты будешь счастлив?

– ...

Если бы это спросил человек, пытающийся отговорить его от самоубийства, мальчик бы фыркнул и засмеялся. Он думал, что подобные вопросы не смогли бы остановить того, кто решил умереть.

Но сейчас он не мог заставить себя смеяться, потому что вопрос сопровождался широкой улыбкой.

В улыбке человека не было ни капли снисходительности. Скорее, она была по-детски чистая и невинная. Больше похоже, что ему искренне желали смерти, а не пытались остановить.

Голос человека звучал, как у невинного ребенка, восклицającego: «А Санта-Клаус правда придёт, если я буду слушаться родителей?»

– Интересно, как же ты будешь счастлив? Стой, не говори мне, что ты рассчитываешь попасть в рай? Но тогда неразумно лишать себя жизни. В конце концов, большинство религий запрещают бессмысленные самоубийства. Или ты из тех, кто пытается найти абсолютную пустоту?

Даже если бы старался, человек не мог бы задать более нелепого вопроса. В глубине души беспокоясь, мальчик ответил:

– Нет... невозможно.

– Хм?

– Невозможно, чтобы... кто-то вроде меня был бы счастлив умереть.

Человек понимающе кивнул и снова тихо заговорил:

– Ясно. Тогда я решил, что попробую тебя остановить.

– Я не понимаю, что ты пытаешься сказать. Просто оставь меня в покое.

– С радостью, если это тебя осчастливит.

Улыбка не исчезала с лица человека. Мальчик смотрел изумлённо.

– ...Ты из церкви что ли? Или под кайфом?

– Тебе не кажется, что только что ты действительно оскорбил верующих?

– ...Почему ты пытаешься меня остановить?

– Потому что я сожалею.

– О чём?!

Простой ответ без тени сомнений рассердил мальчика. Он зыркнул на человека.

«Так он обо мне сожалеет. И просто показывает свою жалость?»

В нём вспикела злость, угрожая перед смертью разразиться потоком возмущённых оскорблений. Но человек усмехнулся и, будто желая остановить его, снова заговорил:

– Может, это похоже на проповедь, но дороги и стоянки под нами созданы людьми, чтобы другие улыбались. Например, чтобы заставить детей улыбаться. Чтобы зарабатывать деньги и приносить улыбки себе и своей семье. Я буду ужасно сожалеть, если эти дороги и стоянки покроются заурядным кровавым месивом.

– Что?..

«Он сожалел не обо мне?..»

– И что если внизу будет кто-то идти, а ты свалишься прямо на голову? Тебе не будет жаль? И если ты погибнешь, то как насчет бедняги, который умрёт или пострадает ни за что? На кого злиться его семье? Но опять-таки, учитывая, что ты собираешься вскоре умереть, полагаю, что переживать ты не станешь.

– ...

Мальчик был ошеломлён. Человек вопросительно склонил голову.

– Эй? Почему молчишь?

– Заткнись...

– О, ясно. Ты думал, что я сожалею о тебе. Или надеешься, что я пожалею тебя, а не каких-то незнакомцев?

– !..

Он попал в яблочко.

Точность вопросов заставила мальчика понять, насколько глупы и путаны были его надежды. Запрезировав себя, он мгновенно рассердился.

– Кто ты к чёрту такой?! Как... Проклятье! Оставь меня в покое! – кричал мальчик, сдерживая слёзы. Усмешка человека засияла радостью.

– А. Наконец говоришь, как положено ребёнку. – Он глянул на землю под ними и продолжил: – Думаю, на самом деле ты не знал – да и я сам не уверен, потому что ни разу с такой высоты не падал – но будет больно. Вряд ли ты потеряешь сознание от падения. Хотя ты можешь умереть мгновенно, если приземлишься на голову, но разве не трудно будет принять в воздухе нужную позу? Говорят, что голова обычно перевешивает, но не могу сказать, что абсолютно в этом уверен.

«И что? Ты пытаешься меня остановить? Или говоришь, что бросаешь меня? Чёрт. Это ты виноват. Это ты виноват, что... что я даже сдохнуть толком не могу...»

Решимость мальчика ослабла, он глянул себе под ноги и замер.

До последней минуты он был уверен, что настроился. Что стал всё равно что мертвецом.

Но после разговора его мнение изменилось.

«Я боюсь».

Ноги дрожали.

Спрятанный до сих пор страх смерти выполз из живота и ударил по хребту.

Пытаясь отвернуться от него, мальчик попробовал сделать каменное лицо.

– ...Кстати, откуда тебе знать? Ты же не падал раньше.

Весьма грубо разговаривать так со взрослым, но мальчик был не в настроении беспокоиться о манерах. Он просто хотел заткнуть человека.

– Но я падал, – слишком легко ответил человек. – Я несколько раз падал с высоты. В любом случае, это не слишком приличный способ уйти, хотя я уже привык.

– О чём... ты говоришь?..

Человек пересёк грань между шуткой и жестокостью, и мальчик приготовился снова его высмеять. Однако человек его прервал.

– Точно! Давай я тебе сейчас покажу, смотри внимательно! Будет ещё не поздно отказаться, когда ты получишь возможность принять взвешенное решение, да? ...Отлично. Под нами никого нет.

– Что?

Но когда мальчик нашёлся с ответом, было уже слишком поздно.

– Вот...

С невнятным возгласом человек отпустил трос и спрыгнул с моста.

– Стой...

Будто он нырял в бассейн, спокойно и бесстрашно.

Вскоре он перевернулся...

Падение оказалось дольше ожидаемого.

И пока мальчик додумывал мысль, человек разлетелся по земле алыми брызгами.

* * *

«Нет. Нет. НЕТ!

Почему? Этого... Этого не должно было случиться!»

Мальчик быстро вернулся на тротуар и помчался ко входу на мост.

Он преодолел долгий и ветреный путь, бездумно несясь к месту падения человека.

Судя по количеству крови, человек не мог выжить. Но мальчик даже не подумал остановиться.

«Нет. Нет.

Я не хочу, чтобы он умирал из-за меня».

Запыхавшись и задыхаясь, он наконец добрался до места.

Это была пустынная дорожка. Перед ним на твёрдой земле лежал труп человека.

– Нет... нет...

Бормоча под нос и подбегая к человеку, мальчик понял, что лужа крови почти исчезла.

Решив, что её смыло дождём, мальчик осматривал тело.

Убедившись, что руки целы и вокруг нет глаз и мозгов, он потряс человека. Он цеплялся за смешную надежду, что тот выжил.

Хотя двигать раненого, наверно, принесло бы больше вреда, чем пользы, мальчик продолжал тормозить нетронутое тело.

– Пожалуйста... Проснись! Нет! Ты не можешь умереть!

И тогда...

Труп улыбнулся.

– Привет.

– Ах!

Мальчик замер в шоке.

Человек медленно поднялся, хрустнул шеей и заговорил:

– Ты славный мальчик. Отложил свою смерть и пришёл помочь мне, несмотря на то, как сильно я тебя достал.

– А... Аааааа...

– И знаешь, что я думаю? Если бы ты и вправду был готов умереть, ты бы не прислушался ни к единому моему слову. Да. Не думаешь, что жить у тебя получится лучше?

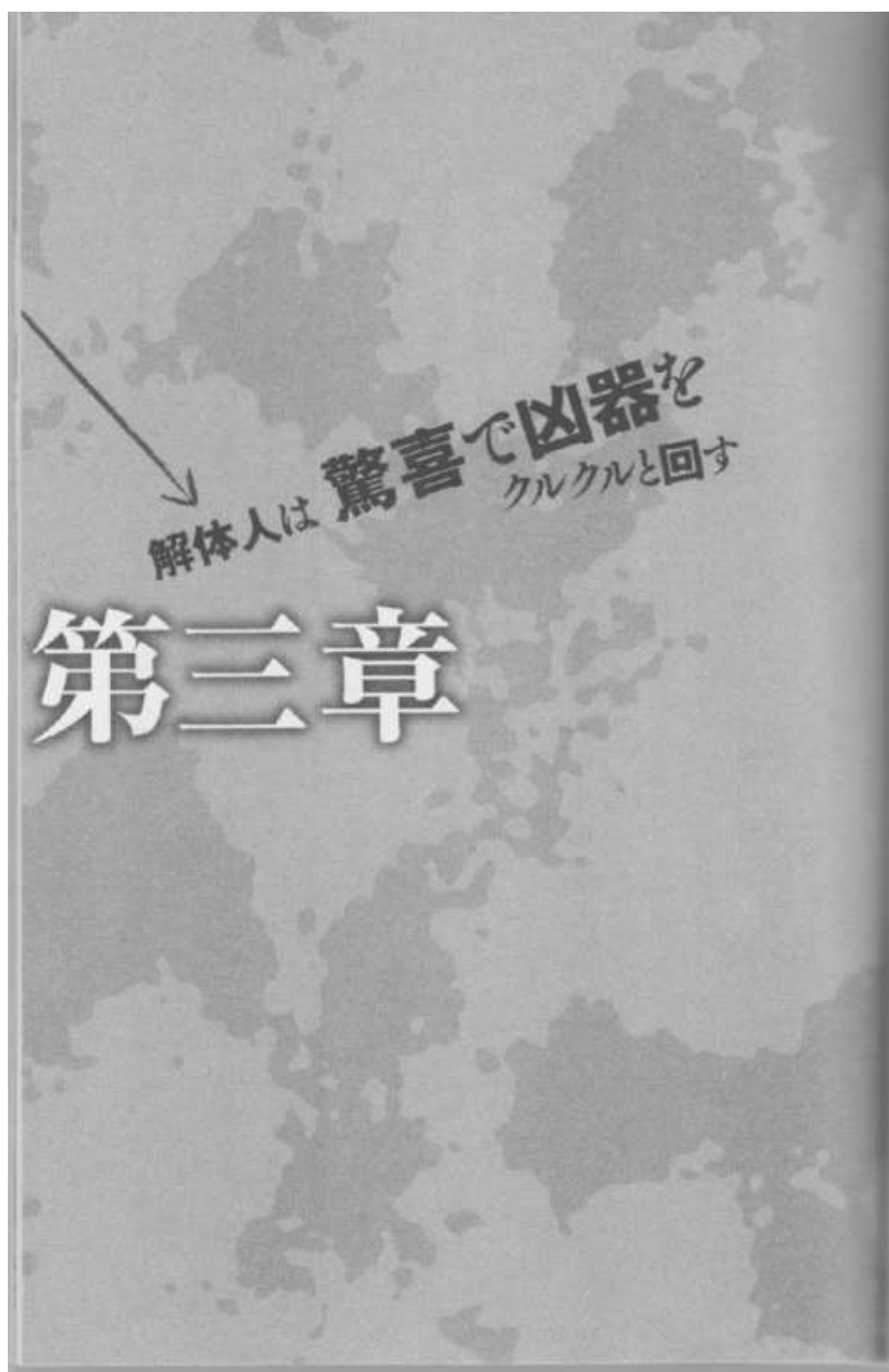
Что за волшебный трюк провернул этот человек?

От шока мальчик потерял дар речи.

И словно пытаясь его успокоить, человек усмехнулся и протянул ему руку.

– Меня зовут Элмер. Элмер С. Альбатросс. Я немножко бессмертный. Приятно познакомиться!

Глава 3.
В горе и в радости Расчленитель
крутит и вертит своё орудие

Ночь
Спикизи в Нью-Йорке

Построенное где-то под землёй спикизи было тесным.

В углу заведения под дрожащим светом лампочки сидел молодой человек.

– Позвольте рассказать вам печальную и ужасную историю.

Звонкий, как хрусталь, голос был полон глубочайшей тоски.

– Какая великолепная ночь... Стакан заказанного молока достаточно холоден, чтобы покрыть белым слоем внутренности моего рта, и пищевода, и желудка... Именно. Как свежеснеженный снег.

Молодой, лет двадцати, юноша продолжил грустно вздыхать.

– Великолепная ночь. Так почему я сижу здесь, рассказывая вам трагическую историю? Это невыносимо печально. Хотя кто-то может оказаться вынужден сказать мне замолчать, что уже прискорбно, это невозможно. Потому что я не могу больше удерживать в себе это отчаяние. Поэтому я хочу хотя бы почувствовать наличие друзей, которые поймут моё уныние. Это только естественно для ужасно, ужасно слабого человеческого создания...

Одежда молодого человека одновременно и сочеталась и не подходила расположенному под фабрикой спикизи.

Голубой рабочий комбинезон делал его похожим на работника фабрики, но чистота костюма выделяла его, как болячку на пальце.

Однако, самым необычным в нём был не цвет костюма, а предмет, который вертелся в незанятой молоком руке.

Разводной ключ, которым затягивают и ослабляют гайки и болты.

В общем случае это абсолютно нормальный предмет для парня в рабочем комбинезоне, но в нём было три особенности.

Первая – размер ключа.

Молодой человек и близко не подходил под определение «крупный», но держал в руке металлический предмет длиннее детской руки. Больше похожий на средневековую булаву, нежели на гаечный ключ.

Вторая – в спикизи он пил молоко.

И последняя особенность – поверхность ключа была покрыта ржавчиной и засохшей кровью.

Молодой человек обладал женственными чертами лица. Он был не слишком мускулистым, и его полуприкрытые глаза выглядывали из-под светлых волос.

Хотя блеска волос и бледной кожи уже было достаточно, чтобы считать его симпатичным, мрачная тень в глазах нервировала любого, кто встречался с ним взглядом.

Конечно, те, кто нынче смотрели ему в глаза, давно привыкли к его внешности.

Тот, кто чаще всего с ним общался, сейчас сидел прямо напротив, попивал апельсиновый сок и не давал скучать.

– Конечно, босс. Люди слабы, потому что умирают, если их убить. Что и делает их слабейшими.

– Ты прав! Люди неизлечимо слабы. И даже будь мы всемогущи, как какие-нибудь боги, нам не суметь оградить сердца от печали... И что тогда? Что нам делать, кроме как тонуть в собственных слезах?

Пока молодой человек декламировал свои депрессивные стихи, друзья вокруг вздыхали с видом «снова-здорово...»

И тут кто-то его прервал.

– Заткнись, молокосос! Почему бы вам, соплякам, не убраться к своим мамочкам?!

Пьяный головорез подошёл к молодым людям и занёс над головой бутылку.

Пустая бутылка с грохотом обрушилась на стол, и во все стороны полетели осколки.

Молодёжь молчала.

– Что? Уже испугались? Не знаю, о чём вы, мелкие ублюдки, лопочете, но мне сейчас хреново! И как вы это исправите, а?!

Мужчина, очевидно ободрённый реакцией остальных посетителей, решил громко подчеркнуть подробности чужого разговора.

Хотя речь молодого человека была не особенно весёлой, он всё же говорил негромко, и его голос растворялся в тихом гуле спикизи.

Прицепившись к банальному факту, краснолицый пьяница неприятно усмехнулся.

– Раз вы тут пьёте, значит у вас денежки водятся...

Однако закончить предложение ему не удалось.

Он слишком поздно понял, что упал на колени.

– Чт... что?!

Взглянув вниз, бандит увидел, что его лодыжка вывернута под неестественным углом.

А ещё – что она зажата в разводном ключе молодого человека.

– Э... Что?..

Притуплённые выпивкой чувства медленно доносили боль от лодыжки до мозга.

И вот боль стала ужасом, мгновенно отрезвив мужчину.

– Что же мне делать теперь, когда к моей глубокой печали добавилось ещё больше горя? Дело в том, что пьяница выбрал меня, чтобы растоптать эту прекрасную ночь. О, неужели ночь так хрупка и мимолётна, что может быть повержена подобным пустяком? Ты как считаешь? Погоди-ка. Если подумать, то что делает ночь захватывающей? В итоге, лишь слабое человеческое сердце определяет великолепие ночи, и значит, естественно, что ночь так же эфемерна. О... Как это случилось?.. Я... Моя собственная хлипкость ослабила эту волнующую ночь! Другими словами, это я! Я сам испортил эту ночь! Проклятье... Проклят-кля-клят-кля-клять-еёёёёё...

Тихие слова парня в рабочем комбинезоне медленно и прочно отпечатывались в мозгу бандита.

– П-прекрати...

Мужчина понял, что полез в драку с тем, с кем не стоило связываться. Он в опасности.

Молодёжь вокруг молчала не потому, что боялась его. А потому, что знала, что произойдёт.

Парень в комбинезоне начал поворачивать ключ по кругу, ещё раз.

– Aaaaaaaaaaaaaaaaaaaaaaaaaaaaaa!

– Baaaaaaaaaaaaaaaaaaaaaaaaaaaaa!

Пара криков, отчаянный и перепуганный, одновременно разнеслись по спикизи.

Несколько минут спустя

– Простите, что заставил ждать. Я Карл Дигнес из Дейли Дейз.

Человечек был удивительно иссохший, даже для своего возраста.

Он вёл себя спокойно и собранно, но ничем не выделялся из толпы – как вежливый высокооплачиваемый банковский клерк не чуждый бережливости.

– Тут что-то случилось?

Мужчина, который представился Карлом, глянул на пол.

Перед ним распростёрся крупный мужчина, в конечностях которого были вывихнуты все суставы до единого.

Относительно просто выглядящий юноша, сидевший рядом с парнем в комбинезоне, встал и протянул Карлу руку.

– Добрый вечер. Я Шафт, тот, кто вам звонил. Этот джентльмен просто ударился ногой о стол, так что, пожалуйста, не обращайтесь.

– Хорошо.

Не показывая, поверил ли он в объяснения Шафта или нет, Карл спросил разрешения и сел рядом.

– Ладно... Так чего же репортёр из Дейли Дейз хочет от ребят вроде нас?

– Ну, видите ли...

Карл только собирался ответить, как его перебил молодой человек в комбинезоне.

— Конечно... Это будет забавно! Так как я чувствую прилив эйфории, которая затмит любую радость, испытанную мною ранее, позвольте рассказать вам весёлую историю!

— ૩ ?

– В любом случае, кто бы мог подумать, что разбирание одного человека на суставы так прояснит мою ночь? Люди полны силы! Им хватает сил переплыть бесконечно вздымающиеся волны в море грусти. Из мудрости и смелости создают они корабли для плавания... Вы согласны?

— Когда доходит до вас, босс, я ничего не понимаю в этих мудростях-ай! — тихо вскрикнул парень по имени Шафт, когда в его живот легонько ткнулся ключ. — Пожалуйста, не надо, босс!.. Кстати, а что за грустную историю вы

хотели рассказать перед этим? Вы остановились раньше, чем добрались до сути.

– О. Идиот, которому я заказал молоко, так его и не принёс.

– Это называется «сделать из мухи слона».

Когда молодёжь погрузилась в нормальную для их возраста болтовню, репортёр по имени Карл прищурился и присмотрелся к парню в комбинезоне.

«Грэхэм Спектр».

Умелый молодой человек, возглавляющий одну из многих уличных банд Нью-Йорка.

Карл слышал, что с упомянутым Грэхэмом Спектром очень трудно вести дела. Почти так же, как с Тиком Джефферсоном, пыточных дел мастером Семьи Гандор.

Если он неправильно поведёт себя с Грэхэмом, Карл не сможет уйти невредимым. Мучительные стоны бандита на полу и его конечности, вывернутые в противоположную сторону, были живыми подтверждениями слухов.

Но всё равно – а скорее, именно потому – Карл Дигнес заговорил, раскрывая некий факт, чтобы получить новую информацию.

– Ты должно быть Грэхэм, правильно?

– Верно. А ты репортёр Дейли Дейз, если не ошибаюсь. Что ты хотел спросить? Если хочешь, расскажи нам забавную историю! В конце концов, то, что мы можем рассказывать смешные истории, делает в первую очередь мир веселее. Так? Если рассматривать с этой точки зрения, то не получится ли, что люди – вечные двигатели, только мы порождаем веселье? Это удивительное открытие... Моё сердце несётся вскачь!

Молодой человек начал воодушевлённо разглагольствовать. Репортёр же посуровел и продолжил:

– Прежде чем я попрошу вас о чём-либо, я должен сообщить вам кой-какую информацию.

– ?

Молодой человек с любопытством посмотрел на него.

Репортёр сделал глубокий вдох и чётко огласил факты.

– Уверен, вы все слышали о Томми Айспике.

– Ага.

– Короче говоря... Копы подозревают вас.

Повисла тишина, словно сам воздух застыл.

Открыв рот для продолжения, Карл услышал, как ключ похлопывает по ладони.

– Да.

Возбуждённый парень в комбинезоне прищурился.

И ни отрицая, ни подтверждая обвинение, он сообщил остальным единственную истину.

– Это будет забавно.

* * *

На следующий день некая газета опубликовала эксклюзивную статью.

Побившую все остальные источники информации и первой доложившую о новом деле Томми Айспика.

Статья, живая и образная, будто автор лично видел место преступления, потрясла читателей и породила разговоры по всему городу.

Хотя это была статья из тех, которые обычно печатала Дейли Дейз, сегодня она появилась в другой, более крупной газете.

На самом деле, такое впечатление на читателей она произвела отчасти из-за того, что во всех остальных основных газетах первую полосу занимали новости Олимпиады.

Автором статьи был юный репортёр Лестер, и таким образом его имя стало известно жителям Нью-Йорка.

Если бы всё прошло по плану, он бы поговорил с Грэхэмом Спектром, как Карл Дигнес, человек, придумавший кличку «Томми Айспик». Но Лестер встретился с сумасшедшим убийцей.

И это послужило спусковым крючком, расшевелившим улицы.

Пауза

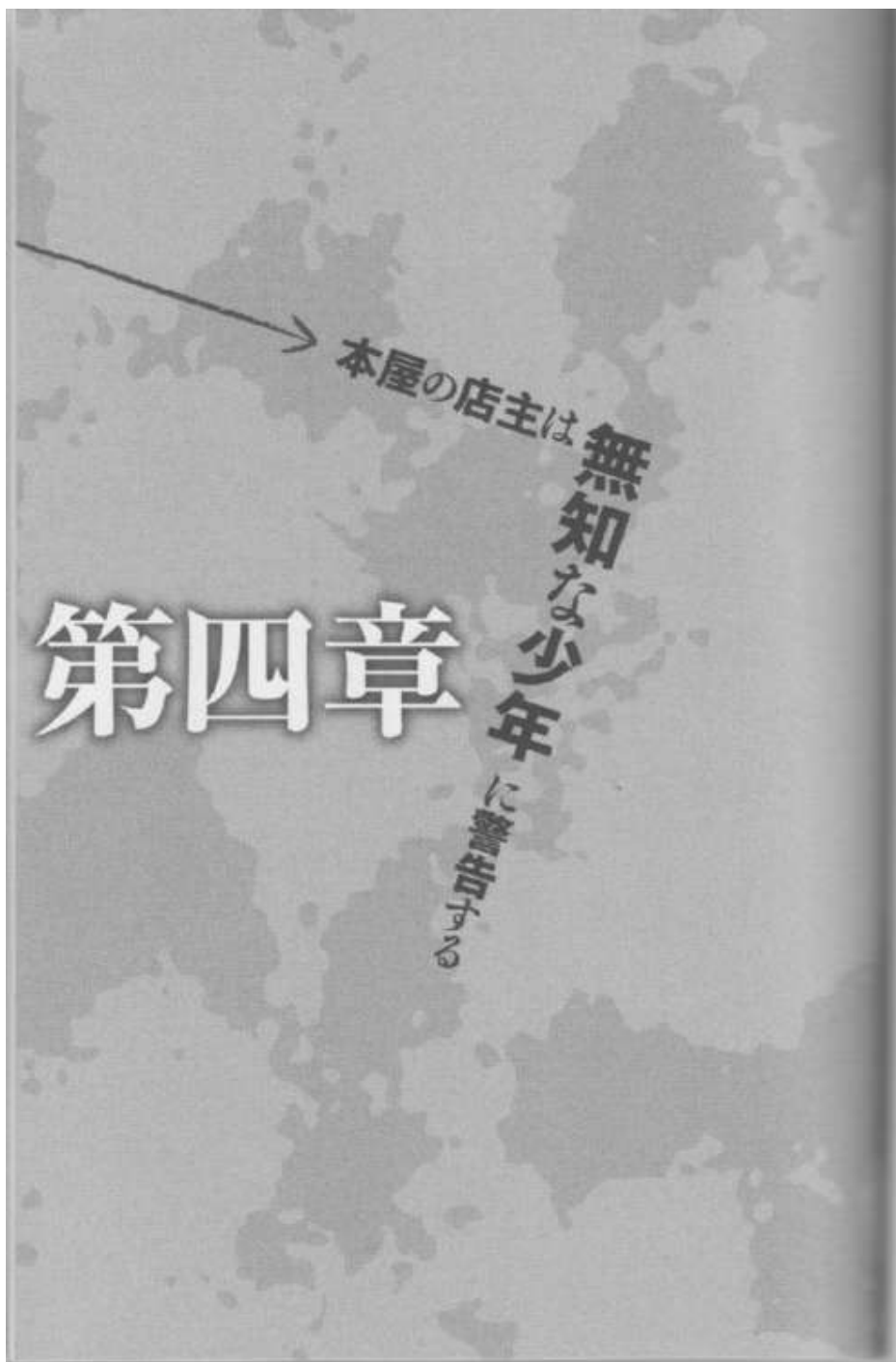
Он приходил с дождём.
Он скользил по аллеям, скрываясь за звуком воды.
И поливал людей дождевыми каплями металла.
Фффышшшшш фтыш фтыш фффышшш фтыш фтыш.
Он появлялся ради убийства.
Первой жертвой стал хозяин маленького спикизи.
Второй – агент по недвижимости.
Третьей – офицер полиции.
Потом управляющий арендой складов.
И пятой жертвой оказалась проститутка, которая каждую ночь стояла на одном и том же месте.
Единственная женщина среди жертв была пятой.
Но всё равно её убийство потрясло город.
Смерть единственной шлюхи заставила людей вопить о Джеке Потрошителе. Одни предполагали, что преступник – одержимый подражатель, а другие заявляли, что Джек не умер и пересёк Атлантику.
Полиция из всех сил старалась пресечь слухи, но дождь уже смыл слишком много улик.
И то, что единственным свидетелем оказался репортёр, тоже не придавало веса его показаниям.
Серийного убийцу, который гнал нацию по грани между сиянием Олимпиады и тьмой Великой Депрессии, называли Томми Айспиком.
Он не бросал вызов полиции, как Джек Потрошитель или Убийца Зодиак⁸.
Все воображаемые картины преступлений рождались в мозгах людей.
Хотя люди боялись его или её существования, они просто приняли действия Томми Айспика за ещё один скандал, который поможет им забыть Депрессию. И его история медленно впитается в мир.
Полиция ни на шаг не приблизилась к поимке преступника.
Жестокие убийства не собирались заканчиваться.

Мальчик, который должен умереть, познакомился с бессмертным чудовищем...

А репортёр, который боялся смерти, встретил серийного убийцу.

⁸ Серийный убийца, действовавший в Северной Калифорнии и Сан-Франциско в конце 1960-х годов. Личность преступника до сих пор не установлена.

Глава 4.
Букинист предупреждает несведущего мальчика

День

Лавка букиниста в Нью-Йорке

«Пятая жертва Томми Айспика, преступник – длиннорукий мужчина».

Сонным летним днём газета с таким заголовком располагалась под головой спящего букиниста.

Книжный магазин стоял в квартале старых жилых домов.

А внутри за столом шумно сопел во сне хозяин с водруженными на переносицу очками. С его губ сорвалась капелька слюны и приземлилась на газету.

– Скриииииип...

На скрип двери хозяин медленно открыл глаза.

– А? О!..

Старик потряс головой, чтобы проснуться.

– Ты не мог хотя бы притвориться, что готов обслужить клиента? – спросил его посетитель, мальчик младше пятнадцати лет.

– Да это же Марк! Подловил. Кажется, я постарел и уже разучился спать с открытыми глазами... Я стараюсь осторожничать, чтобы ничего не случилось, пока сплю, но... С тобой всё хорошо?

Букинист посмотрел в глаза мальчику по имени Марк.

Под ними залегли мешки, да и лицо смертельно бледное. Похоже, он уже несколько дней не спал.

– Что случилось, Марк? – спросил букинист с явной заботой в голосе.

– Ничего, я в порядке... – слабо улыбнулся Марк.

Букинист не поверил. Он следил за Марком, который начал рыться в книгах, избегая взгляда старика.

Очевидно, что Марку нездоровилось, но его глаза самоотверженно изучали полки.

Он просматривал отделы медицины, народных сказок и оккультизма, но букинист не знал, что Марк ищет.

Весьма странная комбинация тем. В итоге решительные поиски Марка заставили букиниста снять очки, протереть глаза и спросить:

– Марк... Что ты вообще ищешь, малыш?

– ...

Марк секунду помолчал. По лицу пробежала тень сомнений.

– Ну... Только не думай, что я свихнулся, ладно?.. Считай, что... я просто размышляю вслух.

– Марк, ты крутишься поблизости уже десять лет. Если ты хочешь о чём-то поговорить, мальчик мой, я весь внимание. И честно говоря, тебе кто угодно скажет, что после тех событий, ты растратил весь задор. Мне любопытно, смогу ли я тебе помочь, – ласково улыбнулся букинист.

– Ладно, – нерешительно продолжил Марк, чувствуя себя ещё более неуютно. – Так притворись, что случайно подслушал, когда я мимо шёл, ладно?

– Конечно.

– Скажем, кое-кто поранился, тяжело, до смерти... думаешь, может быть, чтобы он ожил прямо перед тобой?

Букинист побледнел и не потому, что беспокоился о душевном здоровье Марка или подозревал его во лжи. На самом деле старик выглядел скорее перепуганным.

– Ч-что? Марк! Ты что-то видел?

– А?

– О... Хм... Слушай внимательно, Марк. Даже если ты заметишь по соседству что-то, хоть немножко выходящее за рамки обычного, ты должен это забыть! Понимаешь? Ты не должен никому рассказывать!

Марк сначала удивился тому, как букинист повысил голос, но потом понял, что старик не сердился. Он беспокоился о безопасности Марка, и это пугало сильнее всего.

– О чём ты говоришь? Ты что-то знаешь, да?

– Н-нет! Я ничего не видел! Марк! Если я хоть слово оброню на улице, меня же в психушку запрут. И это всё равно лучше, чем быть убитым, мальчик мой!

Ещё несколько повторений «Марк, ты должен забыть всё, что случилось» всё же заставили Марка уйти из книжного магазина с пустыми руками, ни на шаг не приблизившись к истине.

«Всё забыть, ха».

Он закрыл глаза, вспоминая совет старика.

«Я чертовски уверен, что хотел бы всё забыть», – подумал он и открыл глаза.

– Привет.

Прямо перед ним стоял человек, которого Марк должен был постараться забыть.

– Так тебя зовут Марком, да? Прости, я не следил за тобой или что-то подобное. Просто букинист кричал довольно громко.

– ...

Перед Марком сияла улыбка. Широкая и мягкая, уверенная, что в мире нет никаких несчастий.

Увидев эту всепрощающую улыбку, мальчик подумал, что этот парень с радостью предложил бы спасение и дьяволу.

– !..

Марк повернулся и в ужасе сбежал.

Переулок где-то в Нью-Йорке

– Позвольте рассказать вам печальную историю...

Свежий бриз обдувал молодого человека в тени, который уставился на свои ноги.

В Нью-Йорке сегодня было до неприятного солнечно. Влага от вчерашнего дождя испарилась, превратив воздух в горячую влажную смесь.

Пытаясь избежать жары, группа молодёжи собралась в переулке вблизи Бродвея.

Однако, парень в рабочем комбинезоне, стоящий в центре группы, – Грэхэм Спектр – начал повторять слова, которые быстро смогли превратить прохладную тень над ними в мрачную мглу.

– Почему мы здесь? Точно. Мы здесь из-за жары. И куда же мы подались, избегая вызова солнечного света? Да. Сюда. Мы пришли в тень.

– Конечно...

Остальные слушали вполуха, лениво привалившись к стенам в попытке перекачать жар из голов в холодные камни. Лишь один из них прилежно отвечал на бормотание главаря.

Парень по кличке Шафт был единственным, кто мог подстроиться под вечно меняющееся настроение Грэхэма.

– Другими словами... Мы драпали от солнца, поджав хвост! Как грустно... Это трагедия! Солнце даже не собиралось бросать нам вызов! В конце концов, мы всего лишь космическая пыль по сравнению с огромным огненным шаром! Я верю, что солнце не настолько мелочно, чтобы презирать комочки пыли, катающиеся по Земле! Но! Это по-прежнему верно! Мы удрали! От чего? Да, мы сбежали от солнца! Которое не желало нам зла! Пусть даже мы не можем выжить без его существования!

– Босс, никто и не говорил, что можем.

– Проклятье! Кем, ты думаешь, считают себя люди? Солнце может стать нам врагом или другом, а мы даже не заметим. Было бы оно хоть чуточку горячее, и человечество осталось бы в руинах. То же самое, будь оно холоднее! В итоге, мы всего лишь плебейские игрушки солнца. Другими словами, солнце это властелин, который управляет человеческой расой! Как ужасающе трагично... Мы видим лик властелина каждый день, но ничего не можем с этим поделать. И как же мне полагается справляться с этой разрушительной скорбью?!

– Как насчет напустить её на ваш собственный разум, босс?

Никто не мог сказать, от жары или страха потёк по лицу Шафта пот.

– ...

– Честно, босс. Что ещё нам было делать, если вы бродите вокруг, разваливаясь хуже обычного, всего лишь потому, что чуть жарче, чем всегда? Мы сами изо всех сил пытаемся спрятаться от жары, так что как насчёт сдаться солнцу и полежать немножко на земле?

– ...

– Погодите, босс... что-вы-делаете-с-ключом...

Грэхэм поднял своё любимое оружие, гигантский разводной ключ, и улыбнулся, напоминая восточную статую Будды.

– Позволь рассказать тебе полезную историю. Да, полезную историю.

– Угу, босс.

– Как охладиться? Что ты думаешь про «выплюнуть всю свою кровь, чтобы отнять у тела всё тепло»?

– Угу, Босс Грэхэм? Босс? Это не...

Слышал ли он Шафта или нет, но Грэхэм схватил подчинённого за шею и свободной рукой пришил к стене.

– Ай! Босс! Пожалста! Подумайте-о-своей-репутации!

– Вдруг от этого ты почувствуешь себя лучше. Поделишься личным опытом...

Рука Грэхэма с ключом замерла в воздухе, как механическая игрушка, заведенная до предела.

– Насколько я знаю, трупы всегда холодные.

– Конечно-трупы-холодные-если-их-температура-ниже-комнатной!

Раз Шафт умудрился сохранить долю здравого смысла даже в состоянии паники, то Грэхэм ангельски ему улыбнулся.

– Я знаю.

Он мгновенно стёр с лица улыбку, заменив её ледяным выражением.

– И что с того?

– Стоооооооайте! Пожалустабосс-ненадо-пжалуста-нееееееет!

По крику Шафта, как по сигналу, правая рука Грэхэма качнулась вниз, словно пружинный механизм.

Покрытый ржавчиной и кровью ключ с гулким мощным буханьем врезался в цель.

– Аааа.... ах... ах...

Шафт обмяк, и его глаза закатились

Грэхэм выдернул ключ из стены возле головы Шафта и освежающе ухмыльнулся.

– Теперь стало прохладнее?

Он саданул ключом по кирпичной стене.

Хотя его ватага покрылась холодным потом от проявления анти-логики, оно не стало чем-то удивительным – всего лишь часть повседневности.

Не обращая внимания на полу-обморочного Шафта с дрожащими коленками, Грэхэм вытянул руку с ключом параллельно земле и завертелся на каблуках по тенёчку.

Хотя сила эмоций осталась прежней, их природа изменилась на 180.

– Позвольте рассказать вам забавную историю! Я её расскажу, даже если вы попытаетесь меня остановить! Даже если мне придется заставлять вас слушать! Отныне всё будет наполнено весельем! О нет, я чувствую приход вдохновения! Должно быть именно это чувствует Босс Ладд, когда выходит убивать людей!

Грэхэм вертелся на месте, вращая ключом, так что к нему было чрезвычайно трудно подойти, и заставляя остальных отступить – как физически, так и эмоционально.

– Точно! Босс Ладд! Без шуток, даже после потери руки и ареста копами он спас нас всех от скуки! Ну, что скажете?!

– Я бы лучше поскучал, босс, – вернувшийся в строй Шафт глянул на убийственный волчок Грэхэма. – Это из-за него нас посчитали Томми Айспиком.

– Верно! Это в точности то, о чём я хотел поговорить!

Глядя в полуприкрытые глаза жоака, Шафт, сдаваясь, вздохнул.

– И какого чёрта мне пришлось закатывать глаза под лоб, босс, чтобы вы пришли к этому выводу?

– Что посеешь, то и пожнёшь. Ты сам виноват, что пожаловался мне. Точно... Шафт, это ты виноват! Или я! Моя жестокая половина! А солнце не виновато!

– Снова солнце?!

– Солнце просто есть. Без добрых или злых намерений. Кстати, ему и намереваться нечем! И всё же само его присутствие дает нам всё и временами мучает! Это невероятно! Неудивительно, что его считают богом в стольких странах! Это забавная история... Солнечный свет – это яростный кулак Бога. И мы намерены его сокрушить, наш путь лишь начинается... Или нет?!

– Откуда мне знать, – снова вздохнул Шафт и попытался вернуться к теме разговора.

– Вы слышали, что прошлой ночью сказал репортер. Правда, босс? Давайте попробуем затаиться, пока они не поймают преступника.

Прошлая ночь

Некое спикизи

– Ч-что вы имеете в виду, нас подозревают?

Репортёр по имени Карл Дигнес, который связался с ватагой Грэхэма под предлогом интервью для газеты, передал им информацию, от которой и пьяный бы мгновенно протрезвел.

– Полиция считает, что именно вы стоите за убийствами Томми Айспика.

Диковинное заявление репортёра заставило Шафта ошеломлённо повторить свой вопрос.

Банда Грэхэма ожидала, что журналист будет опрашивать их для статьи о шпане или что-то вроде. И внезапное откровение Карла их озадачило.

Тогда как Грэхэма, вертящего свой ключ, перспектива, похоже, весьма развлекала.

Репортёр Дейли Дейз глянул на него и продолжил так тихо, чтобы расслышали только окружающие.

– Грэхэм Спектр. Демонтажник, который работал в Чикаго в автомастерской. С детских лет любил раскурочивать, так что разобрал любимым ключом больше трёх тысяч машин. А теперь ты переехал в Нью-Йорк и возглавил банду уличной молодёжи. Полагаю, этого достаточно для твоей биографии.

Пока Карл сведения вываливал на Грэхэма, остальные подозрительно смотрели на репортёра. А сам Грэхэм продолжал крутить ключ с видом, будто сейчас умрёт от счастья.

– Ха... Это удивительно. Кто бы знал, что так удобно обходиться без представления себя?

Однако...

– Ты знаешь парня по имени Ладд Руссо?

– ...

Шлёп.

Относительно громкий звук подчеркнул момент, когда ключ Грэхэма замер в воздухе.

– Человек, с которым вы, ребята... или точнее, ваш вожак Грэхэм, связался, живя раньше в Чикаго.

– «Связался» – неправильное слово. Скорее, я восторгался великолепной мощью Босса Ладда.

– И что насчёт слухов о том, что он лучший боевик Семьи Руссо?

– Слухи – это только слухи. И ничего более.

Грэхэм уселся, сложил руки и ключ на коленях и усмехнулся.

– Босс Ладд не просто боевик. Он убийца. Не ошибитесь, считая его дешёвкой, убивающей ради денег. Босс Ладд убивает ради удовольствия. Он худший из худших.

– Это конец... Босс Грэхэм совсем потерялся, – Шафт спрятал лицо в ладонях. Грэхэм не обратил на него внимания и бесстрашно продолжил:

– Босс Ладд силен. Неважно, убийца вы или герой – пока у вас хватает сил, вы уже в своей категории. И в этом мире есть жалкие ошмётки отбросов, которые поклоняются мощи, даже если её обладатель оказывается маньяком-убийцей. И что это за отброс? Я!.. Это становится забавно. Был ли я действительно на самом дне? Нижайшим из низких... Это замечательно! Это значит, что мне оставался единственный путь – вверх, и так как нет никого ниже меня, то никогда не убоюсь, что меня обойдут! Наверно, мне некуда падать дальше! О чем только думал Бог, позволяя мне настолько веселиться за один раз?!

– Возможно, о том, чтоб оставить тебя, пока он занят?

Не обращая внимания на Шафта, Грэхэм снова раскрутил ключ. Внезапно он остановился и с весьма серьёзным видом спросил репортёра:

– А кроме слухов, почему полиция нас подозревает?

– Сначала они думали, что у преступника что-то вроде личной вендетты по отношению к жертвам. Что понятно, потому что никакой нормальный человек не зайдёт так далеко с трупам без причины.

– Хм.

– Но после второй и третьей смерти копы поняли, что между жертвами нет никакой связи. Они выдвинули версию, что убийства случайны и совершены не одним человеком. Другими словами, шпана вроде вас, у которой нет алиби, но есть некоторая степень свободы, находится на самом верху их списка подозреваемых.

Карл сделал глоток чая.

– И если бы это было всё, то вы бы оказались единственными подозреваемыми, но четвёртая жертва – особый случай.

– Особый случай? Судя по тому, что я прочёл в газетах, он сдавал в аренду склады.

– На первый взгляд, да. В конце концов, правительство из кожи вон лезет, притворяясь, что на улицах не существует организованной преступности.

Грэхэм сухо усмехнулся откровенному выражению Карла.

– Другими словами, вышеупомянутая четвёртая жертва была из мафии, я прав?

– Чтобы быть точным, из Семьи Гандор.

– ...

– Уверен, вы и раньше о них слышали.

При упоминании имени ватага обменялась взглядами. Грэхэм засмеялся и помотал головой.

– ...Не то имя, которое я рад слышать прямо сейчас. Нет, погоди. Кое-что в этом становится забавным.

– Как нечто подобное может быть забавным, – заныл Шафт. Журналист продолжил:

– Всё верно. Насколько я знаю, ваша банда уже несколько раз причиняла Гандорам неприятности на их территории. Четвёртый труп был новичком в организации, но это та связь, которая теперь указывает копам прямо на вас.

– Не может быть! – воскликнул Шафт, распахнув глаза. – Это... они придираются! Из-за всего лишь одного ублюдка?

– Первая жертва, хозяин бара, недавно перевёз заведение на территорию Гандоров. Вторая, агент по недвижимости, недавно начал вести дела с Гандорами. Что-то насчет покупки земли. Третья – полицейский, направленный патрулировать территорию Гандоров. Кто знает? Может его с Гандорами объединила взятка.

Чем дольше длился список, тем бледнее становился Шафт. Остальная ватага стойко внимала репортёру с явной тревогой в глазах.

– Сначала они подозревали Рунорату из-за заварушки полгода назад или Мартилло, которые в прошлом чуть не начали с Гандорами войну. Но никто из них не убивал бы ножом, даже в качестве угрозы. Рунората бы бушевали и использовали томми-ганы. А Мартилло специализируются на быстрых схватках, так что они бы охотились на главарей.

– Ты говоришь совершенно здраво, – хищно усмехнулся Грэхэм, снова раскручивая ключ. Как будто он уже сделал собственные выводы и теперь умирал от желания сравнить результаты с чужими.

Заметив ребяческий блеск в глазах Грэхэма, Карл коротко выдохнул и горько рассмеялся.

– И поэтому копы перенесли своё внимание на ребят, которые не совсем в здравом рассудке. Конечно, у них нет никаких доказательств, поэтому они не могут бегать по округе с арестами. В любом случае – Ладд Руссо страдает манией убийства. Согласно Бюро Расследований, у него был друг, которого он считал почти братом, такой же псих, как он сам.

– Другими словами, ты.

Повисла пауза.

Тяжёлая тишина зависла над столом. Шокированная шпана теперь ясно слышала разговоры за соседними столиками.

– ...Так позволь мне кое-что спросить.

Приспешники Грэхэма весьма удивились. Непривычно слышать такие суровые интонации в голосе Грэхэма.

– По какой возможной причине ты нам это рассказываешь?

Прошло мгновение.

За этот краткий срок журналист понял намерения Грэхэма, сделал глоток чая и заговорил:

– Потому что я знаю, что это не ты.

– О? И на чём основана твоя уверенность?

– Информация Дейли Дейз надёжна, насколько я могу судить. Ты проблема, Грэхэм Спектр, но мне лучше знать, обвинять ли тебя в убийстве.

– Но по-прежнему не исключена некая вероятность того, что потерявший руку Босс Ладд внезапно вернулся из могилы, и теперь я им одержим, не так ли? – спросил Грэхэм, провокационно наклоняясь вперед и касаясь кончика носа Карла свои ключом.

Глаза Грэхэма необычно блеснули из-под прядей чёлки. Не требовалось большой натяжки, чтобы поверить, что он действительно приготовился убивать.

Но Карл сухо рассмеялся, откинулся назад и подал знак, что хочет повторить заказанный чай.

– Прошу прощения, я весьма придирчив относительно чая, но этот бар – совсем другое дело. В большинстве спикизи вы не найдёте настолько качественных листьев.

– Наверно, это потому, что мы тут уже устраивали большой шум. Благодаря этому, здесь всё, кроме выпивки, – первоклассный товар.

– Тогда полагаю, я должен вас за это поблагодарить... О, и то, что я раньше сказал, почему не подозреваю вас...

Карл наклонился вперёд и отодвинул с пути ключ Грэхэма. Его манера разговора ничуть не изменилась, но громкость понизилась на порядок.

– Потому что я думаю, что знаю, кто это сделал.

Следующий день

Переулок

– Интересно, о ком он говорил, когда сказал, что знает, кто это сделал? – повёл плечами Шафт, повторяя услышанное прошлой ночью.

– Чёрт, если бы я знал! – с энтузиазмом ответил Грэхэм, по-прежнему вертясь волчком.

– Не то, чтоб я не спрашивал, но тогда этот ублюдок разыграл карту «это территория информационных брокеров»! Забавный... да, забавный и интересный человек. В таких условиях, наш единственный выбор – ворваться в офис Дейли Дейз и похитить все их данные!

– И что вы с ними будете делать?

Несмотря на изумление Шафт никогда не забывал отвечать боссу. Грэхэм обернулся к нему и телом и взглядом.

– ...Возьмём, например, лошадиные скачки. Мы могли бы узнать результаты следующего заезда! Чёрт, если бы мы это знали, то могли бы стать непристойно богатыми! Но для начала нужен стартовый капитал. Шафт! Сколько у тебя денег с собой?

– Думаю, как раз хватит на то, чтоб отвести вас к доктору, босс. Может быть, доктор Фред согласится сделать вам большую скидку.

– Конечно... Доктор. Доктора прекрасны. Они профессиональные расчленители человеческих тел. Но, отходя от темы, у меня голова кружится. Может быть, я подхватил простуду?

Грэхэм продолжал кружиться на месте. Шафт спрятал лицо в ладонях.

– Аррргх... Этот парень безнадёжен.

Когда Грэхэм после долгого верчения упал на землю, шпана расселась в тени вокруг него и наслаждалась ветерком.

Их вожак, лежащий посреди необычной сцены, не сомневался, делиться ли своим неудовольствием.

– Позвольте рассказать вам печальную и грустную историю. Раньше я мог обернуться три тысячи раз и даже не вспотеть, так почему же сейчас меня так ослабили всего лишь две тысячи триста семнадцать оборотов?

– Может, потому, что вы обормот, босс, – слабо пошутил Шафт. У Грэхэма не было сил даже отомстить.

– Грр, подумать только, мне не хватает сил даже для такой банальной вещи, как разборка шафтовой черепушки! Я не должен был ждать меньшего от солнца! Жара! Безжалостный огненный шар над головами продолжает нас мучить, лишая возможной свободной воли...

– Как всегда заняты, да, босс?

– О, всё кончено... Мои силы истощены. Наше путешествие только началось, но мы уже разбиты и умрем прежде, чем сумеем достичь Небы-

вальщины⁹. Именно так, если в двух словах, я себя сейчас чувствую. Будь проклято, солнце... Даже самый полный ненависти мой удар не сможет и мечтать оставить на тебе зарубку, не говоря уже о том, что уничтожение тебя лишь доставит мне кучу новых проблем... Иди к чёрту, солнце! Щеголяй своей абсолютной властью над нами, как наши предки, разорившие континент бесчисленным оружием! погоди! Быть может это проклятие ацтеков и майя? Будь проклят, Кортес¹⁰! Тысяча проклятий тебе, Писарро¹¹! Из-за тебя грядёт Кецалькоатль¹²!.. Он грядёт!

– Какой вы умный, когда дело доходит до чуши.

Игнорируя тирады вожака в честь древних богов потерянных цивилизаций, остальные начали обсуждать информацию, полученную от журналиста прошлой ночью.

– Значит, пятая жертва из сегодняшней газеты... думаете, она тоже имеет какое-то отношение к Гандорам?

– Без понятия. В любом случае, парень сказал, что у него есть подозрения насчёт преступника, верно?

– Но он же всё равно не сможет ничего сделать, чтобы остановить его.

– И в конце концов, всё, о чём он нас просил – то, что мы уже делали раньше, и типа того, чем мы и так каждый день занимаемся.

– Ух... Кецалькоатль... Он близится...

– Если подумать, Шафт, то разве интервью о чём-то похожем у нас соби-
рался брать не какой-то другой репортёр?

– Раз ты упомянул, они говорили что-то об интервью в ближайшее время. Другая газета гораздо больше чем Дейли Дейз, так что я надеюсь, они ещё придут и заплатят нам больше, чем прошлой ночью.

– Но опять-таки, кто захочет о нас читать?

– Это джунгли, детка.

– Виракоча¹³... потоп Виракочи!

– Я не понимаю Босса Грэхэма.

– Он говорит про Кон-Тикси-Виракочу. Бога, которому поклонялись инки.

– Шафт, а ты сам не слишком много знаешь?

– Говоря о том, чего я не знаю, мы не видели этого ублюдка Далласа уже года два.

⁹ Neverland – место жительства Питера Пэна и прочих волшебных существ

¹⁰ Эрнан Кортес — испанский конкистадор, завоевавший Мексику и уничтоживший государственность ацтеков

¹¹ Франсиско Писарро — конкистадор, завоевавший государство инков

¹² «Пернатый змей», один из главных богов ацтекского пантеона

У майя была легенда о просветителе с таким же именем. Когда его изгнали, он пообещал вернуться. (За него ацтеки и приняли Кортеса)

¹³ Сотворитель мира в пантеоне андских индейцев. Устраивал большой потоп, чтобы истребить всех людей, кроме нескольких избранных

– Может он сбежал куда-то в глушь?

– Он и его дружки никогда не встречали Босса Грэхэма, ха.

– Если бы встретили, он бы наверняка сбежал в глушь гораздо раньше.

– О... Тескатлипока¹⁴... Тескатлипока требует жертву...

– Я тут подумал, ты знаешь что в Семье Мартилло есть капо с реально девчачьим личиком?

– Да, я слышал о нем. Я слышал, что если ты скажешь ему это в лицо, он измолотит тебя в кашу, раздавит тебе кадык, оторвёт яйца и спросит: «Ну и кто тут теперь девчонка?».

– Ужас.

– А... Аматерасу Оомиками¹⁵... Аматерасу Оомиками скрылась в пещере...

– Кажется, Босс Грэхэм сломался.

– Он всегда такой.

– Нет... Не смотри на лицо Идзанами¹⁶... они идут... Ёмицу-шикоме уже идут!..

– Шафт, о чём он бормочет?

– Я начинаю задумываться, зачем он начитался такой бесполезной чепухи? Ленивым летним днем ватага убивала время в пустой болтовне. Они ждали чего-нибудь большего, чем неизменности до заката. И пока они расслаживались, уступая погоде, внезапный незванный гость безо всякого предупреждения разгромил их тёплый день.

– А-ай! Простите! Пропустите!

Мальчик внезапно выбежал в переулок, намереваясь проскочить мимо Шафта и остальных и добраться до противоположного конца.

– Эй, пацан.

Мальчишка промчался мимо прежде, чем Шафт успел его остановить.

– ААА!

Мальчик на бегу всем весом наступил на солнечное сплетение Грэхэма, лежащего на земле, и сделал ещё несколько шагов, прежде, чем сообразил, что натворил что-то ужасное.

– Э! Ох... э... Простите!.. Мне очень жаль, но я спешу! Простите меня!

Торопливо извинившись, мальчик развернулся и в мгновение ока исчез на другом конце переулка.

¹⁴ Бог в пантеоне майя и ацтеков. В том числе разрушитель мира

¹⁵ Богиня-солнце, одно из главенствующих божеств всеяпонского пантеона синто и прародительница японского императорского рода. Когда она, испугавшись поведения мужа, скрылась в пещере, мир погрузился во тьму

¹⁶ Богиня творения и смерти в синтоизме, супруга бога Идзанаги. Заболев, она удалилась в страну Ёми, где царил вечный мрак. Просила пришедшего за ней мужа не смотреть на неё. Он послушался и сбежал, а вдогонку за ним отправили восемь Ёмицу-шикоме – ведьм из страны Ёми.

И пока ватага в шоке хватала ртами воздух, Грэхэм стонал от боли и катался вокруг них.

– !.. Ух!.. Кха!.. Он до меня добрался! Что это. Что со мной случилось? Арх! Вот так себя чувствуешь, если тебя проткнули одиновым Копьем Лонгина?

– Не поднимайте шум, босс. И не путайте Лонгина¹⁷ с Одином¹⁸.

Грэхэм, как обычно, проигнорировал поправку Шафта. Надрываясь от кашля, он поднялся на ноги.

– Теперь я вспомнил... Это отродье жестоко на меня наступило! Проклятье... у меня не осталось чувств, кроме ярости. Я однозначно одержим гневом! Интересно, это печальная или забавная история? Ох, Шафт, неизвестность меня убивает! Скажи мне! Кто виноват?

Шафт чуть не ответил на безумный вопрос Грэхэма «Тот, кто валяется посреди дороги», но решил переформулировать, надеясь, что в итоге он сам не окажется точно так же лежащим в пыли.

– Я бы сказал, тот, кто воспитал этого пацана грубым сопляком.

– Да... Ты абсолютно прав! Именно это я и хотел сказать... Кто научил его, что можно наступить на невинного пешехода и даже не извиниться? Черт! Теперь мне стало грустно. Неужели Америка пала настолько низко, что растит детей, которые топчут друг друга? Или это одно из проклятий древних?!

– По крайней мере, вы снова полны энергии, босс.

И пока Грэхэм продолжал обвинять древние цивилизации в преступлениях, которых они не совершали, ватага выдохнула с облегчением, потому что он не поранился.

В отличие от них сам Грэхэм размахивал ключом и шаг за шагом срывал злость на окрестностях.

Вскоре он выглядел так, будто готов выбежать на улицу и разобрать на части первую же проезжающую мимо машину. Его друзья занервничали.

Именно в этот момент между ними вклинился ещё один незванный гость.

– Привет. Вы не могли бы мне помочь?

Ватага синхронно повернула головы. На входе в переулок стоял человек.

Он выглядел ненамного старше них самих. Довольно опрятно одетый, он был не слишком похож на офисного работника (конечно, ни один клерк в здравом уме не сунулся бы на задворки в это время дня). Но он не был похож и на безработного или полицейского, и вообще ни на одну из известных им профессий.

Второй странностью была улыбка, словно приклеенная к лицу, хотя он смотрел прямо на Грэхэма и его ватагу очевидно ненормальных друзей.

¹⁷ По преданию, римский воин, пронзивший копьем бок распятого Иисуса Христа

¹⁸ Верховный бог в германо-скандинавской мифологии. Среди его атрибутов есть копье Гунгнир, которое никогда не пролетает мимо цели и поражает насмерть всякого, в кого попадает

Человек всмотрелся в переулок и, не переставая улыбаться, пожал плечами.

– Вы случайно не видели, тут не пробежал мальчик лет на пять младше вас? Договорив, он обнаружил, что его шея зажата тисками ключа.

– Позволь мне рассказать тебе... печальную, но забавную историю.

Воздух подозрительно дрожал вокруг Грэхэма Спектра, который медленно потряс головой.

– Я без понятия почему, но одно я знаю точно: это факт, что ты гонишься за мелким отродьем. Другими словами, факт, что сопляк так торопился, факт, что в спешке он наступил на меня, и факт, что мы все от жары загибаемся, это всё приписывается никому иному как тебе. Поэтому я провозглашаю эту историю грустной, но забавной!

– Ты... Ты за неё ответишь!

Вечер

Лавка букиниста

Когда горячее полыхающее солнце село за Нью-Йорк, улицы осветились другими огнями. Ночная тьма окутала город, и один за другим загорались фонари, словно пытаясь сопротивляться.

Манхэттен начал свой переход в ночь.

Однако, всё было безжизненней обычного. Возможно из-за историй об убийствах люди меньше ходили переулками, предпочитая держаться больших улиц.

– ..Похоже пора уже закрываться на сегодня.

Хозяин магазина вздохнул и собрался занести внутрь полки, выставленные наружу как витрины.

Но как только он вышел за дверь, перед его глазами без предупреждения возник некто.

– Аах!

Мужчина бессмысленно вскрикнул, но понял, что фигура гораздо меньше, чем ему сначала показалось. Поправив очки, он заметил, что смотрит в знакомое лицо.

– Привет.

– О, это ты, Марк. Боже мой, ну ты меня и напугал. Со всеми этими слухами про Томми Айспика...

В отличие от облегченного смешка букиниста Марк продолжал несчастно хмуриться.

– Что случилось, мальчик мой?

– Расскажи мне больше про ту штуку.

– ..Я же говорил тебе, Марк, забудь.

Букинист неловко вздохнул. Но судя по чёткой целеустремлённости в глазах, Марк бы не оставил тему.

– Пожалуйста. Даже если я пытаюсь забыть... он меня просто преследует!

– Что? О чём ты, сынок? – в шоке спросил хозяин.

Марк помолчал минутку. Он снова заговорил, только тщательно подобрав сначала слова.

– Я... Я видел, как человек умер... но потом я увидел, что он вернулся к жизни. И теперь он не перестаёт ходить за мной... Я еле от него избавился, но... он наверно всё ещё меня ищет.

Букинист слушал молча, по его лицу пробежала странная смесь эмоций.

Марк знал, что признание, что ты видел нечто настолько невероятное, как воскрешение, не может пройти легко. Но судя по реакции букиниста сегодня днем, он понял, что ему не к кому обратиться. Марк должен рассказать старику, что он видел.

Разумеется, он не упомянул самую важную часть – про свою попытку самоубийства.

Букинист некоторое время молчал.

– Хм...

Он повертел головой, чтобы убедиться, что поблизости никого нет, и обратился к Марку.

– Сюда, Марк. Нам лучше поговорить внутри.

Марк шагнул в магазин. Старик провёл его к стойке в углу заведения и уселся на стул за ней. И только ещё раз осмотрев свой собственный магазин, он почувствовал себя достаточно в безопасности, чтобы заговорить.

– Ладно... Полагаю, у меня нет выбора. Марк, ты никому не должен говорить, что я тебе это сказал. Понимаешь?

– Д-да.

– Видишь ли... Полгода назад я тоже видел, как кое-кто вернулся к жизни прямо на моих глазах.

– Что? – выдохнул Марк.

Старик внимательно огляделся вокруг и шёпотом продолжил.

– Хотя это отчасти потому, что меня бы заперли, скажи я что-нибудь, но так же и потому, что кое-кто заставляет меня молчать. Они не позволят мне жить, даже если пошучу по пьяни. Я хорошо знаю это лицо...

– Это кто-то из твоих знакомых?

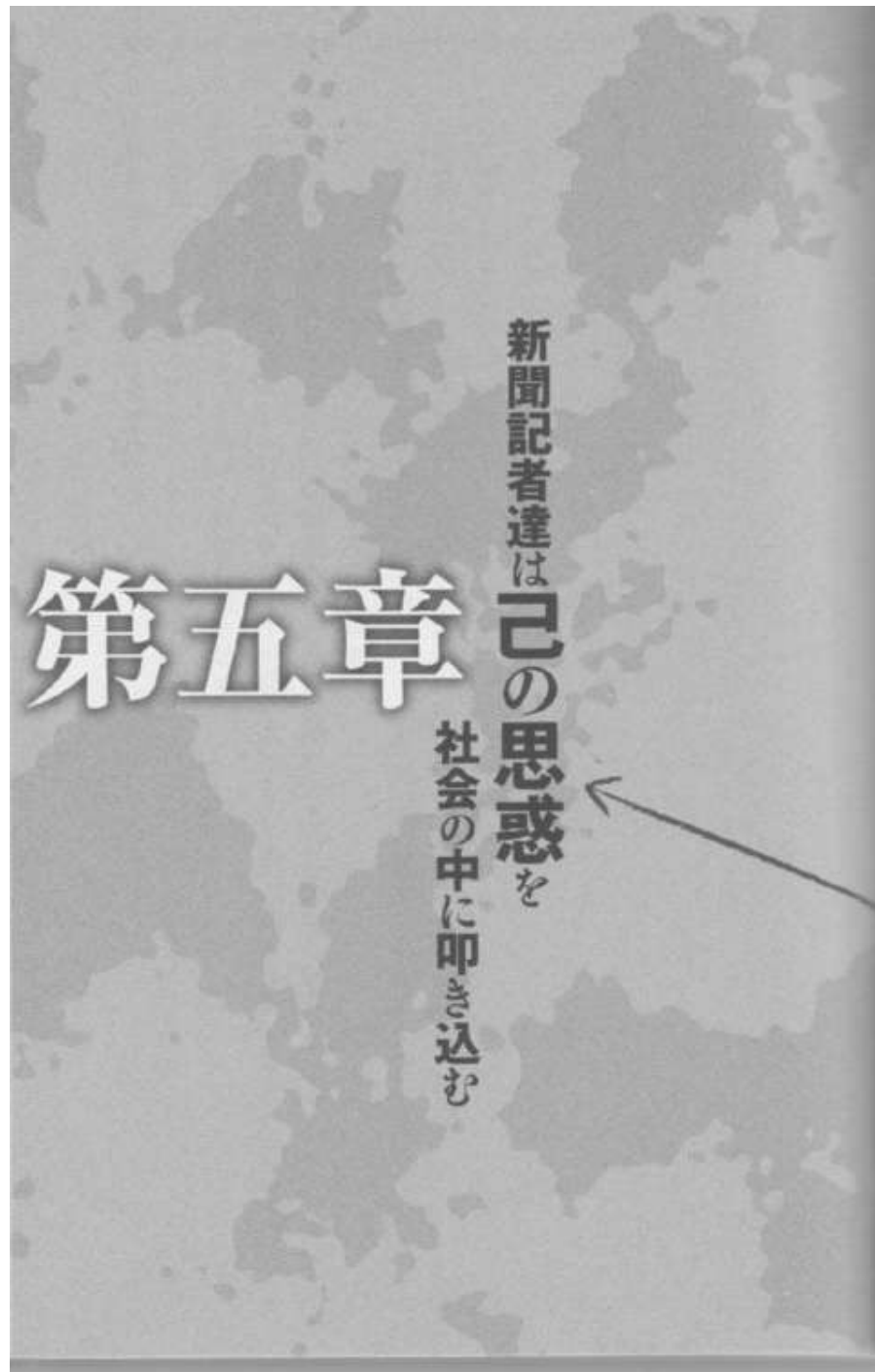
Марк запутался ещё сильнее. Старик снял очки и потёр переносицу.

– Он... местный мафиози. Один из хозяев этой территории.

– Мафиози?

– И неважно, чудовище он, вампир или человек... Ребёнку вроде тебя не стоит связываться с подобными личностями.

Глава 5.
Журналисты сообщают миру свои версии

Третий этаж некоего здания на Уолл-стрит, Нью-Йорк

– Ты теперь Мистер Популярность, да, Лестер?

– Хватит, пожалуйста.

Как только молодой репортёр заходил в дверь, коллеги начинали его дразнить.

Лестер был центром внимания редакции крупной газетной компании. Потому что он оказался первым человеком, который стал свидетелем одного из убийств Томми Айспика.

С усталым лицом он сел за свой стол. Остальные журналисты заколебались, думая, поговорить ли им с Лестером, но заметили приближение главного редактора и вернулись к работе.

– Ты в порядке, Лестер?

– Э... Да, шеф.

– Как прошел допрос в полиции? Ха! Обычно это ты расспрашиваешь.

– Неприятно, это точно. Могу сказать, что они меня подозревали.

Лестер кивнул и вспомнил, что произошло в комнате для допросов. Он скорчил гримасу, будто жука жевал и во рту катал, ясно выражая свои чувства по поводу обращения с ним в полицейском участке.

– Опубликовать статью, даже не дав полиции шанса опросить нас... Даже нашему боссу сделали строгое предупреждение.

– Ну, извиняюсь.

– О чём ты говоришь, Лестер? Продажи утреннего выпуска подскочили до тридцати процентов! Босс в экстазе.

Главный редактор пожал плечами и горько рассмеялся. Лицо Лестера снова обрело цвет.

Заметив это, главный редактор мягко продолжил:

– Они спрашивали нас и про твоё алиби. Мол, над каким сюжетом ты работал во время каждого инцидента.

– И как только они прекратили подозревать меня, они начали сомневаться в моих словах, спрашивая, не соврал ли я, чтобы продать побольше газет.

– Уверен, полиция просто отчаянно хочет получить точную информацию. В конце концов, к ним впервые пришел подходящий очевидец. В редакцию приходили самые разные анонимки, но ни одна из них не стоила изучения. Некоторые клялись и божились, что это дело рук Путевого Обходчика. Они что, считают Нью-Йорк захолустным полустанком?

Главный редактор фыркнул от смеха. Лестер улыбнулся и покачал головой.

– Я понимаю ваши чувства, шеф. До вчерашнего дня вся эта дезинформация доставляла мне кучу головной боли.

– Можешь это повторить.

Снова посмеявшись, главный редактор спрятал улыбку и взял со стола утренний выпуск газеты.

На первой странице был опубликован список примет Томми Айспика:

– необычно длинные руки;

– тощий, ходит под дождём без зонтика;

– прячет лицо за воротником пальто и полями шляпы;

– держит нож для колки льда в левой руке.

Это были все факты.

Вместе же они собирались в образ, вышедший прямо из кошмаров.

– Добавь ещё мертвецкий огонь изо рта и что он скачет вокруг, и мы получим Джека-прыгуна¹⁹, – пошутил главный редактор на тему городской легенды Англии.

– Он не «потусторонний». Я бы сказал, в лучшем случае, Джек-потрошитель, – вздохнул Лестер.

– Но тем не менее, правда, что твоё описание довольно расплывчато. Не говори мне, что ты специально так его составил, на случай, если преступника поймают.

– Да. Я не хочу, чтобы меня называли лжецом.

Внезапно сотрудник, отвечающий на телефонные звонки, повернулся к ним и поднял руку.

– Лестер, тебе звонят.

– Снова полиция? – спросил главный редактор. Телефонист помотал головой, прикрывая ладонью трубку.

– Это мистер Дигнес из Дейли Дейз.

Закат

Спикизи «Альвеаре»

Спикизи пропитывал сладкий запах.

«Альвеаре» был необычным заведением между Маленькой Италией и Чайна-тауном.

На поверхности, как и указывало название, находился магазин мёда, но у «Альвеаре» была и потайная сторона, которую показывали не каждому.

Между полок, заставленных бесчисленными банками мёда, находилась стойка, а за ней – крепкая дверь. С разрешения управляющего посетители могли пройти через дверь и войти в порождение эпохи, ограниченной «сухим законом».

Хотя «сухой закон» приняли в надежде навести порядок в обществе, закончилось всё созданием ещё более порочной, декадантской и любимой анархии.

Люди избегали пристального взгляда закона, чтобы позвенеть бокалами в подпольных барах, называемых спикизи.

Женщины становились завсегдатаями этих заведений наравне с мужчинами, а иногда бары посещали даже дети. Эти места секретных собраний гнездились в щелях между людскими сердцами и законами страны.

¹⁹ Персонаж английского фольклора Викторианской эпохи, гуманоидное существо, способное совершать прыжки поразительной высоты

В то время спикизи были по всему Нью-Йорку. На одном Манхэттене их было столько, что почти невозможно было найти улицу без хотя бы одного подпольного бара.

Контрабанда алкоголя стала одним из столпов, на которых мафия построила свои империи, и законы, которые должны были принести порядок, привели в итоге к противоположному.

Внутри галантерейных магазинов.

На вторых этажах автомастерских.

В задних комнатах обувных магазинов.

На нижних палубах судов, пришвартованных к берегу реки.

В пустующих операционных в больницах.

Спикизи возникали в любом слепом пятне, которое только могли придумать люди, даже в церквях и моргах.

«Альвеаре» было одним из таких приютов, спрятанных от глаз закона.

Не теряя бдительности, Лестер настороженно прошёл вглубь медового магазина.

Интерьер спикизи больше подошёл бы театру, построенному для мюзиклов. Стены цвета слоновой кости сияли медовым золотом в свете свисающих с потолка люстр.

Внутренность помещения оказалась гораздо больше, чем предполагала витрина магазина. По комнате был расставлен десяток круглых столиков, застеленных белыми скатертями.

— ...до меня доходили слухи, но...

С улицы казалось, что это множество зданий, стоящих бок о бок. Однако, теперь Лестер понял, что внутри они все были соединены. Его мнение о баре мгновенно перевернулось.

«Семья Мартилло, ха».

Судя по тому, что он раньше слышал, так называлась организация, которая управляла заведением.

Семья Мартилло была преступной группировкой во главе с Молсой Мартилло. Вообще-то, они были не мафией, а каморрой – организацией, происходящей из Неаполя в южной Италии.

Лестер немного знал о разнице между мафией и каморрой, но до сих пор он и не уделял достаточного внимания этой организации.

«Всегда думал, что Мартилло – мелкие сошки... но судя по размеру бара, похоже на главное заведение какой-нибудь огромной мафиозной семьи Чикаго».

В глубине заведения располагалась сцена, вокруг которой размещалось ещё больше лампочек.

На сцене молодая азиатка в китайском платье танцевала с огромным мечом в руке. Большинство посетителей наслаждалось контрабандной выпивкой, а искусство мечницы помогало им осушать стаканы.

«Чувствую себя, будто в улье».

Запах мёда в подпольном спикизи был сильнее, чем в магазине наверху, где бессчётные банки мёда выставлялись на продажу. Сладость смешивалась с запахом алкоголя. Лестер почувствовал, что может опьянеть от одних только ароматов.

Решив, что в его же интересах побыстрее сесть, он осмотрел зал и заметил знакомое лицо человека, который махал ему из-за одного из столиков.

«Карл...»

Его бывший коллега, наставник и человек, которому он пытался подражать из уважения.

«Но теперь он всего лишь неудачник, перешедший в маленькую компанию».

Глядя на человека, которого он мысленно пытался принизить, Лестер сглотнул и сделал глубокий вдох.

– Давно не виделись, Лестер.

– Добрый вечер.

Кратко поздоровавшись, Лестер сел. Карл налил ему стакан контрабандной выпивки.

– Леди за стойкой пропустила тебя, не поднимая шума?

– Как только я упомянул твоё имя... В любом случае, рад видеть, что у тебя всё хорошо.

– Ну, ты же меня знаешь.

– Как поживает твоя дочка?

Лестер решил поговорить на относительно безобидную тему, чтобы попытаться выяснить, что нужно Карлу.

Карл перевёлся в Дейли Дейз, чтобы присматривать за больной дочерью. Маленькая компания чаще, нежели большая, позволяла ему пропускать рабочие часы. Лестер всё это знал, но мог считать уход Карла только жалкой борьбой с ответственностью.

Однако...

– Ну... Она умерла в позапрошлом году.

Лестеру было нечего сказать на удивительно быстрый ответ Карла.

– По крайней мере, я рад, что она не долго страдала.

– Я... не знаю, что сказать.

– Всё нормально. Это я виноват, что не сообщил тебе о похоронах. Знаешь, хотел, чтобы всё прошло тихо. Так что я сообщил родственникам и своему боссу. И как видишь, лишившись и жены, и дочери, я теперь могу зависать в спикизи допоздна, на сколько захочу.

«Заливай больше, угу».

Лестер не мог сказать, что Карлу воздалось по заслугам, но даже если бы ему сообщили о похоронах, он вряд ли бы пришёл. Лестер решил сменить тему.

– Зачем ты меня сюда позвал?

– Прямолинейно, как всегда, Лестер. Разве я не учил тебя, что лучший способ выведать информацию – это смешать источнику коктейль из слов и алкоголя?

– Учил, но ведь на тебе теперь эта тактика не сработает, верно? – ответил Лестер, не меняя каменного выражения лица. Карл усмехнулся.

Лестер неуклюже поднёс стакан с выпивкой к губам.

– Это... сладкое?!

Удивительное ощущение заставило его убрать стакан ото рта. Не считая алкоголя, казалось, что сладость обожгла ему весь пищевод.

Увидев выпученные глаза Лестера, Карл хихикнул.

– Ха! Как тебе сюрприз? Ты не единственный, кто корчит такое лицо, впервые попробовав медовую выпивку.

– ...Ты надо мной смеешься?

– Ни капли. Со временем ты привыкнешь ко вкусу.

Пока Карл осушал свой стакан того же напитка, Лестер тревожно подстегнул беседу.

– Если у тебя есть, что сказать, пожалуйста, переходи к делу. Я занят сильнее, чем могу показаться.

– О да, я читал твою статью сегодня в утреннем выпуске.

– Спасибо...

– Правда, удивительная. Уверен, теперь редакция думает о тебе гораздо лучше.

«О чём он думает?»

Насколько Лестер помнил, Карл был не из тех людей, которые жалуются или обижают других. На секунду Лестер задумался, не повлияла ли потеря дочери и смена работы на Карла так, что его поведение изменилось.

Карл улыбнулся задумчивому Лестеру и начал цитировать часть упомянутой статьи.

– Худой мужчина с необычайно длинными руками, который прячет лицо за воротником и шляпой, да? – хихикнул он. Однако смехок быстро исчез с лица Карла, когда он посмотрел прямо Лестеру в глаза.

– Ты соврал, не так ли?

Повисла пауза.

Представление на сцене дошло до кульминации, оставляя их беседу незамеченной остальными посетителями.

Что не помешало Карлу понизить голос, чтобы изречь фразу, которая потенциально могла перечеркнуть всё будущее Лестера.

Сколько времени прошло?

Для Лестера секунды растянулись на годы. Наконец, он справился с эмоциями и огрызнулся:

– А я-то думал, зачем ты меня позвал аж сюда. Ты же просто завидуешь, да? Конечно, ты можешь получить почести за название «Томми Айспик», но у любого есть право поймать сенсацию.

– Ты совершенно прав. Если история настоящая.

– Прекрати. Я не хочу ненавидеть тебя ещё сильнее, – начал Лестер, трясая головой, но Карл его перебил.

– Ты думал, я не узнаю?

– Прости?..

– Ты думал, я не замечу связи между пятью жертвами?

– Что ты...

Лестер соорудил невинную мину, но его глаза избегали Карла.

Карл сидел перед Лестером, облокотившись на стол и сцепив пальцы под подбородком. Лестер отвёл взгляд.

– Разумеется, может это и не лучшая формулировка говорить, что пять жертв связаны между собой.

– ...

– В конце концов, эта связь была между шестерыми, считая и тебя.

Лестер захлопнул рот.

Карл никак не показал своё отношение к реакции Лестера. Он просто тихо продолжил:

– Ты знал, правда? Когда убили первого, ты, наверно, мог подумать – или, по крайней мере, хотел думать – что это случайность. Твое мнение не изменилось и после второго убийства.

– ...

– Но ко времени смерти третьего и четвертого ты уже должен был сложить два и два. Этот серийный убийца выбирает своих жертв не случайно.

– Не знаю, о чём ты говоришь. Что за инсинуации насчет меня и жертв?

Лестер пытался изобразить невинного, но невозможно скрыть факт, что его лицо смертельно побледнело.

Он отхлебнул свой напиток, стараясь это скрыть, но ошеломительная сладость выпивки затруднила глоток.

– Уверен, что ты знаешь о связи между вами шестерыми лучше кого-либо. Несомненно, Дейли Дейз захудалая газетёнка, но, как информационное агентство, она гораздо могущественней, чем ты себе можешь представить. Даже я поразился, увидев как быстро наши президент и вице-президент умудряются добраться до надёжной информации.

– ...

– Не знаю, на самом ли деле ты видел убийцу или нет. Но если убийца тот, о ком я думаю, то именно у тебя окажется больше всего неприятностей,

когда его поймают. Но это не означает, что ты можешь просто позволить ему сбежать. В конце концов...

– Прости, но я даже не представляю, о чём ты говоришь. Если ты извинишь, я должен закончить работу над статьёй для завтрашнего выпуска.

Лестер стремительно встал из-за стола.

Карл окликнул его вслед, но Лестер проигнорировал его и сбежал. Хозяйка на секунду его остановила, но пропустила, когда он сказал: «Запишите на счет Карла!».

Он бежал, и бежал, и бежал.

Бежал, и бежал, и бежал, и бежал.

Он не знал, куда он должен убежать и как.

Он бежал от одной аллеи до другой, не желая ничего, кроме как оставить максимальное расстояние между собой и Карлом.

Но вскоре он достиг предела. Держась за стену, он выблевал всю выпивку, которую сумел сегодня проглотить.

Он бежал не от самого Карла и не от его слов.

Он бежал от правды, которую они обозначали.

«Чёрт.

Чёрт. Чёрт. Чёрт.

Как это случилось?»

Он вспомнил всё, чему был свидетелем. То, о чём знал только он.

Связь между ним и жертвами, которую по логике не должен был знать никто, кроме него.

Привалившись к стене, Лестер выплюнул чистую правду – единственную уверенность, о которой мог знать.

– Будь проклят... будь он проклят... Если он действительно Томми Айспик...

Дрожа от ужаса, он вглядывался во тьму ночи.

– Тогда... я... я следующая жертва! Проклятье!

Неслышно плача, Лестер подтвердил самому себе:

– Потому что... остался только я!..

В то же время

Где-то в Маленькой Италии

Одиноким мальчик стоял у входа в небольшой джаз-клуб, в переулке неподалёку от Малберри-стрит.

Доносящиеся из-за двери мелодии звучали текуче, будто пытались соблазнить прохожих своими переливами.

Однако, мальчик оставался неподвижен.

Он стоял, будто вмёрз в лёд, неспособный ни уйти, ни зайти.

«Они прямо за этой дверью».

«Я найду их прямо под этим заведением... Семейю Гандор».

Семья Гандор была маленькой криминальной организацией и, согласно хозяину книжного магазина, они имели отношение к людям, которые не умирают.

Джаз-клуб был их штаб-квартирой, и хотя букинист не зашёл так далеко, чтобы назвать имя, Марк, возможно, сумеет найти где-то здесь хотя бы одного человека, который не может умереть.

Однако, он не мог заставить себя сделать следующий шаг. Он вспоминал причину, по которой проделал весь путь, и снова и снова пытался набраться духу.

«Как только я туда войду, обратного пути не будет».

Он изо всех сил боролся с собой, чтобы сделать ещё шаг ко входу в джаз-клуб.

Однажды он был готов умереть.

Но почему он здесь и сейчас пробует одолеть бессмертных монстров?

Пытаясь проглотить эти мысли, Марк по-прежнему не мог двинуться вперёд.

– Привет, что случилось? – спросил из-за спины Марка слегка отрешённый голос под аккомпанемент клацанья металла о металл.

– Чт?..

Марк повернулся. Звук повторился.

Чик-чик.

Чики-чик.

Очень знакомый звук, но ни за что на свете Марк не мог бы ткнуть в него пальцем.

По крайней мере, пока не увидел пару огромных ножниц, блестящих в каждой руке человека.

– Ты не заходишь внутрь?

– Я-я... э...

– Не волнуйся. Для детей вроде тебя у них есть сок. Я его постоянно пью. Я обещаю, что твой заказ принесут быстро.

Судя по голосу и жестам, это был молодой человек мальчишеского вида.

Но ножницы в руках окрашивали его улыбку чем-то вроде безумия.

Это был Тик Джефферсон, знаменитый пыточных дел мастер Семьи Гандор.

Однако, Марку неоткуда было узнать его имя. Стоя на пороге джаз-клуба, юный палач невинно улыбнулся.

Чик-чик.

Чики-чик, чики-чик.

Пауза

Однажды на этих улицах произошёл ряд событий.

Публике о них досталось очень ограниченное количество информации.

Первое – пожар на предположительно заброшенном складе. Подозревали поджог.

Второе – грохот автоматной перестрелки где-то между Чайна-тауном и Маленькой Италией.

И случай, когда по всей дороге оттуда и до станции рассыпались пачки денег.

У людей не было лишнего времени, чтобы связать эти события в один сюжет.

В конце концов, во времена «сухого закона» на дне общества случались всякие истории. В Чикаго одного за другим арестовывали могущественных мафиози. Новые семьи мафии возникали из ниоткуда и распространяли свое влияние по всей стране. Эти случаи становились настолько заметными, что затрагивали и обычных людей.

Поэтому большинство обывателей не шокировали рассказы о пожарах на складах или перестрелках в переулках.

Но эти события случились в тени, вдали от глаз общественности, и значительно повлияли на будущее.

В центре шума оказались две преступные семьи.

Всколыхнула события парочка воров.

В инцидент на улице втянули старого алхимика.

И звали его Сцилардом Квотешем.

Для достижения своей цели этот старик запустил когти глубоко в улицы Нью-Йорка.

И когти, оставшиеся после того, как его тело разорвали, всё ещё продолжали вгрызаться в город.

Одной из личинок, пищащих в этих когтях, и был Томми Айспик.

«Был», «была» или «были»?

Ничего о Сциларде Квотеше не должно быть открыто миру. Однако, обыватели приняли дела Томми Айспика, как часть своей жизни. В конце концов, никто не знал, кто умрёт следующим, а газеты лишь раздували смятение.

И всё равно, неважно сколько времени прошло, ни газеты, ни полиция не добрались до правды.

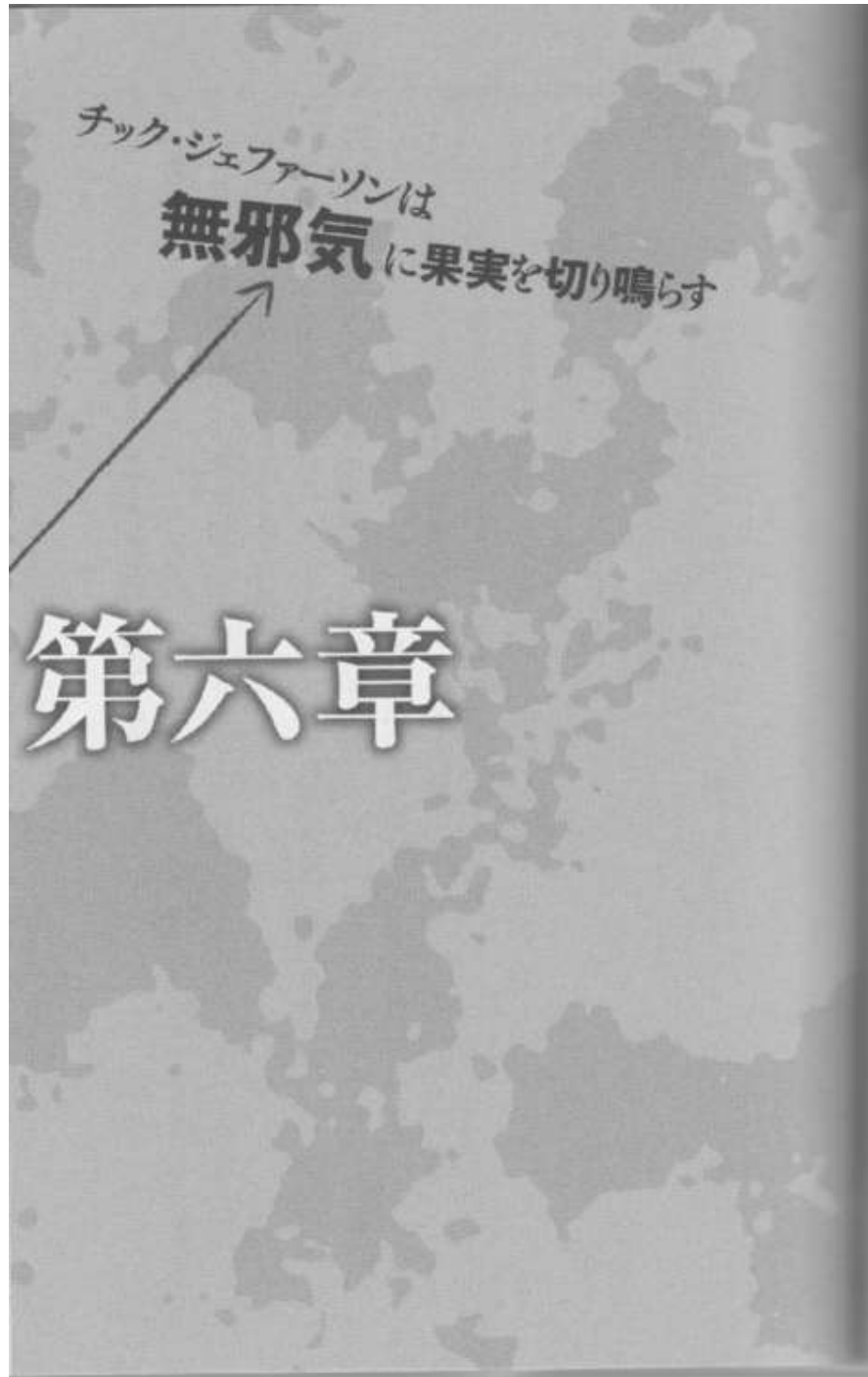
Обычные люди всегда бы игнорировали факт, что безумные убийства связаны с поджогом и пачками денег на улицах два года назад.

Тем летом, мальчик, который желал смерти, решил запугать бессмертного монстра.

А репортёр, который боялся смерти, решил осадить Томми Айспика.

Глава 6.

У Тика Джефферсона нет предпочтений в вырезании яблок

Чик-чик.

Чики-чик.

Под отчётливый металлический звук Марк сел и опустил голову.

Он находился в подвале, который был конторой Семьи Гандор.

Бледный Марк молчал и даже не потрудился взять принесённый ему стакан с виноградным соком.

На первом этаже над джаз-клубом висела вывеска со словом Coraggioso. И как предполагало слово, по-итальянски означающее «храбрость», Марк смело шагнул в этот незнакомый мир.

Но сейчас он замер, прикованный к месту.

Вокруг него пахло табаком. Наверху играли джазовые мелодии, заставляя всё вокруг выглядеть ещё более взрослым.

Можно было безошибочно утверждать, что мальчик вроде Марка совершенно не подходит этому месту.

За другим столом сидела группа игроков в покер. Они глянули на Марка, когда он только вошёл, но поняли, что он гость парня с ножницами, и тут же вернулись к игре.

Немного позже к столу подсел ещё один человек и спросил:

– Что это за пацан?

– Друг Тика, полагаю. Он всегда играет с соседскими ребятами, когда ему нечем заняться.

– Держа в руках ножницы?..

– Ага.

– Не могу поверить, что говорю это, но... куда смотрит полиция?

Хотя мужчины шептались, чтобы не впутывать посторонних, их слова бесцеремонно добавляли тяжести на плечи Марка. Ему было трудно дышать.

«Что я делаю?»

Всего вчера он мысленно готовился убить себя. Его решение не поколебалось.

Но когда он столкнулся с бессмертным монстром, его здравый смысл и эмоции впали в панику.

«Кто же он такой? Почему... почему он заметил кого-то вроде меня?»

Марк думал, что его жизнь ничего не стоит. Он даже думал, что мир станет без него лучше.

Его решимость была не признаком смирения, а надеждой, которую он хранил для себя.

Но теперь всё изменилось.

С тех пор, как он поймал взгляд чудовища с неестественно мягкой улыбкой, у Марка не было времени подумать о собственной ценности или жизни.

Будь он достаточно храбрым, чтобы лишиться себя жизни, даже увидев нечто настолько нелогичное, как чудовище, возможно, он бы никогда изначально не решился бы на самоубийство.

Будь он способен в тот момент успокоиться, он никогда бы бездумно не выбрал смерть.

Но эти факты стало невозможно игнорировать теперь, когда, пытаясь узнать больше о чудовище, он наткнулся на определённое имя.

Семья Гандор.

Мужчины в подвале и парень с ножницами, который привёл его сюда, даже не подозревали, что это имя означает для Марка.

Даже сам Марк не мог с уверенностью сказать, что оно значит. Чтобы упорядочить мысли, он начал вспоминать своё прошлое и связь с Гандорами.

– Что ты делаешь, амиго?

Он внезапно услышал нечто совершенно неожиданное – веселый женский голос.

– Э!..

– Здесь не должно быть детей, амиго. Эдит делает лучший сок в городе, но если ты засидишься здесь слишком долго, жуткие парни могут продать тебя, амиго!

Марк поднял глаза. Через стол к нему наклонилась, опираясь на локти, девушка, одетая как танцовщица.

Судя по внешности, она, возможно, была мексиканкой лет двадцати или чуть младше.

Хотя лучшим словом для описания выражения её лица было бы «невинное», на боках у неё висели два меча. И было очевидно, для чего они использовались.

– Э, я...

Пока Марк подыскивал слова, раздался спокойный голос из кухни.

– Не пугай его, Мария. Он посетитель.

Это был парень с ножницами, и в его голосе не было ни капли волнения. Девушка по имени Мария на секунду распахнула глаза, а потом уселась напротив Марка.

– Посетитель, амиго? А по какому делу? О! Пришел, чтобы нанять меня убить кого-то? Здорово! Я даже поработаю бесплатно, амиго! Кого ты хочешь, чтобы я убила?

– Э-э?..

Внезапное заявление Марии лишило Марка дара речи. Он думал, что, может быть, она шутит, но тошнота в животе утверждала обратное.

– Убийство?.. Это ужасно.

– Конечно, амиго! Так кого ты хочешь, чтобы я убила?

– ...

– Просто назови имя! Чем он сильнее, тем лучше!

Марк в отчаянии отвернулся, понимая, что скорее всего не сможет убедить эту женщину.

Он тут же увидел парня, который провёл его внутрь. В одной руке тот держал пару ножниц, а в другой – тарелку, нагруженную едой.

– Надеюсь, ты голоден. Я принёс тебе поесть.

На тарелке лежала ветчина, нарезанная на идеально равные кусочки, и яблоко посредине.

Удивительно, но верхняя половинка яблока была вырезана – скорее всего, ножницами – и напоминала державшихся за руки мужчину и женщину в небольших шляпах.

– Это изумительно, – машинально выдохнул Марк. Тик немедленно разрезал маленькие фигурки напополам.

– Э?!

Теперь казалось, что руки пары могут разжаться в любой момент. Яблоко покатилося по тарелке, а потом его схватила Мария и поднесла ко рту.

– М-м... Вкусно, амиго. Хочешь кусочек?

Мария протянула оставшуюся половину скульптуры Марку. Там была только девушка.

Большинство окружающих смотрело на них с выражением вроде «Это же Мария» или вообще не обращало внимания.

«Я ошибался, – подумал Марк, глядя на мечницу и парня с ножницами, которые смеялись как дети. – Меня не должно быть в подобном месте».

Его не ранили, не ограбили и не угрожали ему. Но за короткое время он пришел к твёрдому заключению.

«Меня здесь быть не должно».

Заявление мексиканки, которое он пытался посчитать шуткой, теперь казалось серьезней некуда.

«Я... Я ошибся. Она не шутила, когда сказала, что убьёт кого угодно. Она не высмеивала меня, как ребёнка. Дамочка серьёзна. Она убьёт любого, и если она может честно заявить это пацану вроде меня... это означает, что она опасна».

Казалось, что некая невидимая сила сокрушит его жизнь, если он быстро не уберется отсюда.

«Нет, стой. Я же все равно собирался умереть, правильно?» – выбранил он себя, но когти страха на сердце не разжимались.

Он не боялся смерти. Хотя он решился умереть, он боялся – боялся неуместности своего пребывания в месте, куда и ступить не следовало, которое медленно спутывало его мысли.

Он подумал, что стоило всё-таки сброситься с моста.

Однако эта мысль снова вернула его к реальности. Ему с самого начала не полагалось быть живым. И это не изменится, неважно, куда он пойдет.

Заставляя себя поверить в эту фальшивую логику, Марк тихо обратился к девушке:

– Эй, мисс... Вы правда убьёте кого угодно?

– М-м? Верно. Но тебе не кажется, что убивать друзей, с которыми сражалась раньше, – скучно. Дома я каждый день дралась с Алитой, но теперь мы не можем видеться, и бои стали прекрасными воспоминаниями! И если я её убью, то не смогу снова с ней подраться, да, амиго? – с ностальгией сказала Мария.

– Кто такая Алита? – спросил Тик, ловко продолжая срезать ножницами шкурку с яблока.

– Моя подружка из Мексики! Не слишком хороша с мужчинами, но всегда очень быстрая! Она швыряла в меня ножи каждый раз, когда мы встречались. Давно это было, так что не знаю, как она теперь, – невинно засмеялась Мария.

– Э... – хмуро начал Марк.

– О, прости, амиго! Я забыла! Так кого ты хочешь, чтобы я убила?

– Ну... просто предположим...

– Да?

Марк решил проверить с энтузиазмом кивающую ему Марию.

– Например... Ты сможешь убить кого-то, даже если он бессмертное чудовище?

«Я наконец это сказал».

Он бы с облегчением воспринял, если бы она посчитала его безумцем и вышвырнула вон.

Марк бы удивился, знай она хоть что-то о бессмертных чудовищах.

Но если она действительно с ними связана и начнет подозревать его мотивы...

«Нет. Я... я не боюсь... я не боюсь смерти», – мысленно решил Марк, задавая Марии вопрос.

– Бессмертный? Ты имеешь в виду, как наши боссы, амиго?

«Что?..»

Ответ Марии не мог быть более рассеянным. Марк на секунду дар речи потерял, но Мария ничего не заметила и продолжила:

– Ну... если ты так ставишь вопрос, я не думаю, что смогу убить их, но я не узнаю, выиграю ли у них, пока не сражусь, амиго! Видишь, вся та штука с рукой босса, и как я её отрубила...

– Мария, тебе нельзя. Мистер Лак сказал, что этому полагается остаться тайной... – сказал Тик. Мария быстро прикрыла рот ладошками.

– О! Прости, амиго! Э... только что это был сон, видишь? Чужой сон! Верно, амиго? Не думай о нём, а то заснёшь, амиго!

Мария в панике залепетала. Марк секунду помолчал, прежде чем вернулся в чувство.

– Э...

Чик.

Его резко оборвал звук ножниц Тика. Марк дёрнулся и поперхнулся. Его лицо замерло, и он слепо повернулся к парню, щёлкнувшему ножницами.

К удивлению Марка, парень невинно ему улыбнулся и мягко пробормотал:

– Тебе же будет лучше, если ты спрашивал не всерьёз.

– ...

– Большинство людей высмеяли бы тебя за такой вопрос, верно? Или...

Медленно открывая и закрывая ножницы, парень спокойно продолжал:
– Или ты проделал весь этот путь, чтобы узнать о людях, которые не умирают?

– ...

«Он догадался».

В некотором смысле было очевидно, что намерения Марка легко разгадают. Он не смог придумать, как их скрыть.

«Что теперь со мной будет?» – подумал он и в страхе затаил дыхание.

Но парень с ножницами улыбнулся и потряс головой.

– Тогда тебе не стоит здесь находиться.

– Э?..

– Если ты хочешь что-либо узнать, то здесь даже детям приходится платить цену.

В его голосе не было ничего, кроме искренности. Ни капли притворства или волнения, как будто он был ребёнком ещё младше самого Марка.

Парень очевидно тревожился за мальчишку, которого первый раз в жизни видел.

– Ты можешь пожалеть, если окажешься в долгу перед этими людьми.

– Но...

– Я знаю, что у тебя должны быть причины, но тебе лучше всего не спрашивать в местах вроде этого. К тому же, последние дни все действительно на взводе.

– Простите?

Марк наконец осмотрелся. Остальные люди в комнате даже не смотрели в их сторону.

Возможно, их разговор и не услышали. А может быть, мужчины только притворялись, что ничего не слышали. В любом случае, хотя вокруг было много мужчин с суровым видом, никто из них не казался достаточно огорчённым, чтобы Марк заподозрил, что их подслушали.

Снова щёлкнув ножницами, Тик спокойно продолжил:

– Мм... Ты слышал про Томми Айспика?

Марк кивнул. Тик снова и снова клацал своими ножницами, звук казался весёлой песенкой.

– Они недавно присоединились, но... Он убил некоторых членов нашей Семьи.

– Убил...

– Верно. Так что... Полагаю, я пытаюсь сказать тебе, чтобы ты был осторожней.

Как только Тик договорил, по полу наверху простучали шаги, и какой-то человек сунул голову в контору.

Мужчины за столом подозрительно глянули на него, но быстро расслабились и вернулись к своим занятиям.

Сидевший ближе всех к лестнице парень слегка приподнял руку и обратился к пришедшему:

– Мистер Карл, верно? Извините, боссов нет на месте.

– О, ясно. Извините.

– Вы не каждый день заскакиваете без договорённости.

– Ну... случилось кое-что неожиданное.

Кое-что из разговора Марк сумел разобрать. Сначала он предположил, что пришёл гость, связанный с мафиозными делами Семьи Гандор, но следующая фраза повергла его в шок.

– Ты имеешь в виду Томми Айспика?

– Верно. И ещё одно...

– погоди, – мафиози поднял руку, останавливая Карла, – мы поговорим внутри.

Убрав с лица улыбку, мужчина провёл Карла в комнатку ещё дальше. Марк наблюдал, как они уходят.

– О, точно. Ты не должен опасаться его.

– Э?

Тик говорил тихо, его ножницы поблескивали на свету.

– Тот мужчина – репортёр из Дейли Дейз. Он информационный брокер, так что я уверен, он сможет тебе всё рассказать. Даже о людях, которые не умирают.

С губ Тика не сходила улыбка. Его голос был искренним, как всегда. Но в планы Тика Марк проникнуть не мог.

А может быть, у Тика с самого начала и не было скрытых мотивов.

Марк склонил голову и повторил слова Тика.

– Репортёр из Дейли Дейз...

– Верно. Это удивительные ребята. Ты должен расплатиться с ними деньгами или секретами, и они расскажут тебе что угодно.

– Что угодно?

– Верно. Они даже расскажут тебе всё о Семье Гандор. Даже вещи, за которые тебя убьют, если ты спросишь здесь.

Слушая всё больше тревожащие слова Тика, Марк опустил глаза и задумался.

Он не слишком-то верил в информационных брокеров, но не так уж и невероятно, что газетный репортёр подрабатывает, приторговывая информацией.

«Может быть... им известно всё, что я хочу узнать».

«Но... у меня нет денег...»

Марк помолчал.

Но вскоре он вскочил со стула, нервно поблагодарил Тика и поднялся по лестнице.

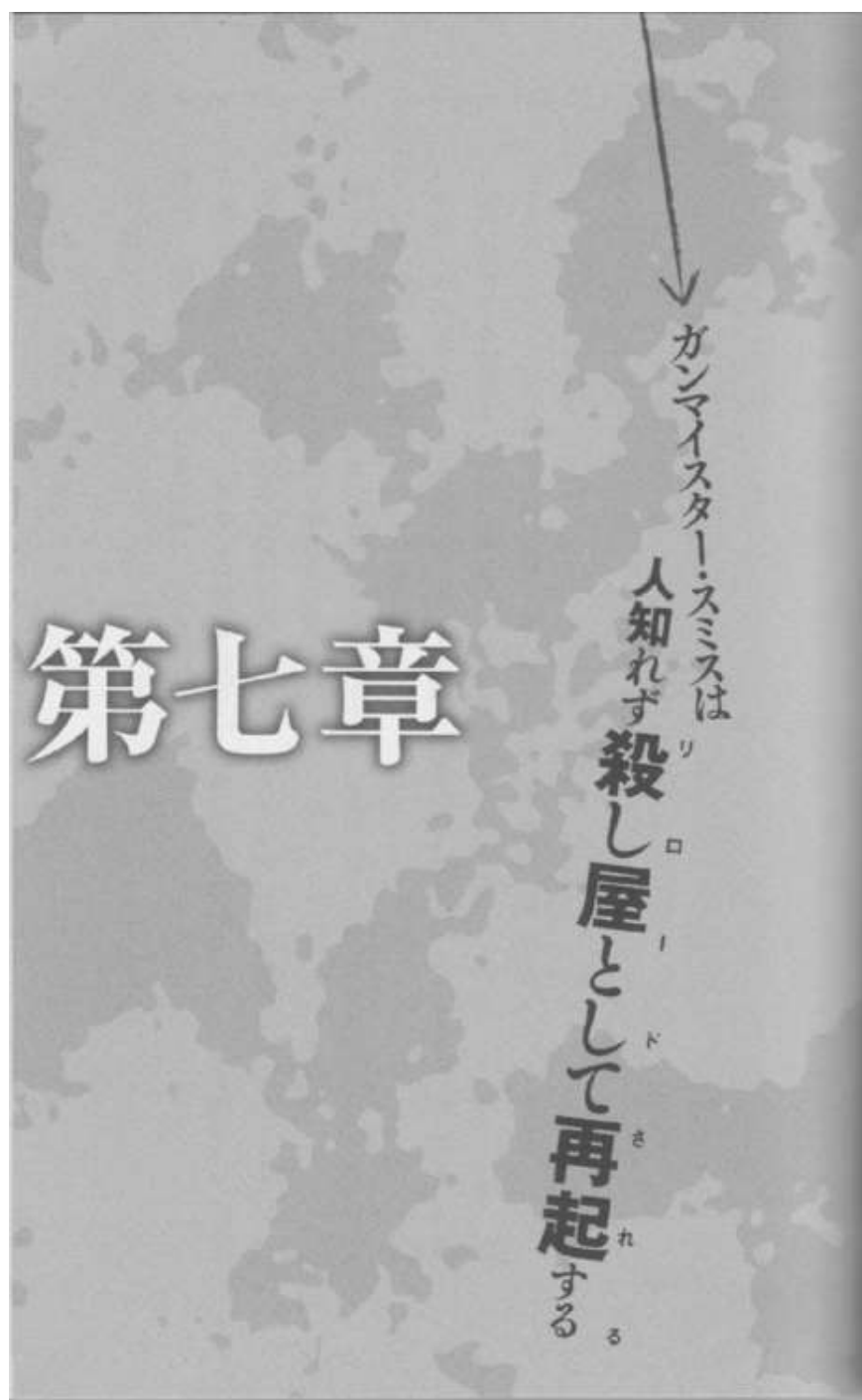
– О? погоди, амиго, кого ты хотел, чтобы я убила?

Оставив за спиной разочарованный вопрос мексиканки, Марк покинул контору Семьи Гандор.

Он хотел совсем уйти, но решил подождать, привалившись к стене соседнего дома и глядя прямо на дверь джаз-клуба.

В его глазах в равных пропорциях светились покой и решимость.

Глава 7.
Никто не знает, что Мастеружейник Смит
вернулся к работе убийцы

Спикизи «Джейн Доу»

Бар, названный в честь неопознанной женщины, среди подпольных заведений считался крупным.

В нём было много мест, но сейчас присутствовало мало гостей.

Что вполне естественно для заведения, которое находилось буквально под землёй. А наверху располагалось одно из кладбищ Нью-Йорка.

Интерьер, украшенный страшными узорами, подходящими гробнице, отпугивал возможных посетителей своей вампирской атмосферой.

Лицо одетого в черное хозяина покрывали шрамы. А прямо позади него висели обрез и гигантская секира, видимо, чтобы предотвращать ограбления.

У большинства из немногих посетителей в зале на лице застыло выражение «кажется, я сегодня выбрал неправильный бар». Достаточно сказать, что они, скорее всего, не склонны были сюда возвращаться.

Не могло быть хуже места для выпивки, но по нему разносилось эхо восторженного смеха.

– Аха-ха! Точно! Это действительно весьма страшный бар! Но это в нём и здорово! Добавь, что хозяин не похож на человека. Мрачность – прекрасный антидот яду материального мира! И здесь лучшая выпивка. И раз они разбавляют её в тысячу раз, прежде чем подать мне, то я могу пить не беспокоясь!

– Ха-ха! В тысячу раз слабее, да? Это же почти безалкогольное!

– Нет, нет, в том-то и прелесть! Говорят, что акула может почуять каплю крови за мили! Так что, считай меня алкогольной акулой... Другими словами, я невероятно чувствителен! Напиться всего тысячной долей того, что требуется большинству людей, – это раз плюнуть. Точно, это невероятно легко, согласен? Вот теперь я завёлся!

– Раз ты так говоришь, то конечно... Похоже ты можешь начать на этом свой бизнес. Если заставишь людей легче пьянеть, то сможешь разбавлять выпивку перед продажей... Изумительно! Уверен, это сделает мир счастливее!

Молодой человек в голубом рабочем комбинезоне с энтузиазмом хлопнул по столу кулаком с выставленным большим пальцем.

– Позволь рассказать тебе забавную... да, очень забавную историю! Я слишком давно так приятно не напивался!

– Это мои слова! Я слишком давно не был в такой приятной компании!

Пока двое продолжали разговор, друзья парня в голубом – Грэхэма Спектра – со смешанными чувствами в глазах тихо потягивали свои напитки.

– ...Насчет приятной выпивки, Босс Грэхэм ещё даже не притронулся к своей в тысячу раз разбавленной, правда?

– Для него должно быть плюнуть и растереть напиться, ничего не пив.

– И ты говоришь, что хотел бы поменяться местами с Боссом Грэхэмом?

– Это довольно пугающе, Шафт.

Ватага натужно улыбалась.

Игнорируя их неловкость, Грэхэм изливал душу человеку, которого только сегодня днём встретил.

Переулок в Нью-Йорке

Было около часу дня, когда солнце палило вовсю.

В высасывающую жизнь жару слабый, но леденящий кровь крик разнёсся улицами Манхэттена.

– Я без понятия почему, но одно я знаю точно: это факт, что ты гонишься за мелким отродьем. Другими словами, факт, что сопляк так торопился, факт, что в спешке он наступил на меня, и факт, что мы все от жары загибаемся, это всё приписывается никому иному, как тебе. Поэтому я провозглашаю эту историю грустной, но забавной!

Сделав нелепое заявление, Грэхэм крепко схватил ключ и уставился на незнакомца.

– Ты... Ты за неё ответишь!

И после его слов серебристая масса начала удар...

– Я понял! – внезапно воскликнул человек, чуть не ставший жертвой. Ключ остановил свой умеренно-сверхзвуковой полет.

– Подумать, что нынешняя жара – это моя вина... Ужасная проблема, нет? Простите, я не знал! Кто бы мог догадаться, что я подвергну Нью-Йорк такой опасности?

А потом он схватил руку Грэхэма и крепко пожал.

– Спасибо! Правда, спасибо! Вы помогли понять ошибочность моего пути!

В это время Грэхэм обернулся и посмотрел на свою ватагу расширенными глазами.

– Не скажу, что всё понимаю, но... Шафт, меня что, сейчас благодарят?

– Ага, но я тоже не в курсе, что происходит. Что мы делаем, босс? Думаю, на этот раз ты поймал настоящего придурка.

Остальные тоже неловко переглядывались. Но незнакомец не обращал внимания и сиял улыбкой.

– Хорошо, решено. Теперь, когда мы нашли источник всех проблем, как насчет помозговать минутку о решении? Если я в ответе за всё, то думаете, станет лучше, если я прыгну в реку и охладжусь?

– Позволь рассказать тебе... забавную историю! Я воодушевился! Если откровенно, то не легче ли избавиться от жары, если мы все прыгнем в реку? Шафт, пора! В реку! Интересно, унесет ли нас в океан, где мы наорем на заходящее солнце и станем ещё счастливее!

– Ни за что, босс! Это вам не сельский чистый весенний ручеек!

Улыбчивый человек склонил голову, будто крик Шафта ничего для него не значил.

– Тогда как насчёт пропитаться крепким алкоголем? Испарение тут же тебя остудит.

– Совершенно блестяще! Нехорошо, Шафт. Неужели перед нами появился гений? Истинный Мессия, который спасёт нас от скуки? Проклятье... какой идиот назвал этого человека виноватым?!

– Вообще то вы, босс.

– Невероятно! Долбаная слёзовыжималка. Как жизнь может быть настолько жестока?! Я посчитал Мессию источником всех зол... Другими словами, объявил спасителя врагом мира. Делает ли это меня угрозой миру? В любом случае, уже слишком поздно. Мир никогда меня не простит.

Грэхэм упал на колени, из-за взволнованного состояния шок откровения стал только сильнее.

Незнакомец мягко усмехнулся и похлопал юного безумца по плечу.

– Не волнуйся. Даже если мир никогда тебя не простит, ты можешь улыбаться, пока хотя бы один человек прощает. А если никто не захочет, то я подарю тебе прощение, хотя должен признать, я несколько теряюсь.

– Неимоверно... Мессия говорит, что простит подобного мне, его собственному врагу! Шафт, что мне делать? Что я должен делать в таком случае?!

– Почему бы вам не вздремнуть, босс? У нас уже голова от вас болит.

Позже...

Грэхэм облился медицинским спиртом, найденным в ближайшем укрытии банды, и в итоге ужасно отравился парами.

Человек, назвавшийся Элмером, отнес бессознательного Грэхэма к местному доктору.

– Поразительно! Мой враг не только подарил мне прощение, но ещё и проявил симпатию!

И таким, весьма нелепым, образом, сердце Грэхэма было тронuto, обнаружив родственную душу.

* * *

Всё вело к этому моменту.

Шафт перешёпывался с остальными, слушая полубезумную беседу Элмера с Грэхэмом.

– Знаешь, я всегда думал... Все, кто когда-либо соглашался с Боссом Грэхэмом, чертовски странные.

– Говорят, рыбак рыбака видит издалека. Интересно, что это говорит о нас?

– Ну... Полагаю, сначала мы получили Босса Ладда, а он непобедим, когда дело доходит до отвинчивания голов...

– Удивлен, что мы ещё живы, зависая с такими людьми.

– Босс Ладд никогда не убивает тех, кого называет друзьями. Полагаю, извращённая философия отчасти и подружила его с Боссом Грэхэмом.

– Этот парень, Элмер, тоже заметно выделяется.

– Он говорил что-то о желании увидеть, как все в мире улыбаются. Не похож на проповедника, но он же серьёзно!

Грэхэм нахмурился.

– Хм... Что хорошего в том, чтобы вызвать улыбку на каждом, до последнего, лице в мире? Разве это что-то изменит? Это не просто невозможная мечта, она ещё и причинит гораздо больше боли и страданий в процессе исполнения. Любой назовёт тебя лицемером, и их улыбки могут быть на-смешкой над тобой. Так зачем циклиться? Ты собираешься заполнить мир весельем? Скажи мне!

На речь Грэхэма Элмер дал простой ответ:

– Потому что это сделает меня счастливым.

Грэхэм на мгновение замолк. Он постучал себя ключом по голове и проговорил:

– Конечно. В этом есть смысл.

– Вы видели выражение его глаз? Он серьёзен! Ставлю все свои сбережения, этот парень из ума выжил. Даже лицемер не сказал бы «Я хочу принести мир всему свету ради личного удовлетворения».

– И теперь мы получили Босса Грэхэма, который согласился без единого вопроса.

Внезапно, болтовню шайки нарушил звонок от входа. В спикизи вошёл новый посетитель.

– Э?..

Ребята Грэхэма заметили новоприбывшего и переглянулись.

В разгар лета он носил длинное пальто до колен и выглядел, мягко говоря, подозрительно.

Между шляпой и поднятым воротником поблёскивала пара острых глаз. А на лице был шрам.

Грэхэм был настолько занят разговором, что даже не заметил новенького, но Шафт и остальные склонились друг к другу и поняли, что это не незнакомец.

– Эй, это же...

– Такой наряд по жаре, не ошибёшься.

– Если подумать, его не было сегодня в клинике у доктора Фреда, да?

– Думаю, он уже поправился.

– Он сюда идёт.

Мужчина в пальто приблизился к ватаге. Они тихо с ним поздоровались.

– Эй... – прорычал мужчина и потопал к Грэхэму.

Тем временем Грэхэм и Элмер были слишком захвачены бессмысленной беседой, чтобы заметить его приближение.

– Эй. Как ты, парнишка?

Шуточки кончились, когда над ними склонился высокий мужчина.

И так мрачная атмосфера спикизи только посодействовала дальнейшей тишине.

Будто само время остановилось, но сколько на самом деле продлилась пауза?

Скрип стакана, который протирал владелец бара, словно дал сигнал, и Грэхэм мгновенно распахнул полуприкрытые глаза.

– Босс Смит!

– Хе. Давно не виделись, – сухо хохотнул мужчина, его голос сочился в щель между шляпой и воротником.

Мужчина, названный Смитом, щелкнул пальцами и приказал бармену:

– Мне как обычно.

– Как обычно? Не кидай пальцы. Твоя нога не ступала сюда полгода, – холодно ответил тот, но его руки уже работали, смешивая знакомый коктейль.

– Я был занят копанием в себе.

– ? О чём вы, Босс Смит? Я думал, Гандоры уложили вас в лазарет.

Смит скривился и застыл, услышав вопрос Грэхэма.

– Враньё... Кто распускает эти слухи?

– Танцовщица с двумя мечами на поясе. «Я единственная ушла невредимой, а значит, я сильнее тебе, амиго!» Так она сказала, пока искала клиентов.

– Сучка... Я её убью!.. Богом клянусь, я её зарежу!..

Лаз Смит называл себя «Мастеружейник Смит» (создатель великих стрелков).

На этом имени не только язык заплетался, но ещё и перекрывались значения слов «мастер» и «оружейник», так что никто не называл его этим титулом. Но убийца лично распространял слухи о своём имени среди местной шпаны.

Цитирую: «Для меня отлично звучит... Слушайте. Я могу владеть любым огнестрелом. Другими словами, для каждого ствола я мастерю из себя другого снайпера. Поэтому я не просто "Оружейник", но "Мастеружейник Смит"» Так он обычно объяснял, но большинство людей переставали слушать на середине.

Однако, Грэхэм настолько проникся объяснением («Ясно... Поразительно!»), что не жалел усилий для повторения рассказов.

С репутацией за плечами Мастеружейник Смит вместе с несколькими другими убийцами ввязался в драку против Семьи Гандор. В процессе его тяжело ранили в ногу и набили морду.

В результате он полгода провалялся в госпитале и только сейчас встал на ноги.

Не обращая внимания на злость Смита на бывшего союзника-убийцу, Грэхэм восторгался воссоединением с одним из немногих в его жизни людей, которых он мог назвать чем-то вроде наставника. Он вскочил со стула и одной рукой ловко завертел ключом, издавая ликующие кличи.

– О, счастливый день... День неизмеримой эйфории! Я не только нашёл себе приятнейшего в мире собутыльника, но и воссоединился по счастливой случайности с Боссом Смитом! Не выберется ли до конца ночи и Босс Ладд из тюрьмы? Как вы думаете, Босс Смит?

– Э, Ладд? Не его поклонник.

Смит нахмурился, вспоминая лицо, будто их пути когда-то в прошлом пересекались.

– Логично. Больше всего Босс Ладд любит убивать людей вроде вас! Он бы отпустил вас, потому что вы о нас заботились и всё такое.

– Я не собираюсь быть легко убитым, – хихикнул Смит и приоткрыл пальто.

На подкладке рядами висели кобуры. На первый взгляд, там были десятки пистолетов.

– Изумительно! Это поразительно, Босс Смит! На самом деле, я потрясён, что вас не арестовали сразу после доставки в госпиталь!

– Доктору плевать на подобные мелочи. Я просто припрятал своё барахло под кроватью... Но, если честно, я его там всё время держал. Нужен целый день, чтобы все перечистить.

Когда Грэхэм заметил в складках пальто обрез, его глаза сверкнули. Сидящий рядом Элмер изумленно вскрикнул.

– Хм? Это кто?

– Позвольте представить вам, босс. Это мой спаситель Элмер. Так же известный как Мессия.

– Мессия?..

– Насколько я слышал, он хочет заставить весь мир улыбаться, – сказал Грэхэм с сияющими от искреннего восхищения глазами.

– ...Клоун, что ли? Пытается заработать на жизнь, смешав людей?

– Нет, нет. Этот парень не шутит! Он исполняет подвиг Геракла: заставить каждого человека в мире хоть раз улыбнуться! Хотя завоевать мир было бы легче! Удивительно, правда?

Смит задумался.

– Хм... Сумасшедший на века. Ха-ха-ха... Но он не отличается от меня. Мы оба безумны – посвятить свою жизнь принесению радости или смерти, общего только факт, что надо быть полоумным, чтобы пытаться.

– Вы не меняетесь, Босс Смит... По-прежнему чертовски изысканно говорите о своей философии!

Пока Грэхэм смотрел с обожанием, Элмер засмеялся и кивнул:

– Ты прав. Если подумать, я привык, что меня называют безумцем. Мой друг Хью делал это, как минимум, триста раз. Но поразительно, что у мистера Смита есть философия его сумасшествия.

– Хе. Понятно. Похоже, мы прекрасно уживёмся. Хотя упомянутое тобой имя напомнило мне о террористе, арестованном в прошлом году.

– Да, наверно, это он.

– Хе. Невозможно... Нет. погоди. Полагаю, более безумно поверить тебе на слово. Человек, который собирается наполнить мир смехом, дружит с террористом... Это сумасшествие или здравомыслие? Или просто бред? В любом случае, признаю, у тебя талант.

Даже упоминание слова «террорист» не приглушило веселья за столиком. Шафт и остальные только головами качали, наблюдая и не веря.

– Босс Смит просто не мог избавиться от этой привычки, да?

– Пожалуйста, хватит говорить о «безумии», как будто это круто... Я смущаюсь, даже просто слушая его речь.

– Для начала, достаточно странно, что он носит пальто с тридцатью припрятанными пистолетами.

– Но он силён.

– Наверно, типа того.

– Хотя проиграл главарям Гандоров.

– Но пальто! Я слышал, оно весит шестьдесят шесть фунтов²⁰.

– Это безумие. Безумие в форме человека.

– Босс Грэхэм всегда зависает с придурками.

– Потому что в душе он ребёнок.

– Это раздражает!

– Но этот парень, Элмер, действительно держится наравне.

– Рыбак рыбака и всё такое.

– Так он серьёзно дружит с тем террористом?

– Не может быть... Он нас дурачит, правда?

– В любом случае лучше держаться от него подальше.

Даже не понимая, что за спиной Шафт шепчется с остальными, Смит напустил на себя суровый вид и, вытащив из пальто, разложил на столе пять пистолетов.

– Парнишка, ты сказал, что хочешь ствол. Возьми эти.

– П-позвольте рассказать вам... счастливую историю! Вы уверены, босс?! – удивительно обрадовался Грэхэм.

Смит закрыл глаза и заговорил, словно распекал ребёнка.

– Во всех смыслах. Но помни... оружие – это безумие, что обрело форму. Чтобы использовать его, надо отколоть кусочек душевного здоровья и зарядить им каждый патрон. Другими словами...

²⁰ Примерно 30 кг

На середине лекции он приоткрыл глаза, и увиденное лишило его дара речи.

– Что ты делаешь?..

Что случилось, пока его глаза были закрыты?

По всему столу рассыпались идеально разобранные детали пистолетов.

– Позвольте рассказать вам, как мне приятно! Как радостно! Я всегда хотел разобрать штуку под название «оружие», хотя бы раз в жизни... Но подумать, что мне выпадет шанс разобрать столько разных вариантов одновременно! Слишком давно я не был так доволен. И что мне полагается делать с этим чувством завершенности?! Очевидно, поблагодарить! Спасибо... Спасибо вам, Босс Смит! От всего сердца!

– Т-ты, мелкий ублюдок! Ты разобрал за раз все пять?.. Проклятье! А я-то думал, зачем ты кланчишь ствол. Ради этого?!

Дрожащей рукой Смит потянулся к россыпи деталей, разложенных в кучки по предназначению.

Шафт и остальные, затаив дыхание, нервно наблюдали, в ужасе от губительного развития событий.

Пальцы Смита схватили детальки.

– Чёрт! Если ты хотел их разобрать, мог бы так и сказать! Я же думал, что странно для любителя гаечного ключа внезапно просить ствол!.. Ладно, похоже, ты не потерял хватку. На деталях ни царапинки не оставил. Ты знаешь, что это твое умение безумно?

– А, ерунда. Когда вы называете меня безумцем, звучит как комплимент.

– Пф. Что ты несёшь?

Как только Смит договорил, в его руках сложился пистолет.

– Э?

Шафт переглянулся с остальными.

Меньше минуты назад пистолет лежал разобранный на части в куче прочих деталей на столе.

Но теперь он снова обрёл первоначальную форму и вернулся в пальто Смита.

Пока шайка подбирала челюсть, обрёл форму и второй пистолет.

Смит убрал его в пальто и спокойно сказал:

– К твоему сведению, я бы не проиграл Гандорам, будь я настороже. Они были настолько чудовищны, что я на секунду засомневался в себе, но не будь я захвачен врасплох, мог бы их победить.

– Могу ли я поднять вопрос о том, что именно его так удивило? Но если спрошу, Босс Смит может обидеться или рассердиться. Может, мне быть взрослее и удержаться от вопроса... Как думаете, босс?

– Проклятье, твой противный голос ничуть не изменился... Чёрт. Я имел в виду, что... Я потерял хладно... скорее, они были бессме... Неважно. Когда ты

поживёшь с моё, то столкнешься с вещами, которые не выразить словами. Особенно если живёшь на тёмной стороне, как я.

За время объяснения собрались заново ещё два пистолета. Теперь на столе остались детали только одного.

Он сгрёб их в горсть и потряс, словно игральные кости.

Кусочки сложились вместе, будто живые. И как только собрался последний пистолет, на столе не осталось ни одной детали.

– Позвольте рассказать вам поразительную историю. Босс Смит легко сложил разобранные мной стволы! Он настолько сумасшедший, что медведи в Антарктиде замёрзнут до смерти от одного взгляда на него!

– Точно! Белые медведи, которые пройдут весь этот путь на юг, наверняка свалятся²¹!

Шафт переглянулся с остальными, словно увидев волшебный трюк. Они повернулись к Грэхэму и Элмеру, которые даже не пытались скрыть своё восхищение, и потрясли головами.

– За придурками реально трудно уследить.

– Без шуток.

– Но мы же следуем за Боссом Грэхэмом, да?

– Что превращает нас в толпу таких же придурков?

– Какая же чертовски хреновая у нас здесь жизнь.

Не обращая внимания на ауру пессимизма вокруг ватаги, Грэхэм наслаждался выпивкой со старым другом и наставником и новым другом, которого встретил только сегодня.

Разумеется, Смит пил стоя, заявив: «Из-за оружия в пальто я не могу сесть».

– Ну, раз я могу расслабиться, зная, что у тебя всё в порядке, пацан, то я пойду.

– Уже, босс? Куда вам торопиться.

– У меня встреча с клиентом.

– Вы же только из госпиталя выписались, босс. Вы правда сумасшедший.

– Я всегда так говорил, – усмехнулся Смит, надвигая шляпу на лицо.

– Хотел бы я увидеть морду ублюдка, который назовёт себя вменяемым убийцей.

Час спустя

Заброшенное здание в Нью-Йорке.

Попрощавшись с Грэхэмом, который был ему кем-то вроде младшего брата, Смит полностью переключился на роль убийцы.

²¹ Белые медведи водятся только в Северном полушарии, т.е. в Арктике, а не в Антарктике

На улице неподалёку от Центрального вокзала стояло странное здание, не занятое ни одним заведением.

Его интерьер был удивительно чистым и опрятным.

Странность заключалась в том, что внутри не было никаких украшений, кроме нарисованных вокруг линий.

Для чего они использовались?

Пока он с любопытством оглядывался, из-за спины раздался мрачный голос:

– Видите ли, здание предназначено под снос.

– ...

– Прошу прощения, мистер... Смит. Если мне позволено вас так называть.

Смит медленно кивнул. Человек облегчённо мотнул головой.

– Ужасно сожалею, что пришлось вызывать вас в подобное место...

– ...

Смит молча слушал человека, а тот продолжал:

– Конечно, я узнал о вас от Семьи Рунората, но вы даже не представляете, как я благодарен, что вы пришли.

Голос выдавал ужас в вежливо выстроенных словах.

Решив, что это прекрасная работа для возвращения в строй, Смит ответил, пряча губы за воротником.

– Ты не выглядишь слишком уверенным. Нужно ли мне показывать, на что я способен?

– Н-нет, сэр. Я в вас верю, – замахал руками человек. – В конце концов, мою цель может убить даже ребёнок.

– Что?..

Смиту показалось, что человек его оскорбляет, но он припомнил последний раз, когда утратил хладнокровие, и отчаянным усилием вернул контроль над своим раздражением.

– Ладно... Так кто цель? Не могу сказать, что знаю, от кого хочет избавиться внезапно знаменитый репортёр.

– Рунората много тебе рассказали.

Человек – Лестер – вздохнул и попытался унять дрожь.

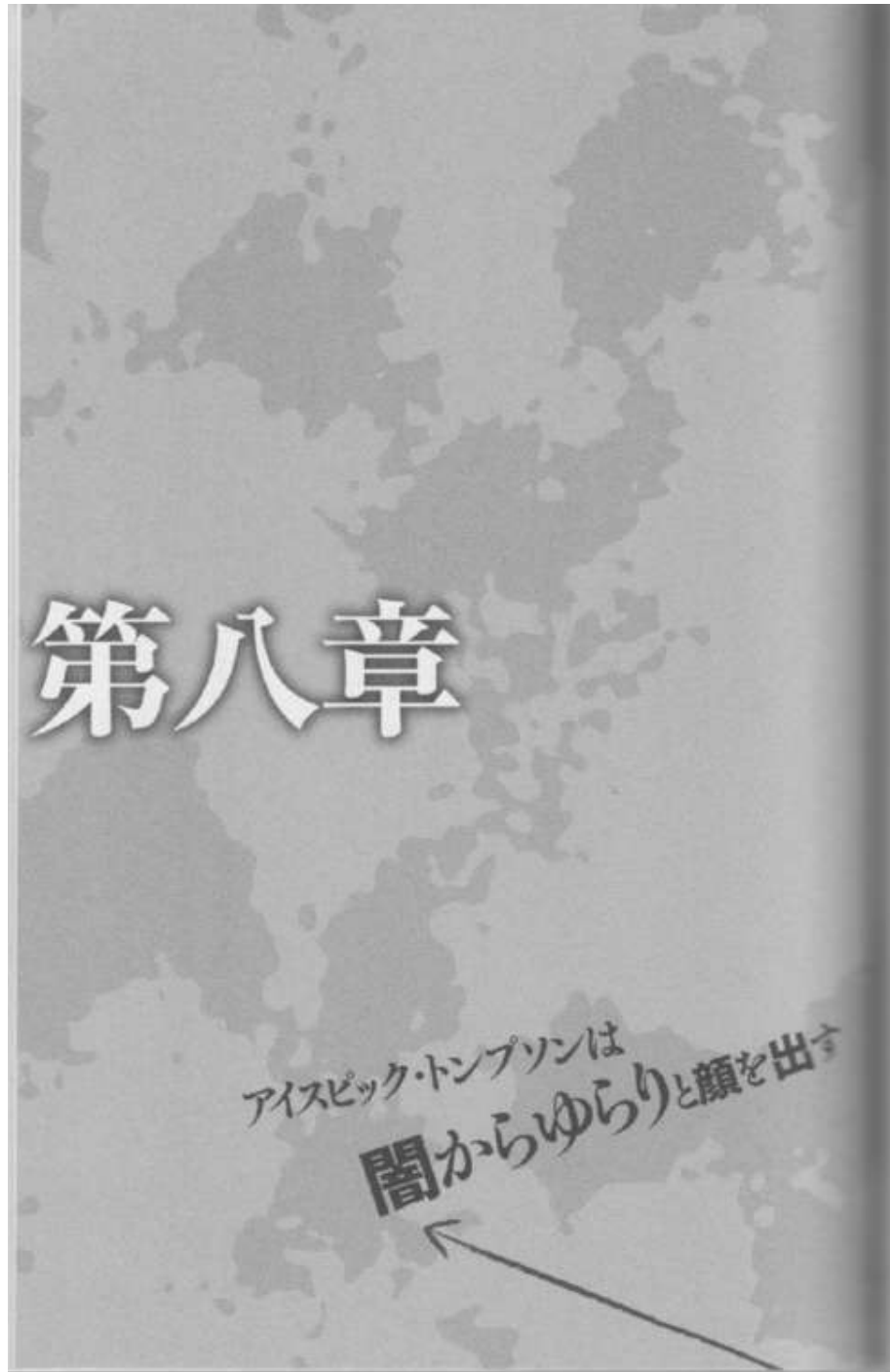
– Я бы хотел, чтобы ты убил того, кто сделал меня внезапно знаменитым.

– Что?

Каждое тщательно выверенное слово Лестера было острым и чётким, как иголки ёжика, готового защищаться.

– Твоя цель – Томми Айспик. Пожалуйста позаботься о нём до того, как его найдёт полиция.

Глава 8.
Томми Айспик поднимает во тьме голову

Маленькая Италия, Нью-Йорк

- Дождь, эх... – пробормотал Карл, посмотрев на небо.
Холодные капли полились на него по дороге в офис Дейли Дейз в Чайна-тауне.
- Наверно, сегодня стоило отправиться прямо домой, – пожаловался он, быстро шагая в редакцию.
- Проклятье, и вчера тоже шёл дождь...

Хотя уже наступил вечер, дневное тепло не ушло. Дождь, как и хотелось, облегчил жару, но нагрузил неопишуемой тревогой – именно под дождём наносил удар серийный убийца, разгуливающий по Нью-Йорку.

Но если Карл и боялся убийцы, то на его походе это не отразилось.

«Лестер что-то знает. Я уверен».

Карл взглянул на небо, вспоминая встречу с молодым журналистом прямо перед визитом к Гандорам.

Дождь намочил его лицо, но Карл просто смотрел в беззвёздные небеса.

«Полагаю, это данность, что преступник как-то связан с тем случаем».

«Сначала я был уверен, что за убийствами стоит Лестер, но...»

– Он был очевидно и чертовски напуган... Он боялся, что убийца следующим придёт за ним, – сказал он сам себе, а потом кое-что вспомнил.

«За мной следят, да?»

Карл давно заметил крадущуюся за ним фигуру, но удивился, что даже внезапный ливень не помешал погоне.

«Томми Айспик?.. Не может быть.

Но нельзя расслабляться».

Возможно, Лестер решил заткнуть ему рот прежде, чем тайна просочится наружу. Карл плавно повернулся лицом к пустынной улочке.

– Выходи, – негромко но уверенно приказал он.

В прошлом, по долгу службы репортёра, Карл не раз сталкивался с ситуациями жизни и смерти. Его преследовали далеко не первый раз.

Обычно он мог почувствовать степень угрозы от окружающих. Поэтому он мог бесстрашно разговаривать с Грэхэмом. А вот договорившись побеседовать с кем-то вроде Ладда Руссо, Карл пропустил бы встречу, не колеблясь ни секунды. Фактически, он в первую очередь даже не просил бы о подобном интервью.

Но сейчас он не мог сказать, есть ли опасность вообще. Он убедился, что заметил ряд ближайших спикизи, в безопасность которых можно нырнуть, прежде чем повернулся, чтобы противостоять преследователю.

«Ну, что теперь будет?»

Карл слегка напрягся, ожидая действий противника.

Но к его удивлению из тени выступил маленький мальчик.

– ?.. – Карл замер.

Мальчик остановился, когда между ними оставалось метров пять.

«Он просто будущий карманник? Нет, что-то отличается».

Пока Карл прокручивал в голове возможности, мальчик потихоньку приблизился и сказал:

– Вы же информационный брокер... правильно?

– Не знаю, где ты это услышал, но... полагаю, можно и так сказать.

– Я... я бы хотел купить информацию.

– Что?

Карл с любопытством смотрел на мальчика, который договорил:

– Расскажите мне, пожалуйста. Расскажите о людях, которые не умрут...

– И ещё одно – расскажите мне, пожалуйста, где я могу найти человека по имени Сцилард Квотеш.

В то же время

– Позвольте рассказать вам забавную, забавную историю. Начинается дождь.

– И какая часть тут забавная, босс? – проныл промокший под ливнем Шафт.

– А что такое дождь, если не забава? – скептически взглянул Грэхэм. – Ах, это освежает! Как весенний дождик, что спасает нас от летней жары! Промокнуть, по сути, это быть ограбленным на тепло тела! Теперь я считаю, разве это не означает, что дождь – это божественный барьер, который защищает нас от солнца? Что не так, Шафт? Сама Земля с любовью поливает нас!

– Сейчас ночь. И солнце, босс, тут не при чем.

– Ты не знаешь, о чём говоришь, Шафт. Тепло, оставшееся после дня, даже ночью сохраняет температуру высокой! Примите мою признательность, о атмосферные явления!

– Гррр, вот поэтому нет ничего хуже, чем возиться с образованными придурками, – раздражённо схватился за голову Шафт.

Идущий возле Грэхэма Элмер радостно пропустил это мимо ушей и заявил:

– Атмосфера правда удивительна. Земля никогда не перестает меня удивлять! Мне повезло, что я могу просто жить на этой планете. Интересно, можем ли мы поделиться этим дождём с людьми, живущими в пустыне, чтобы они не умерли с голоду... Насколько больше тогда станет на Земле счастливых людей! Но я всё равно думаю, что ты должен улыбаться, потому что можешь прямо сейчас почувствовать доброту Земли.

Хотя логика Элмера и хромала, Грэхэм понимающе кивнул.

– Я понимаю... Как ты и сказал, нет большего благословения, нежели возможность дышать. Эй! Начали улыбаться!

– Это бесполезно. Выглядит, будто вы разговариваете, а на самом деле вы просто утратили связь с реальностью.

Грэхэм проигнорировал комментарий Шафта и обратился к Элмеру:

– Я не возражаю помочь тебе в поисках этого паренька, Марка, но чисто из любопытства, зачем ты его ищешь?

Быстро подружившийся с Элмером Грэхэм похвастался:

– Найти одного мальчишку – плёвое дело, если подрядить на него всю окрестную шпану!

И в итоге он теперь помогал Элмеру в поисках среди ночи.

– Может, он уже ушёл домой спать? – предположил один из ватаги.

– Если можно, я бы хотел найти его сейчас... Кажется, дождь собирается, – почему-то сказал Элмер, объясняя, что, если понадобится, он продолжит поиски и в одиночку.

Так что банда разделилась, чтобы обшарить переулки.

Шафт был единственным здравомыслящим человеком в группе из него, Грэхэма и Элмера. Бессмысленная беседа его спутников уже заставила его самого затосковать до полусмерти.

И тогда всплыл вопрос, зачем они ищут мальчишку. Шафт встряхнулся, ожидая, наконец, получить какой-то ответ.

Но слова Элмера озадачили его ещё больше.

– Ну... Мне было просто любопытно посмотреть, сможет ли он быть счастливым.

– Хм, – сказал Грэхэм, склонив голову и вертя ключ перед лицом. – Тебе придётся мне пояснить.

– Ладно. Хотя это отчасти мои домыслы, так что я хотел бы сохранить это в секрете, – просто ответил Элмер, открывая свои причины.

* * *

– Ты... хочешь купить информацию?

Карл со сложной смесью чувств в душе взглянул на мальчика.

– Я не знаю, малыш, откуда тебе известно имя Сциларда, но мы деловые люди. Боюсь, я не смогу ничего тебе рассказать, пока ты не заплатишь или не дашь равноценной информации.

– У меня есть для вас информация.

Под дождём мальчик казался удивительно старым. Карл почувствовал, как в нём просыпается незнакомое мрачное предчувствие.

– Какая?

По его телу взбирались первобытные сигналы тревоги, сообщая, что он ходит по тонкому льду. И не сбежал он лишь потому, что не чувствовал в пареньке кровожадности.

– Кто... ты? – неуверенно спросил Карл.

– Это моя плата, – спокойно ответил мальчик.

Прежде чем он заметил, мальчик уже держал в руке нечто.

Серебристый предмет, настолько тонкий и острый, что казалось, может идеально смешаться с каплями дождя.

Карл понял, что мальчик держит ржавый нож для колки льда. Спокойно, но угрюмо-весомо, мальчик продолжил:

– Разве тебе не хватит личности Томми Айспика?

* * *

– Мне было просто любопытно, – признался Элмер.

Шафт и Грэхэм никогда бы не догадались, что услышат дальше.

– Интересно же, может ли обрести счастье серийный убийца, который пытался покончить с собой?

В то же время.

Как только Лестер ушёл, Смит остался в здании один, пережидая дождь. Он перечитал переданную клиентом записку.

– Подумать только, моя первая работа после выхода из госпиталя – убить ребёнка, – обеспокоенно сказал он сам себе.

Он скомкал бумажку с описанием и адресом мальчика по имени Марк и на секунду задумался.

Потом, словно сдаваясь, потряс головой и ухмыльнулся.

– Хотел бы я увидеть морду ублюдка, который назовет себя вменяемым убийцей.

Хихикая, он начал одну за другой пересчитывать пули в пистолетах в своем пальто.

– Так что всё, что мне надо делать, – следовать за собственным безумием.

Шум дождя заполнял улицы, будто пряча клацанье металла.

Пауза

Дождь.

Всё началось дождливым днем.

И только капли дождя, рассыпающиеся от ударов оземь, знали всю правду.

Он мог слышать голоса.

Он мог слышать голоса людей.

Хотя их скрывал холодный ливень, мальчик слышал их голоса.

Голоса мужчин, доведённых до предела.

– Уже нашёл его? Нет, не вижу.

– Он должен быть где-то здесь. Что-то не так.

– Найди его сейчас же. Найди его. Найди его.

– Он всего лишь ребёнок. Оставь его. Нет времени. Если его тут нет, то он ничего и не видел.

– Если и видел, то что он сделает? Он всего лишь ребёнок. Точно. Он не видел наших лиц.

Звуки подозрений и беспокойства падали в дождь, а голоса постепенно стихали.

Спрятавшись в шкафу, мальчик мог только слушать.

Но он больше не слышал того голоса, который хотел услышать.

Он не мог расслышать голос матери.

Быть может, слабый звук только что был её криком.

В тот день эти мужчины отобрали у мальчика мать.

Первым обидчиком был хозяин маленького спикизи.

Вторым – агент по недвижимости.

Третьим – офицер полиции.

Потом управляющий арендой складов.

А пятым – молодой репортёр.

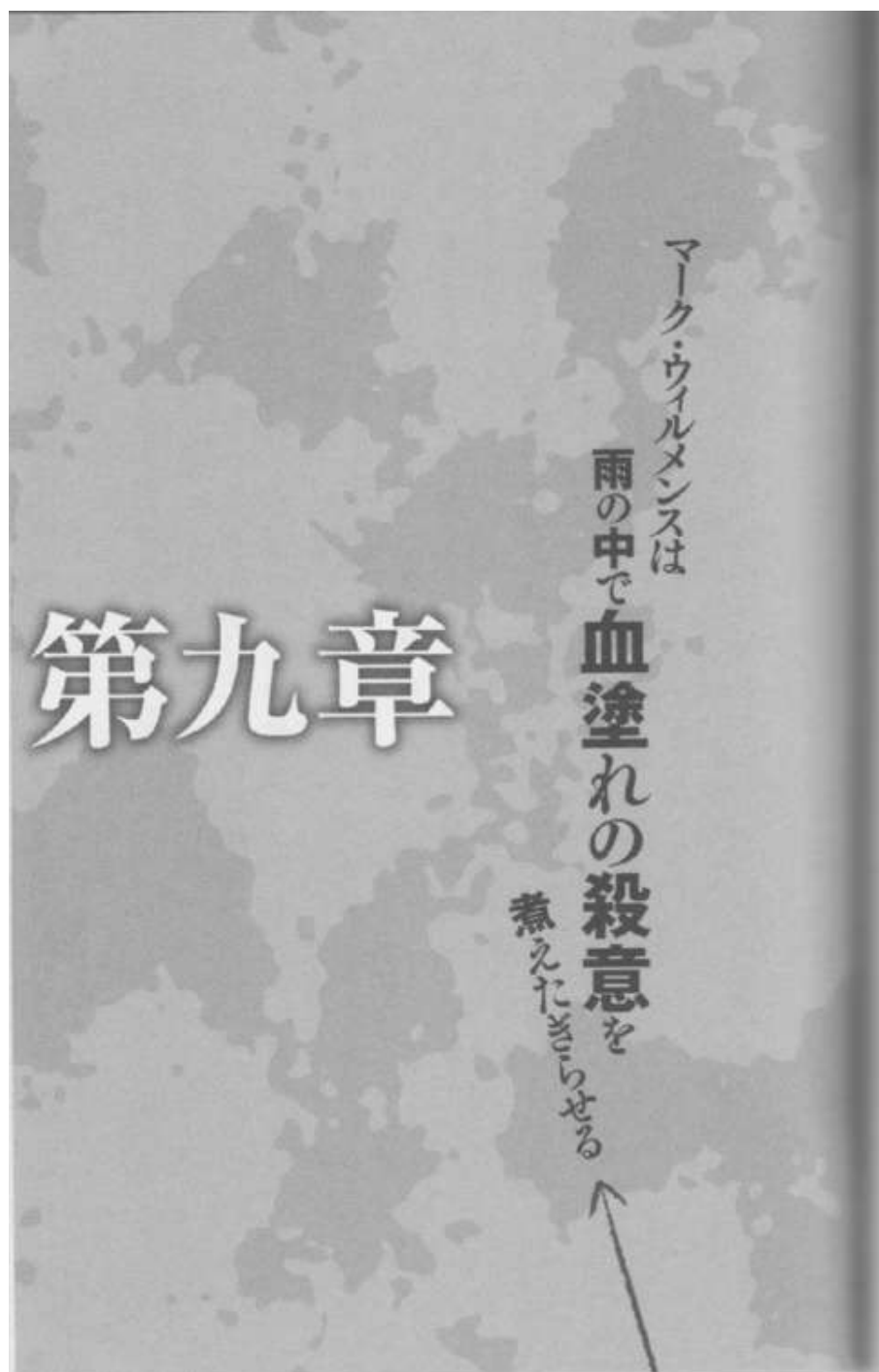
С тех пор прошло почти два года.

Мальчик, который поклялся отомстить, познакомился с бессмертным чудовищем...

А репортёр, который боялся смерти, воссоединился с серийным убийцей.

Глава 9.

Марк Уилменс заполняет дождливые улицы жаждой крови

Дождь покрыл улицы новым слоем цвета.

Хотя на них брызгала вода, которая красила черноту ночи в холодный серо-стальной оттенок, Карл и Марк не двигались с места.

Даже в разгар лета вряд ли приятно промокнуть среди ночи.

Но им было не до подобных неудобств.

Одним из них был репортёр средних лет.

А вторым – мальчик, не достигший ещё и пятнадцати.

Неописуемое напряжение между ними возникло из-за тонкого серебристого, подкрашенного темно-красным предмета в руке мальчика.

Десятисантиметрового оружия, которое нельзя назвать клинком – ножа для колки льда.

Это и была цепь, приковавшая их ноги к земле.

Хотя обоим казалось, что звук дождя может заглушить само их существование, первым заговорил репортёр:

– Личность Томми Айспика...

Мальчик не желал его крови. Но, пока он прислушивался к журналисту, в его глазах светилась взрослая и спокойная решимость.

– Ты имеешь в виду... ты...

– Правильно.

– ...

Это было невероятно.

По крайней мере, так бы сказал любой нормальный репортёр.

Особо наблюдательный или обладающий интуицией журналист сумел бы прочесть правду в глазах мальчика.

Но Карл среагировал иначе.

В конце концов, он уже знал, что преступник мог быть ребёнком.

В каждом случае власти заявляли, что первую рану всегда наносили ударом снизу вверх. Так как раны в сердце смешивались с остальными, они полагали, что у преступника не было выбора, кроме как бить жертву снизу.

Поэтому полиция подозревала молодёжные группировки вроде ватаги Грэхэма. Возможно, низкорослый член подобной банды маскировался под ребёнка, чтобы совершать убийства.

Но оставалась вероятность, что преступник на самом деле был ребёнком.

Карл обладал не только информацией, доступной лишь полиции, но и некоторыми другими уликами, которые он нашёл самостоятельно.

Например, связь между жертвами, известная лишь Дейли Дейз и некой группе людей.

– Это значит... ты...

Карл под дождём посмотрел мальчику в глаза.

– Назови мне своё имя.

– Марк. Марк Уилменс.

– Я так и знал... Сын Полы Уилменс.

Глаза Марка блеснули, когда он услышал имя женщины.

– Вы... знали мою маму?

– Удачная догадка... Но я выбрал имя типа «Томми Айспик» именно потому, что не хотел, чтобы это оказалось правдой. Я не хотел, чтобы убийцей оказался ребёнок вроде тебя.

– Пожалуйста... ответьте на мой вопрос.

– Мне несложно ответить «да», но я тоже хочу кое о чем тебя спросить. Ты знаешь, чем твоя мать занималась в этих переулках?

От строгого тона Карла Марк затих. Но поднял снова потемневшие глаза.

– Моя мать была проституткой. Но это было лишь прикрытием для её настоящей работы.

Казалось, он не хотел вспоминать.

– Всё, что я знаю... Она что-то делала по приказу человека по имени Сцилард Квотеш.

– ...

– А потом... Потом они её убили.

Ноябрь 1930

Всё началось со звонка в дверь.

Последний раз он слышал этот звук несколько месяцев назад. Мальчик решил не беспокоить маму, а открыть дверь самостоятельно.

Но ладони матери, Полы, перехватили его руки и зажали рот.

Её руки были теплыми и мягкими, но в их прикосновении ощущалась некая тревога.

И внезапно мать спрятала его в шкаф.

– Делай, что хочешь, Марк, но не издавай ни звука.

С этими словами она закрыла дверцу.

Её улыбка не отличалась от обычной. Поэтому он, не задумываясь особо, широко улыбнулся и кивнул в ответ.

Он поступил одновременно правильно и неправильно.

Потому что, с одной стороны, он тихо сидел в шкафу и выжил.

Но с другой – он потерял мать.

Когда исчезли мужские голоса, мальчик продолжал ждать маму, которая так и не вернулась.

А он оставался в укрытии.

Глубоко внутри он знал, что обманывает себя, но продолжал приказывать себе оставаться внутри. Ради того, чтобы подавить гремучий ужас, который пытался вспыхнуть с той минуты, как он услышал подозрительные голоса.

Он был настолько напуган, что если бы признал этот страх, тот немедленно бы стал реальностью и поглотил бы его.

Но неважно, как сильно он пытался себя обмануть, реальность оказалась не настолько добра к мальчику.

На следующее утро встало солнце, но его мама не вернулась.

Солнце село, но не было и следа мамы.

Она не вернулась, даже когда солнце снова встало.

Только через два дня прячущегося в шкафу мальчика нашли офицеры полиции, которых вызвал управляющий дома.

Когда мальчика вытащили, реальность столкнула его с фактом, что труп его матери обнаружили на берегу реки Гудзон.

И теперь...

– Тело мамы было бледным, но чистым.

Глаза мальчика были темными, но спокойными.

– Разве что всё тело покрывали раны, и каждая из них была жестоко обожжена.

Вытащенный из реки труп демонстрировал все признаки издевательств – скорее даже, пыток.

Как будто преступник пытался запечатлеть на теле процесс смерти достаточно затейливо и реалистично для создания образца.

В день, когда Марк опознал тело, шёл дождь.

Дождь шёл и тогда, когда статья одной крупной газеты описала произошедшее, как преступление, связанное с наркотиками.

Марк не верил, что его мать связалась с наркодельцами.

Но полиция не могла отрицать факт, что множество свидетелей пришли подтвердить обвинение. Редакция газеты держалась своей версии.

Словно они выставили её жертвой в обмен на сокрытие личности убийцы.

Как много знал Карл о прошлом Марка? Он закрыл глаза и официально сказал:

– Я уже читал эту статью.

– Правда?.. Это удивительно. Об этом действительно писала только одна газета. Я впечатлён.

– А то...

«Лучше не говорить ему, что я на них работал. И что знаю парня, который ту статью написал».

Карл пропустил комплимент мимо ушей и продолжил слушать.

– В тот день шёл дождь. Такой же, как сейчас. Самый обычный дождь.

Мальчик крутил и крутил в руках нож для колки льда, шагая к репортёру, который прирос к месту.

Он всё ещё не показывал жажды крови. Но естественно, репортёру хотелось отобрать у него нож.

– Для начала, не мог бы ты убрать эту штуку подальше?

Но ответ Марка состоял из пауз и сожалений:

– Мне жаль...

– Ясно.

– Если я его уберу, я... я лишусь смелости говорить. Мне кажется, что я потеряю себя.

Его взгляд был мрачен.

По большому репортёрскому опыту Карл мог сказать – взгляд у мальчика был совершенно ненормальным. Было бы неудивительно, если бы он вне-

запно заорал и начал бы безумно размахивать ножом. В этом смысле он был куда опаснее Грэхэма, с которым Карл встречался прошлой ночью.

Но Карл решил выслушать.

Из чистого любопытства насчет Томми Айспика?

Или из чувства ответственности за то, что он сам придумал эту кличку?

Или он просто почуял странность в признании мальчика?

В любом случае Карл не избегал ни взгляда, ни дождя и продолжал терпеть ночной холод.

– Могу предположить, почему ты охотишься за человеком по имени Сцилард.

– ...

– У жертв Томми Айспика была одна общая черта.

Пытался ли он поставить себя на психологически равный уровень игры? Карл дал мальчику ответ, которого тот не просил:

– Та, что все они работали на Сциларда Квотеша.

– ...

– Забудем пока, что за человек был Сцилард. Нам точно известно, что кроме суперинтенданта полиции Верда, который уволился из-за споров о растрате, на Сциларда работали ещё многие деятели политики, права и финансов.

Мальчик молчал под дождём, пока торговец информацией выкладывал ему факты.

По выражению глаз мужчины мальчик понял, что они заключили сделку. Другими словами, его признали.

То, что они обменивались информацией, означало, что мужчина принял его, как Томми Айспика.

«Теперь я не могу отступить».

Мальчик тихо перевёл дыхание. Казалось, что влажный от дождя воздух застрял в горле, не достигая лёгких.

«Но это неважно, правда? В итоге... я собираюсь умереть. Я должен умереть».

Проглотив комок в горле, Марк быстро вздохнул и хмуро сказал:

– Я... это всё уже знаю.

– Тогда что ещё ты хотел узнать? Что ты сделаешь, если я скажу тебе, где Сцилард? Позволь предупредить, это совершенно секретно, поэтому я не могу назвать тебе причины, но убийство Сциларда не обсуждается.

Карл пытался спровоцировать мальчика или, наоборот, успокоить?

Он выбирал обтекаемые формулировки, постоянно избегая самой важной истины.

Однако...

– Это неважно.

Карл замер. Он не ожидал настолько быстрого ответа.

Марк устало покачал головой и затуманенными глазами уставился в лужу под ногами.

– Мне было просто любопытно про Сциларда Квотеша... Начальника людей, которые отобрали у моей матери жизнь и честь. Так где он?

– Всё, что я могу тебе сказать, – ты не найдёшь его в Нью-Йорке.

– И что это значит? Весьма расплывчато.

– Я же говорил, это совершенно секретно, – уверенно ответил Карл. Мальчик склонил голову и шагнул ещё ближе к нему.

Он крепче сжал нож, холодно глядя на Карла.

– Подразумеваешь, что моей информации недостаточно, чтобы расплатиться за то, что я ищущу?

Его глаза были холодные и мрачные, как дно глубокого моря.

Но Карл тихо покачал головой и ответил не менее пристальным взглядом.

– Не недооценивай Дейли Дейз и её информационных брокеров, малыш.

– ?..

– Я говорю, что мы бы вылетели из бизнеса, если бы продавали секреты за банальности вроде личности таинственного убийцы. Работай мы так, и самым быстрым путем для получения информации было бы стать серийным убийцей... Конечно, окажись ты одной из наших знаменитостей, вроде Вино, пошёл бы другой разговор.

– Что... О чём ты? Да кто станет убивать ради чего-то вроде...

Марк даже сквозь дождь почувствовал, как по нему скользнула тень угрозы. Он машинально попятился.

– Слушай, малыш, – спокойно сказал Карл. – Есть почти столько же ублюдков, которые убьют ради информации, сколько и людей, которые убивают ради мести.

– ...

– Запомни это. Людям не нужны веские и правильные причины, вроде справедливости, чтобы убивать друг друга. Люди способны на убийство ради куска хлеба или старого доброго развлечения.

Мальчик молчал, и Карл продолжал его отчитывать, словно собственного сына:

– Есть люди, которые не убьют за корку хлеба. И есть те, которые не совершат убийство, даже имея по справедливости полное право мстить. Не моё дело решать, к каким относишься ты, но в любом случае ты никак и никогда больше не столкнёшься со Сцилардом. Это всё, что я могу тебе сказать.

– А что с людьми, которые не умирают?

– Не знаю, те ли это, которых я знаю, но... прости. Ещё одна секретная тема.

Некоторое время мальчик смотрел на Карла мрачными как и прежде глазами. Но вскоре он спрятал нож в рукав и развернулся.

– Спасибо. Это всё, что я должен был спросить.

– Не собираешься заставить меня молчать? – пошутил Карл. Мальчик остановился на полушаге и мягко ответил:

– Именно.

И со странной извиняющейся улыбкой...

– В итоге... со мной уже покончено, – сказал он. – И я ничего против тебя не имею. Я... я не могу вынести убийство человека ради чего-то другого, кроме мести.

– ?

Заметив в голосе мальчика ещё больше зловещей решимости, Карл снова заговорил:

– Что ты говоришь? И... Что ты собираешься делать с пятым?

– Это не твоё дело, – сказал мальчик, убегая в дождь.

Попытка Карла позвать его обратно провалилась. Мальчишеская фигурка исчезла в ливне.

Наблюдая за его уходом, Карл тихонько бормотал себе под нос:

– Боже, не могу поверить, что выбрался с подобным блефом.

Он продолжал, позволяя дождю скрыть холодный пот:

– Интересно... этот разговор для меня, как информационного брокера, оказался прибыльным или нет? Но в любом случае... думаю, мне удалось получить немного сведений бесплатно.

Карл потряс головой, громко вздохнул и зажмурился.

– Ладно... Похоже, когда мы снова увидимся, я должен буду отдать ему сдачу.

Через несколько минут

«Кажется, я старею.

Это нельзя даже считать игрой, как в старые добрые денёчки».

Решив, что нет смысла пытаться спрятаться от дождя, потому что уже промок дальше некуда, Карл не торопясь зашагал вперёд.

«Донне сейчас было бы примерно столько же лет».

Эмоции сменялись на лице нахального репортёра, который вспоминал свою умершую дочь.

«Что теперь? По всем правилам я должен обратиться в полицию, но... в этом разговоре я выступал как информационный брокер.

А мальчишка ни разу не сказал, что он Томми Айсвик, так что признания не было.

Думаю, Генри или Николас прыгали бы выше луны, заполучив такую информацию. Элеан, наверно, попытался бы уговорить пацана передумать или хотя бы прекратить убивать.

Кажется, я должен поговорить с президентом или вице-президентом.

Что я пытаюсь сделать?..»

Расчувствовавшись от мыслей о дочери, Карл решил вернуться в Дейли Дейз и согреться.

«Но кто бы мог подумать, что Томми Айспик окажется таким ребёнком? Похоже, я ошибся. Теперь мне стыдно, что дразнил Грэхэма, говоря, что у меня есть подозреваемый. Ну, по крайней мере, я не назвал ему имя...»

И вдруг его мысли резко замерли.

Хотя он оставался полностью в сознании, поток размышлений грубо оборвался на середине.

Потому что его легко ударили в спину.

«Меня закололи?»

Карл мгновенно напрягся, собирая разбежавшиеся мысли и чувства, и повернулся к нападавшему.

Но он не угадал. Предмет у его спины был гораздо тусклее, нежели серебро ножа для колки льда.

– Позволь мне рассказать тебе... таинственную историю.

Маньячно бормоча, прямо в лицо Карлу смотрел молодой человек с разводным ключом в руках.

– Я собирался немножко припугнуть тебя, потыкав ключом, так что за перепуганное лицо? Ты выглядишь так, будто тебя закололи. Шафт, что скажешь? – спросил молодой человек в голубом рабочем комбинезоне, промокшем от дождя, у своего друга, державшего зонтик.

– Наверно, он решил, что вы его подстрелили или что-то вроде.

– А может, ты только думал, что легонько потыкал, а на самом деле воткнул в него ключ.

Позади Грэхэма стоял Шафт, бесстрашный как всегда, и ещё один, незнакомый Карлу, парень. Он улыбался, словно у него не было никаких забот.

– Ясно! Значит очевидное решение – найти счастливую середину и сделать обоснованное предположение о сути дела.

– Это не нормально, босс.

Грэхэм задумался, помахивая ключом и не обращая внимания на комментарий Шафта.

– Другими словами... Должно быть, репортёр пришёл к шокирующему выводу, что кто-то заколол его сзади с помощью пистолета! Даже я потрясён этой мыслью! Кончик пистолета, несмотря на внешний вид, втыкается тебе в спину, словно нож... Что это за волшебство? Это нехорошо, Шафт. Думаю, я действительно напуган!

– Я больше напуган тем, что ты действительно веришь во всё, что говоришь.

Грэхэм проигнорировал Шафта, прикрывшего лицо свободной ладонью, и повернулся к Карлу.

– Мне правда жаль, мистер Важный Журналист. И думаю, гораздо больше жаль, что я не помню твоего имени. Поэтому я продолжу называть тебя Мистер Важный Журналист, если не возражаешь!

– Я Карл, – ответил репортёр, глубоко вздохнув.

Грэхэм остановил вращение ключа и снова повернулся к Шафту.

– Что теперь, Шафт? Это значит, что он отверг моё предложение?

– Может, он отвергает само ваше существование, босс.

– Приемлемо. Сегодня я уже признал, что являюсь врагом человечества, так что только естественно оказаться отвергнутым. Но это не отрицает безмерного моря печали, в котором тонет моё сердце. Как мне освободиться от этой скорби?

– Лучший способ избавиться от скорби – быть счастливым. Так улыбнись!

– Воистину... так! Но разве не всё в этом большом огромном мире одновременно радостно и печально?

– Тогда забудь о печали и просто сосредоточься на счастливой стороне.

– Разве это приемлемо для человека? Слишком счастливые люди в итоге забывают о прогрессе и заканчивают комками бесполезной плоти, ведущей себя к декадентскому разрушению...

Неясно, в отчаянии Грэхэм обдумывал тему или наоборот, но Элмер улыбнулся ему как обычно.

– Разве не достаточно того, что все умрут счастливыми?

– Если все счастливы, чем это отличается от невзгод?

– Разве не достаточно того, что ты не считаешь это невзгодами?

– Конечно... ты абсолютно прав.

Напуганный странным поворотом разговора, Шафт перебил их:

– Вы совершенно неправы! Что вы себе думаете?

Со встречи с мальчиком мнение Карла успело смениться на противоположное, и теперь он мок под дождём и размышлял:

«Мальчик же мне не привиделся, правда?»

Возможно, он настолько сконцентрировался на погоне за Томми Айспиком, что вообразил себе появление мальчика.

Однако Карл отогнал сомнения и обратился к парням перед ним:

– Простите. Вы меня просто удивили. Так чего вы хотели?

– Ну, нам просто любопытно стало, когда тебя под дождём заметили, мистер Важ... э, Карл. Кто-то украл твой зонт этой тёмной угрюмой ночью?

– О... Спасибо за заботу, но моё настроение хотело немного дождя. И кстати, кто бы говорил. Почему ты один тут без зонтика?

Карл усмехнулся Грэхэму, который тоже выглядел недотопленной крысой под ливнем.

– Давайте скажем, что я готовлюсь бросить вызов солнцу, – убеждённо ответил Грэхэм.

Карл перестал улыбаться и смутился.

– Мистер Карл! Вам лучше особо не задумываться о том, что говорит Босс Грэхэм, – вмешался Шафт, маша рукой. – Вы не поверите, однажды он думал, что может сразиться с дождём, вращая ключ над головой, и полностью промок в итоге.

– Но это же работало! – Грэхэм не сдаваясь, скрестил руки на груди. – Секунд десять.

Карл сухо усмехнулся.

– Так что вы тут втроем делаете? Не за Томми Айспиком же охотитесь, правда?

Ответ Грэхэма поразил его, как удар молнии.

– Да! Ты абсолютно прав! – уверенно сказал Грэхэм, кивая головой. – Хотя я дал обещание, которое требует от меня молчать о его личности, я должен спросить, Босс Карл! Вы видели этого ублюдка? Он коротышка, ростом примерно мне по грудь, ничего особенного... Элмер, как ты сказал, его зовут?

– Марк, – со смехом ответил парень по имени Элмер. Грэхэм воодушевлённо замахал ключом и обернулся к Карлу.

– Точно! Его зовут Марк. В нем нет ничего особенного, хотя... Ах да! Может, мы скажем, что самая его заметная черта – нож для колки льда, который он таскает с собой?

Полчаса спустя

Квартира в Нью-Йорке

Марк открыл старую дверь и вошёл в свой дом.

Пока мама была жива, они жили в квартире побольше.

Но теперь, после убийства матери, он проживал её наследство.

Хотя Марк остался один, денег матери хватало, чтобы несколько лет быть сытым и одетым. Но эти же деньги привели к подозрению, что его мать работала на наркоторговцев.

Марк прекрасно понимал, что имя матери никогда не сможет избавиться от ложного обвинения.

Убившим её людям было недостаточно забрать её жизнь – они украли и её честь.

Он никогда не сможет их простить.

И поэтому, когда она рассказала ему правду – когда назвала причину смерти матери и имена людей, совершивших убийство, – Марк поклялся отомстить за мать.

И неважно в какой ад он попадёт за свои грехи.

Позади спикизи он подобрал ржавый нож для колки льда, отполировал его и начал неторопливую охоту за убийцами, хладнокровно раздувая пламя мести.

В день, когда убили его мать и уничтожили её честь, город был охвачен дождём. И в очень похожий на тот день момент Марк позволил своей жажде крови воплотиться.

Но теперь он планировал лишить жизни себя, несмотря на то, что его месть ещё не завершилась.

Несмотря на то, что остался ещё один человек, его приглушённые чувства требовали передумать.

«Я не боюсь смерти, я не боюсь умирать», – твердил он себе, переступая порог.

Он напоминал себе о решимости, с которой лез на Бруклинский мост.

Но в итоге всего лишь вспомнил об остановившем его бессмертном человеке.

«Кстати, почему он меня заметил?»

Никто не обращал внимания на мальчика, стоящего под проливным дождём на краю моста. Несколько человек прошли мимо него, как до, так и после, но, казалось, никто его не заметил.

«Из всех, кто мог меня увидеть, это должен был оказаться бессмертный монстр».

Ужасно ироничная ситуация.

Как он вынес из беседы с информационным брокером, бессмертное чудовище было не галлюцинацией, а реально существующим созданием.

Но кое-что он не смог выяснить, даже открыв свою личность. Убедившись, что больше ничего не мог поделать, Марк потряс головой и прогнал прочь мысли о бессмертном.

«Точно. В любом случае я должен умереть».

– Я... я не боюсь умирать, – снова и снова, будто заклинание, повторял он себе, потом присел прежде, чем продолжить.

– Но... мне все ещё нужно убить ещё одного. Последнего. А до тех пор...

Он внезапно услышал шум у входной двери.

Ужасающе отчетливый звук запираемого изнутри замка.

Марк вздрогнул и повернулся ко входу.

– Так ты не боишься смерти, да? – прозвучал холодный голос высокого мужчины, стоящего у двери.

– В-вы кто?!

Он слышал, как дверь запирали, но не слышал, как она открывалась. Мужчина, наверно, всё время прятался внутри, ожидая Марка, прежде чем закрыть за ними дверь, скорее всего для того, чтобы исключить возможность любого вмешательства.

Марк мог чувствовать, как колотится его сердце.

Волоски на затылке встали дыбом, живот свело, и он завопил как резаный.

Но из его рта не вылетело ни звука. Он не мог ни орать, ни даже толком дышать.

– Я вижу страх в твоих глазах. Откуда такой испуг?

– ...

Высокий фыркнул и тихо подошел ближе к приросшему к месту Марку.

– Есть разница между готовностью умереть, малыш, и жизнью, когда смерть постоянно наступает тебе на пятки.

Мужчина надвинул шляпу на глаза и поднял воротник до рта, и довольно странно, но в середине лета он носил пальто длиной до колен и был холоден, как дождь.

– Если всё, что у тебя есть, это решимость, то смерть выпрыгнет на тебя из ниоткуда...

На лице мужчины был шрам, а пристальный взгляд кристально ясно давал понять, что его обладатель не ведёт честную жизнь.

Подумав, что гость связан с Семейей Гандор, убежище которой он навестил, Марк начал подниматься со стула со сведённым от напряжения горлом.

Но было слишком поздно.

Прежде чем он встал, мужчина выхватил из-под пальто ружьё и наставил его Марку на голову.

Кончик черного ствола коснулся лба Марка, и он рухнул на прежнее место, потеряв равновесие.

– А когда смерть приходит к тебе из ниоткуда, ты испугаешься. Я прав?

Мужчина вжал ствол Марку в лоб, показывая, что тот не сможет встать, даже если захочет. Марк осторожно полез в рукав за ножом для колки льда.

Но высокий мужчина усмехнулся и остановил его поиски.

– Не надо делать глупостей, Томми Айс-пик.

– !..

– По твоей реакции... похоже я попал не в бровь, а в глаз.

– Э-э...

Разум Марка заметался в поисках ответов, в мыслях возникало множество версий.

«Он знает. Как? Это репортёр? Нет, слишком рано. Гандоры? Или... не может быть...»

С ужасом поняв, что все его теории бессмысленны, Марк сглотнул и дрожащим голосом пискнул:

– Вы... кто, мистер? Откуда вы знаете, кто я?

– Я всегда думал, что Томми Айспиком окажется какой-нибудь сопляк-бандит с томми-ганом... Это весьма вежливый способ, малыш, говорить с наёмным убийцей.

– Убийцей...

Его сердце сжалось от ужаса.

Он слышал шум дождя. Такой же, как в день, когда потерял свою мать.

Марк подумал не атаковать ли мужчину изо всех сил, не заботясь о собственной жизни.

Но он мог сказать, что его немедленно убьёт малейшее проявление подобных мыслей.

Казалось, по каким-то причинам наёмник не собирается убивать его прямо сейчас. Марк глубоко вздохнул и решил держать уши на макушке, ожидая шанса на побег.

– Вы... убийца?

– Верно. Моей жертвой должен был стать Томми Айспик. Мой клиент был весьма дотошен – сказал твой адрес, описал твою внешность и эту лачугу. Если честно, не знаю, поверил ли я, что это за тобой охотятся копы, но раз я получил аванс, то обязан хотя бы быстро проверить. Я прав?

– Кто... кто это был?

– Малыш, да какой убийца будет настолько глуп, чтобы назвать имя клиента? Разве что чёртова девчонка-амиго, – раздражённо выплюнул мужчина.

– Девчонка-амиго?

На секунду он вспомнил лицо мексиканки, встреченной в клубе, но мрачный тон Смита тут же развеял образ.

– Тебя это не касается, малыш. Не произноси больше этого слова, если хочешь остаться в живых.

– Но вы же всё равно собираетесь меня убить, разве нет?

– Ха... логичный ответ, но логика со мной не работает. В конце концов, этот род занятий начинается очень далеко от здравого смысла...

Было очень похоже, что мужчина мусолит тему и что-то скрывает. Но Марк, не теряя бдительности, тщательно подобрал слова и резко выдохнул:

– Почему... ты не убьёшь меня прямо сейчас?

– Потому что я хочу поговорить.

– П-поговорить?

– Точно. Потому что Томми Айспик это квинтэссенция безумия и ужаса. Если ему суждено навеки исчезнуть, то его личность будет потеряна для мира, как у Джека Потрошителя, и я хочу по меньшей мере знать, чем порождено это помешательство. Это просто. Взглянув на источник сумасшествия, я приближусь к нему, но не буду повергнут.

«О чем он, чёрт побери, толкует?»

Казалось, убийца был полностью поглощён собой. Марк понимал слова, которые звучали, но не понимал, почему мужчина затерялся в собственном мире.

Он хотел бы указать на это, но со стволом, прижатым к голове, бессмысленная провокация – не выбор.

– Ну... с чего нам начать? Конечно... Давай ты расскажешь мне, что заставило тебя в первый раз запачкать руки?

Глаза убийцы блеснули из щели между шляпой и воротником, излучая одновременно веселье и жалость. На секунду Марк задумался, стоит ли подчиниться, но выражение лица мужчины не изменилось, и он решил во всём признаться.

Он поведал историю своей жажды крови, так же как информационному брокеру чуть раньше.

– Ясно... месть, да. Чёрт, это очень понятно для мотива. Конечно, я думаю, что убивать пятерых за одного, можно и само по себе посчитать безумием.

Дослушав историю Марка, убийца на минутку задумался.

А потом в уголке его губ появилась усмешка, и он представился мальчику, которого держал на мушке:

– Лаз Смит.

– Что?..

– Моё имя. Те, кто глубоко завяз в преступном мире, знают меня как Мастеружейника Смита.

– Зачем ты называешь мне своё имя?

– А почему хотя бы не запомнить имя человека, который собирается тебя убить?

«О. Значит я всё-таки умру».

Морально готовясь, Марк сосредоточил всё внимание на мужском пальце на спусковом крючке.

Как только мужчина нажмёт на крючок, он попытается отдёргнуть голову.

Но совершенно расслабленный палец мужчины завис над крючком. Хотя, разумеется, он был готов выстрелить в любой момент.

Марк размышлял, нападать ли ему или подождать.

Несколько секунд промучив мозг размышлениями о стратегии, он в отчаянии выбрал поддерживать разговор так долго, как только сможет.

Марк знал, что большого толка из этого не выйдет, но надеялся, что противник окажется глупее него.

И словно прочитав его мысли, убийца вновь заговорил:

– Хочешь что-нибудь сказать напоследок, малыш?

Подумав, что это его последний шанс, Марк проглотил нахлынувший ужас и использовал шум дождя, как опору для превращения в Томми Айспика.

– Только одно... хочу прояснить одну вещь.

– Какую?

– Ты сказал... что я убил пять человек из мести. Но это неправда.

– Что?

Смит смотрел с искренним изумлением, и Марк продолжил:

– Есть ещё один человек, которого я должен убить. Один из пяти упомянутых тобой... был случайной жертвой. Я обознался.

Жалкий повод для торговли за свою жизнь, но он цеплялся за своё признание, отчаявшись сбежать.

– Ты обознался?

– Да... обознался! Последнего я убил по ошибке! В итоге я убил человека, который не имел никакого отношения к этому! Сначала я пытался покончить с собой, но кое-кто вмешался... И я передумал. Я не убью себя... как минимум до тех пор, пока не прикончу последнего!

Только после признания Марк понял, что совершил ошибку.

Он убил невинного человека.

И каждый раз, когда он это вспоминал, Томми Айспик в его голове растворялся.

«Всё кончено».

Он остался беззащитным.

«Это справедливость. Божественное правосудие для убийцы, отнявшего невинную жизнь».

Хлынувшие из глаз слёзы смыли с лица Марка налёт Томми Айспика. Он приготовился умереть.

Но...

– Ты перепутал свою жертву с кем-то другим?..

Убийца замер и медленно опустил своё оружие.

– Что?..

– Вот теперь как раз то, о чём я говорил. Настоящее сумасшествие.

Убийца шагнул назад и внезапно вытащил из-под пальто газету.

– Я купил выпуск перед тем, как идти сюда, чтобы выяснить про твоё безумие. Взгляни, – сказал самопровозглашённый Мастеружейник и швырнул газету на стол.

Это был выпуск Дейли Дейз. Марк вспомнил, что именно в этой компании работал сегодняшний информационный брокер.

На передовице был заголовок «Пятый припадок безумия Томми Айспика». Но глаза Марка, пробежав по подзаголовкам, мгновенно распахнулись.

«Серийный убийца посягает на первую женщину».

«Последняя жертва в сетях убийцы – проститутка».

«Возвращение Джека Потрошителя?».

– Что?

На миг зрение Марка затуманилось, будто он потерял связь с внешним миром.

Глядя прямо на него убийца спросил:

– Насколько сильно надо сойти с ума, чтобы перепутать шлюху в коротком платье с женщиной?

Марк продолжал читать, словно и не слышал вопроса.

А потом он внезапно остановился на одной строчке статьи и заметно побледнел.

– Нет. Нет, нет... Что за?.. Что это?

– ?

– Почему... Лиша мертва?..

Казалось, Марк огорчило имя жертвы.

– Лиша Даркен. Шлюха, которую ты убил вчера, правильно?

Но Смит обращался к глухому.

– Нет. Не может быть... Этого не может быть!

Белый, как простыня, Марк рухнул на колени и затрясся.

– Почему... Почему убили Лишу?!

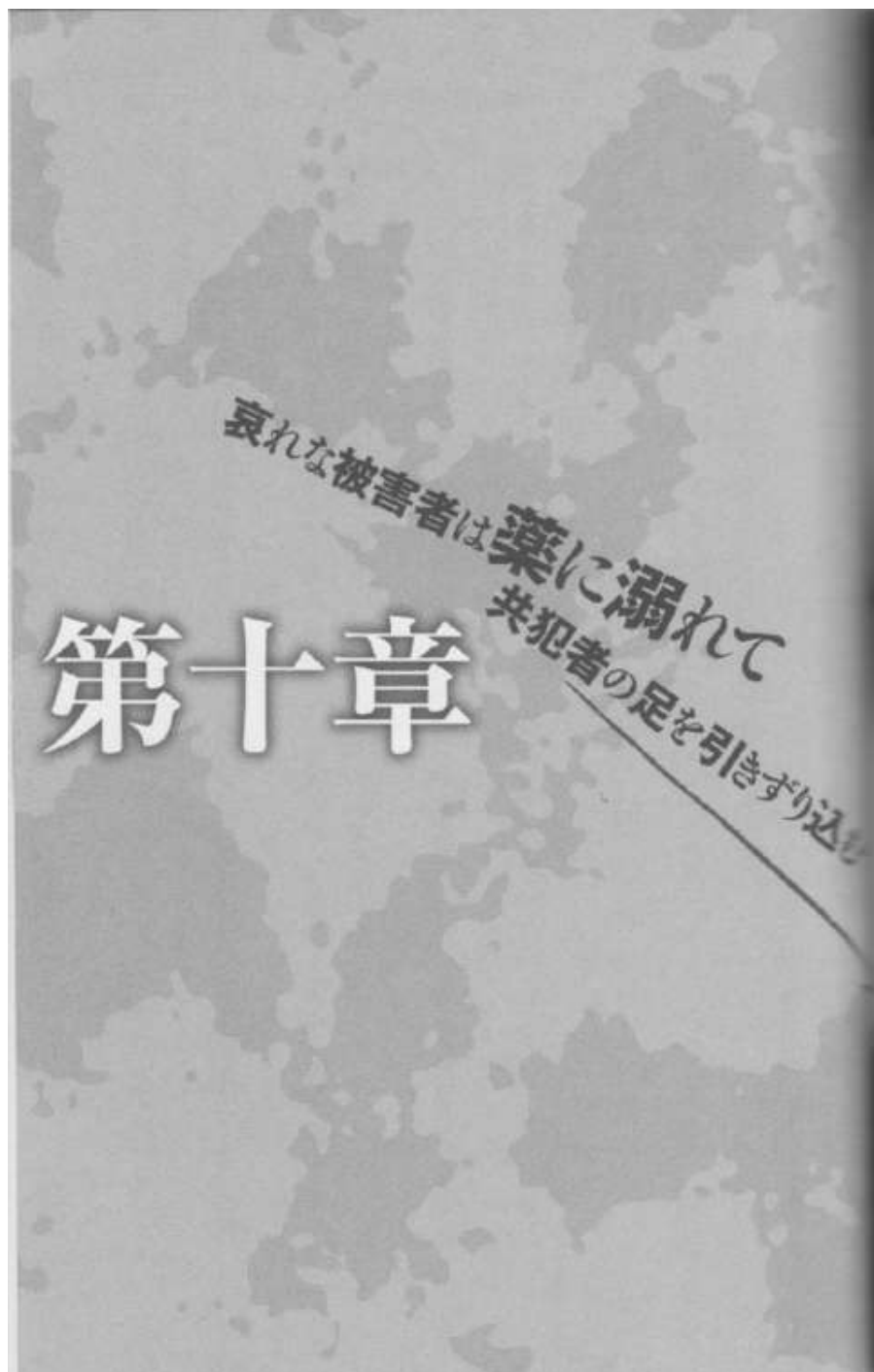
Возможно, он почувствовал что-то при виде дрожащего мальчика.

Смит молча покачал головой и поднял оружие.

Ни секунды не колеблясь, он приставил ствол к затылку Марка и спустил курок.

Глава 10.

Жалкая жертва-наркоманка мешает сообщнику

Два дня назад в Нью-Йорке начался чрезвычайно сильный ливень. Это случилось примерно в то же время, когда Элмер и Марк встретились на Бруклинском мосту.

Молодой репортёр, Лестер, по приказу босса направлялся на интервью с уличной бандой. Он цокнул языком, когда с неба полились капли дождя, и нырнул в тёмный переулок.

«Всё ещё можно добраться до убежища шпаны... но опять-таки, я не уверен, смогу ли найти их в такую погоду».

Он свернул в узкий переулок, ведущий к цели. Снова свернул на относительно тихую улицу и обнаружил перед собой человека.

И поняв, что силуэт принадлежит знакомому, остановился и пробормотал имя:

– Лиша...

Судя по внешности, женщина была уличной проституткой. Она мазнула по Лестеру пустым взглядом запавших глаз и, наконец, слабо усмехнулась.

– О?.. Уж не Лестер ли это?.. Ну. Странно видеть тебя здесь. А-ха-ха.

Если Лестера не подводила память, ей было под тридцать. Но тёмные мешки под глазами, мертвенно-бледная кожа и безжизненный вид делали её лет на десять, а то и двадцать, старше.

– Никак не бросишь дурную привычку, да?..

– Сейчас ты всё неправильно понял. Помнишь, полгода назад, ну... Э... те парни Рунората. Внезапно... перестали приходить. Из людей мистера Густаво, знаешь? Продавали мне те славные колёса. Но, э... Он исчез... Ну, знаешь? Да? Я... я перешла на другие. Продержалась всё время... Но, э... Другие работают хуже... Моё тело превратилось в чёрти что. А? Ну. Вот я и решила бросить.

– Ладно. Ты все равно под кайфом. Пока.

Решив что для Лиши не осталось надежды, Лестер поторопился уйти.

То есть, пока она не схватила его за руку.

– Эй, у меня нет времени на наркоманку вроде...

Но его прервал вид ножа для колки льда в её руке.

Лестер вздрогнул и почувствовал, как по спине побежал холодок.

– Л-лиша?! Какого чёрта?!

Когда Лестер отступил, Лиша закудаhtала.

– Ой, куда теперь, торопишься?.. Подумал, я, ну, Томми Айспик?

– ...

– Знаешь... ножи для колки льда раскупают как горячие пирожки. Ну. Дети. Не хорошо, но... будто бум на ножи... знаешь? – ворковала Лиша, намекаяще улыбаясь и лаская нож.

Хотя вид скудно одетой женщины, поглаживающей нож, мог бы показаться соблазнительным, Лестер был не в том настроении.

– Дурацкая шутка.

– О, Лестер, волнуешься? Ну. Может мне, знаешь, закосить под дурочку? Спорю, ты всё-ё знаешь, почему, ну... Убили тех людей, да? Спорим, ты жутко боишься, что тебя ткнут следующим. Разве нет?

– Я сказал, прекрати, – рыкнул Лестер, выхватывая у Лиши нож. Она прищурила мутные глаза и расплылась в ухмылке.

– А-ха-ха. Ха-ха-ха. Знаешь, это так смешно. Что, ну. Ты боишься тупого ножичка.

– ...

– Знашь, что мне напела маленькая птичка? Ты хорошо выглядел тогда, в доме, когда, ну, в прошлый раз им пользовался.

– Прекрати...

Лестер покрылся холодным потом, а его сердце начало гнать нечеловеческую эмоцию.

Медленно скользящая в безумие Лиша соблазнительно продолжала, не понимая, что её слова раздражают Лестера.

– Все говорят про, знашь, когда ты замучил и убил бедную Полу. Ты сунул эту штуку в огонь и раскалил докрасна, и... Ха-ха. Воткнул в неё, будто веселился вовсю.

– ПРЕКРАТИ!

Щёлк.

Лестер буквально слышал, как меняется его разум. Каждый мускул в теле напрягся.

Он пытался отрицать утверждение Лиши и собственное прошлое.

Но её обвинения не прекращались.

– Что теперь такой серьёзный? Ну, знашь. Немногие ходят под дождём переулками. Никто не услышит. Все... Все до смерти напуганы Томми Айс-пиком...

– ...

– Это не смешно. Да? Знашь, так бояться. Ну. Милого малыша вроде него.

– ...

Щёлк. На этот раз он почувствовал, как хрустнул перебитый хребет.

– Что?..

Глаза Лиши лениво шарили по отдалённой точке, когда она отвечала:

– Все бегут к мамочкам. Ну. Знашь. А-ха-ха. Но им не стоит бояться. Птамушта, знашь? Марк собирается убить только вас.

– Марк... Марк?

Лестеру пришлось повторить имя, чтобы оно добралось до разума. Ему пришлось порыться в памяти, чтобы припомнить человека по имени Марк.

Но вскоре он наткнулся на мальчика по имени Марк Уилменс.

– Не может быть... Сын Полы?..

Лестер столбом застыл под дождём, а такая же промокшая женщина с пустым взглядом, выглядевшая ещё чувственней в мокром платье, ответила:

– Точно. Ну, знашь. Похож на Полу. Её глаза. Знашь? Даже до смерти бедной Полы. Он думал, знашь? Я была его другом. Ну, вот. Иногда. Я, ну. Готовила ему и прочее.

– Мне никто не сказал.

– Что? А-ха-ха. Лестер, ты смешно говоришь. Но знашь, тебе не понравится. Ну, если узнаешь, – хихикнула Лиша.

Дождь одинаково смывал всё. Кровь и смрад гниющего трупа.

Стирал всё, кроме извращённой улыбки, приклеившейся к лицу убийцы.

Лестер начал размахивать ножом от ярости. Но слушая слабые стоны из губ Лиши, его разум постепенно вспоминал конкретное событие.

И когда её глаза потускнели, он вспомнил открытое в прошлом удовольствие.

Понимая ненормальность своих действий, Лестер все равно улыбался.

Превратив тело Лиши в мешанину крови и дыр, Лестер уронил нож в лужу, краем одежды стёр с него кровь и отпечатки пальцев, вышел из переулка и небрежно бросил его в кузов проезжающего мимо грузовика.

Его сердце, как и прежде, оставалось холодным, как камень.

Поэтому он без колебаний обнял мёртвое тело Лиши и закричал:

– Помогите! Скорее сюда! Вызовите доктора! Кто-нибудь!

Позабывшись проверить, что она уже не дышит, Лестер драматично и неестественно заорал во всю глотку.

В тот самый миг, когда репортёр, который боялся смерти, встретился с убийцей.

А точнее...

Молодой репортёр, когда-то работавший на Сциларда Квотеша, воссоединился с убийцей, спящим в его душе.

Прошли десятки часов.

Подвал джаз-клуба «Кораджиозо»

Прошло несколько часов с тех пор, как Лестер нанял на работу Смита. Он тихо сидел, ожидая скорого завершения порученного задания.

Это была штаб-квартира Семьи Гандор. Вокруг Лестера сидело множество мужчин бандитского вида.

«Пола и Лиша. Две дуры.

Я... я просто не хотел умирать. Почему они встали у меня на пути? Проклятье... Если бы Пола просто... просто отдала бы мне неполный Эликсир, который она хранила для Барнза».

Погрузившись в воспоминания, Лестер вздохнул.

«Но я всё ещё не могу поверить, что она не выпила ни капли. Мы же ничем не были обязаны Сциларду или Барнзу. Почему она решила не становиться бессмертной?» – гадал он.

Внезапно открылась задняя дверь, и из неё вышел мужчина.

– Прости, Лестер, что пришлось ждать.

– Ничего. Я бы хотел прийти раньше, но пришлось потрудиться, чтобы сбить полицию со следа.

– Жаль это слышать. Знаешь, ты всегда поставлял нам лучшие в городе сведения. Надеюсь, наше деловое сотрудничество продлится и дальше.

– Что вы, мистер Касетти. Это я должен вас благодарить.

– Да ладно тебе. Брось формальности и называй меня просто Нико.

Лестер улыбнулся капо Гандоров, человеку, хорошо известному своими боевыми навыками. Его звали Никола Касетти, обычно сокращая до Нико.

Это он во время заварушки в прошлом году отвечал за похищение руноратовских громил под прицелом десятков томми-ганов.

– Мы выполняем свою часть и сами присматриваем за полицией, – сказал Нико и сильно прищурился. – Мы слышали, что пятую жертву – женщину – мог убить кто-то другой.

– ...

– Четверо других были заколоты снизу вверх, но женщину закололи ударом в шею сверху.

В его голосе не было никаких эмоций.

Лестер чувствовал огромный невидимый груз, давящий на него, но притворился, что не замечает.

– Неудивительно.

– Что?..

– В конце концов, преступник не одиночка.

– О чём ты говоришь?

Поняв, что Никола заглотил наживку, Лестер выдавил ухмылку. Он медленно разворачивал сюжет, который сочинил, используя информацию, собранную в последние дни.

– Преступник... преступник – наёмный убийца по имени Лаз Смит. Я считаю... он нанял уличную шпану, чтобы убивать людей, связанных с Семьёй Гандор.

– «Лаз Смит», говоришь?

– Верно. Очень высокий мужчина. В разгар лета носит длинное пальто.

– И что убийца вроде него имеет против...

– Кто знает? Боюсь, даже я не могу читать чужие мысли.

– Найдите мне одноразового стрелка. Убедитесь, что он сможет убить ребёнка, – сказал Лестер на переговорах с Семьёй Рунората.

Сначала он надеялся, что разговор купит ему немного времени, но внезапно почувствовал, что появился неожиданный проблеск удачи. Странно одетая танцовщица высунула голову из-за Нико и заявила:

– Лаз Смит? Амиго, я его знаю! Однажды Берга дал ему в морду и уложил в больницу! – сказала она, неосознанно снабдив Лестера дополнительным оружием.

– Вот как... – торжественно произнёс Нико, вставая с места.

– Куда-то собираетесь, мистер Касетти? – спросил один из людей Гандоров.

– Не беспокойся. Я не собираюсь устраивать беспорядки в отсутствие боссов, – ответил Нико, с холодным и острым взглядом собираясь уходить. – Мы просто поговорим.

– Что такое, амиго? Если тебе нужны люди, я с тобой! – сказала танцовщица, заметив серьёзность Нико.

– Делай, что хочешь... – пробормотал тот.

Нико молча поднялся по лестнице, за ним последовали танцовщица и ещё несколько мужчин.

Перед самым уходом он обернулся к Тику, сидящему в углу.

– Тик. Не заморачивайся чистить свои ножницы. Чувствую, сегодня будет ещё много криков.

– Что случилось с мистером Касетти?..

– Ну... Никому не говори, но Лиша, девушка, которую только что убили... Мистер Касетти давно на неё заглядывался, ясно? Думаю, они правда нравились друг другу. Но он сказал, что не будет больше с ней встречаться, пока она не бросит наркотики. Должно быть, она пыталась остановиться, но кто ж знал, что остановится её сердце?

– Ого...

Лестер взглянул на лестницу, по которой поднимался Нико, и мысленно улыбнулся.

Упивался ли он собственными успехами?

Воображал ли Смита, оставленного на милость Тика?

Или вспоминал момент смерти Лиши?

Его лицо оставалось неподвижным, но сердце заходило смехом.

Молчаливый смех Лестера знал, чем всё кончится, и звучал в такт начавшемуся дождю.

* * *

Смит открыл дверь, чтобы уйти, и столкнулся с молодым человеком в голубом рабочем комбинезоне.

– Босс Смит? Что вы тут делаете?

– Это моя реплика...

Грэхэм, Элмер и Шафт посетили редакцию некой газеты, чтобы узнать адрес Марка. Но добравшись до нужной двери, они встретили там мужчину, с которым виделись несколько часов назад.

– М-мы ищем мальчика по имени Марк, – начал Шафт, но Смит вздохнул и покачал головой.

– Вы опоздали. Он мёртв.

– Что?

– Я только что убил Марка Уилменса.

Это было ужасно простое признание.

И пока пришедшая троица переглядывалась, Смит холодно продолжил:

– Я направляюсь к своему клиенту. Не буду вас останавливать, если пожелаете пойти следом.

* * *

Дождь не собирался прекращаться.

Звук падающих капель заполнил улицы Нью-Йорка, словно реквием по местным убийцам.

Бесконечный дождь окутывал убийц тьмой, словно готовился смывать кровь, которая скоро прольется.

Пауза

Он боялся смерти.

Он прекрасно знал, что сама мысль о смерти пугает его больше обычного. Поэтому, обнаруживая порой, что его поступки вышли из-под контроля, он винил во всем страх.

«Да и кто станет меня винить?»

Мужчина усмехнулся и поднял голову.

«Чёрт, кто бы хотел умирать, верно?»

Его рот выплюнул слово, которого он боялся больше всего.

Он не хотел умирать.

Но думать так – нормально для живого существа. Следовательно, он будет сохранять себе жизнь любой ценой.

«Знаешь, ты поделишься удовольствием».

Он улыбался.

«Верно, Пола?»

Он с улыбкой сунул нож для колки льда в кучку раскалённых камней.

Нож медленно нагревался.

Он не обращал внимания, что жар доставал до его руки.

Он вытащил докрасна раскалённый нож и плавно поднёс его к сидящей перед ним женщине.

Разумеется, остальные усадили её силой. Она беспомощно обмякла, и было трудно сказать, в сознании ли она вообще. Мужчина покачал головой. Улыбка не покидала его глаз.

– Пола, тебе нужно винить не меня, – словно извиняясь, пробормотал он не женщине, а самому себе.

Он действительно боялся смерти.

Но это совершенно отдельный случай по сравнению с остальными неважными вещами.

«Я просто не хочу умирать. Никто не хочет. Так почему ты пытаешься сохранить его для себя? Где ты спрятала неполный Эликсир?»

Мужчина даже не дал женщине времени на ответ и воткнул раскалённый кусок металла в её тело.

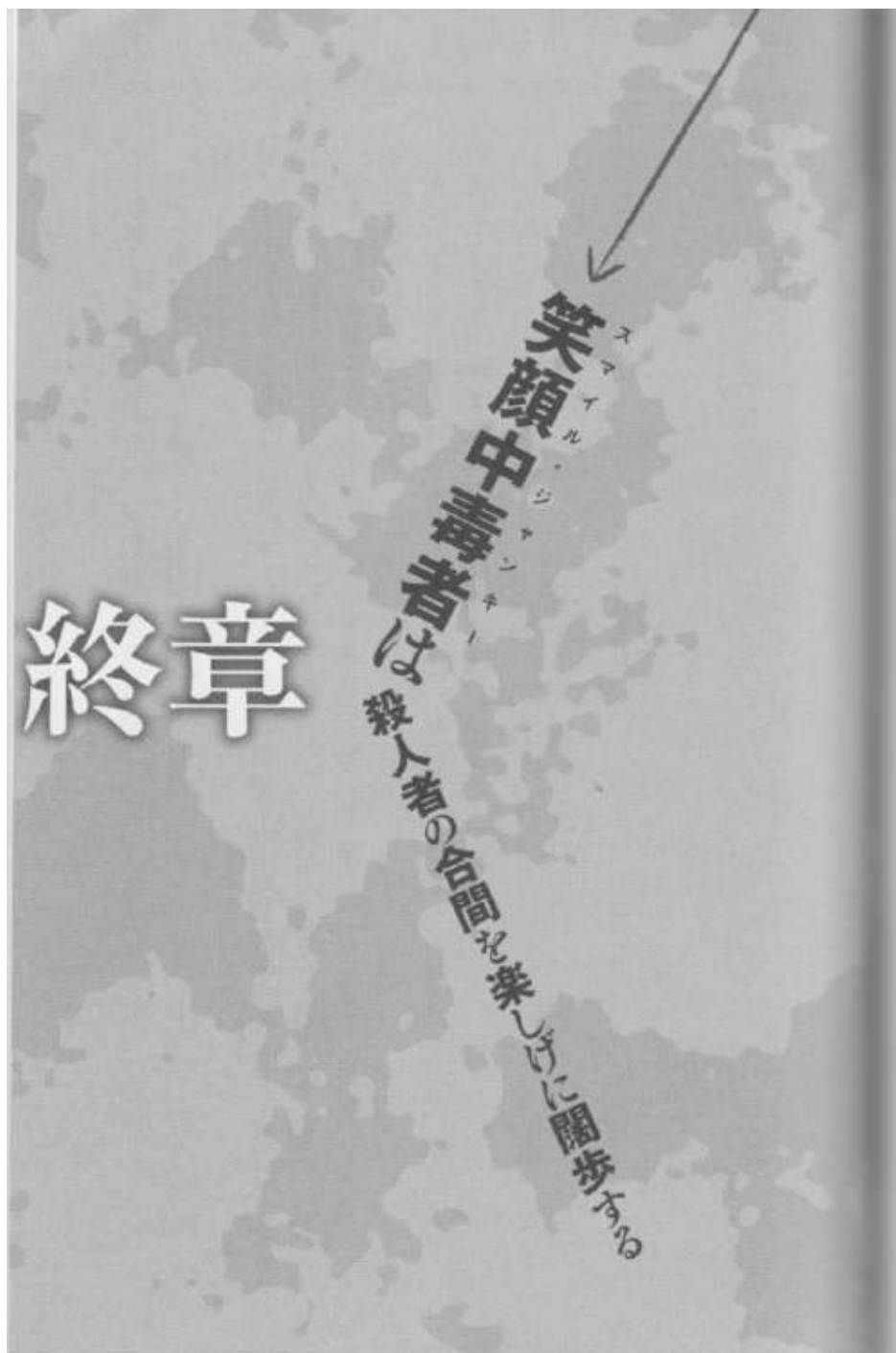
Женщина подавилась криком. Мужчина усмехнулся ещё шире.

Время шло.

Мальчик, который желал смерти и воздаяния, встретил необычного убийцу.

А репортёр, который боялся смерти, воссоединился с убийцей в своей душе.

Финал.
Улыбочный Нарик весело скачет вокруг убийцы

Следующее утро

Офис президента Дейли Дейз

– Ясно. Так чем завершился инцидент?

С нижнего этажа доносилась болтовня репортёров и редакторов.

А из-под горы бумаг, наваленных в половине комнаты – словно это был символ всего здания – раздался голос, возраст которого было трудно определить.

Или, чтобы быть точным, голос принадлежал президенту газетной компании «Дейли Дейз», который сидел позади кучи бумаг, заполнивших комнату.

Одна половина комнаты выглядела зоной военных действий, засыпанная бумагами, словно снегом. Другая половина, напротив, была аккуратна и безукоризненно опрятна. Будто в разных частях комнаты время текло по-разному, и граница проходила по столу в середине.

Довольно неуместный мягкий голос хозяина этого места – главы информационных брокеров, президента Дейли Дейз – контрастировал с напряжением в глазах всех остальных в офисе.

– Верно! Почему ты не доложил нам сразу же, как только попал в эту ужасную ситуацию? – заговорил Элеан, афро-американец в китайском костюме. Остальные сотрудники повернулись к мужчине, с каменным лицом стоявшему в углу комнаты.

Его поставили в неловкое положение. Он слегка потирал лицо и смущенно смотрел в сторону.

– Ну... С чего мне вообще начать? Это был чертовски большой бардак...

– Что это должно значить, Карл, – нахмурился Элеан. Карл вздохнул и начал один за другим выкладывать факты об инциденте.

– Верю, что вы уже в курсе, Президент, но этот случай завёрнут в два или три уровня секретности.

– !..

Мягкий голос Президента, который не обратил внимания на вздохи остальных сотрудников, донесся из-за горы бумаг:

– Ясно. Не могу сказать, что не ждал подобного случая. Значит, Сцилард Квотеш оставил на городе след глубже, чем мы думали.

Сцилард Квотеш.

Упоминание имени заставило некоторых сотрудников нахмуриться и переглянуться.

– Погодите. Секундочку. С чего вдруг мы заговорили про него? Когда вы сказали про секретность, я был уверен, что речь о Гандорах.

– Именно поэтому, Элеан, – поднял глаза Карл. – Мы говорим о Сциларде потому, что замешаны Гандоры.

Таинственный человек за кипой документов хихикнул и пояснил многозначительное заявление Карла:

– Жертв связывала одна ниточка: они все имели отношение к Семье Гандор. Однако, это только верхушка айсберга.

– Сэр?

– Они с самого начала были связаны. И каждый по-своему сблизился с Семейей Гандор, чтобы выяснить местонахождение конкретного предмета.

Странно расплывчатая фраза Президента запутала информационных брокеров, но, добавив её к собственным запасам сведений, они добрались до ответа.

Карл мельком глянул на сотрудников и продолжил с того места, где остановился Президент.

– Из-за некоего случая группа стариков, служивших руками и ногами Сциларду, внезапно утратила информацию о том, где находится сцилардов Эликсир Бессмертия.

Два года назад нужный Сциларду идеальный Эликсир Бессмертия внезапно исчез. Кроме того, сам Сцилард и его помощница Эннис оборвали связи с людьми.

Им остался единственный кусочек информации – последний раз Эликсир видели в убежище Семьи Гандор.

Бюро Расследований пристально следило за старшими последователями, которые служили напрямую Сциларду. Работавшим на них людям для продолжения достались всего два факта.

Во-первых, Эликсир исчез в убежище Гандоров.

Во-вторых, известно, где неполный Эликсир, который использовался в опытах для получения идеальной формулы.

Группа знакомых людей из этих подчинённых независимо пыталась собственными методами подобраться к Семье Гандор.

И в то же время они разыскивали Полу Уилменс, которая работала на Барнза.

Ходил слух, что она его юная дочь, прижитая от любовницы, но сейчас его уже никак не подтвердить.

В конце концов, Полы больше не было в живых.

– Поле поручили присматривать за неполным Эликсиром, который Сцилард выдал Барнзу для экспериментов. Похоже, старики не полностью доверяли Барнзу, хотя и работали на одного и того же человека. И они подтвердили, что она на всякий случай вынесла несколько бутылок с неполной формулой.

Карл поражённо вздохнул. Заговорил информационный брокер в очках и с пробивающимися в волосах седыми прядями.

– И поэтому её убили, да? – фыркнул он. – Опустим, призналась ли она, где спрятала Эликсир, но лично я бы выкрал и взял бы в заложники её ребёнка.

Николас, редактор английского отделения Дейли Дейз, мотнул головой на хвастовство.

– Они, должно быть, находились на грани. Даже если бы ребёнок пропал, им пришлось бы постараться, чтобы списать всё на несчастный случай с наркотиками. Спорю, они решили, что попытать счастья с Гандорами менее рискованно.

Карл согласился. Президент спокойно вмешался со своей точкой зрения:

– Да. Первой похитить мать, а потом охотиться за сыном было бы весьма необычным планом действий. В конце концов, если они действительно

охотились на тайник с зельем... простите за выражение, но надо было сначала убивать мальчика на глазах у матери, а потом её.

– Но теперь мы получили сына, Марка, бегущего вокруг и мстящего. Это просто душераздирающе. Неужели у него не было другого выхода? – вздохнул Элеан. Карл уставился на свои ботинки.

– Конечно, он, наверно, мог бы решить сдаться. Но рассказ в полиции никуда его не приведёт. Весь инцидент сфабрикован копами и документами. Нет никаких шансов, что они заново откроют дело только из-за показаний одной проститутки-наркоманки, – горько сказал Карл. В комнате повисла тишина.

Её нарушил голос Президента.

– Теперь, Карл, мы можем переходить к сути дела.

– Да, сэр...

– Что случилось с тем мальчиком... Марком Уилменсом, так же известным как Томми Айспик, и репортёром, за которым он гонялся, Лестером?

Глаза Карла потемнели от сложных чувств, он помолчал и снова вздохнул.

– Грустно говорить, но... Марк Уилменс мертв. Он был убит наёмным убийцей, о котором я не много знаю, – торжественно зажмурившись, сказал он. – А жалкий трус из журналистов всё ещё жив. И уверен в победе.

– Действительно, ужасная история.

Всё вернулось к моменту суматохи (Vassano).

Двенадцать часов назад

Подвал «Кораджиозо»

– Ясно... Понял.

Мафиози держал трубку и смотрел на молодого репортёра.

– Эй. Звонок от Нико. Он говорит, что на той старой фабрике, где они обычно зависали, никого нет. Ещё какое-то место на ум приходит?

Лестер прищурился и пересмотрел свои планы.

«Значит, они ушли. Это проблеск удачи или...»

– Я не знаю...

«Ещё рановато, но лучше сначала избавиться от убийцы».

– Знаешь, я начал его подозревать, потому что недавно пару раз обращался к нему за информацией.

– И почему ты раньше ничего не сказал?

– Возможности не представлялось. О, я никогда даже не мечтал слить ему ваши сведения, так что успокойся.

Журналист вел себя на удивление уверенно. Человек с трубкой нахмурился, но жестом приказал продолжать, чтобы получить больше информации.

– Когда я с ними говорил, что-то случилось. Я сам видел, и похоже, у них внутренние проблемы... Ладно, кажется, одного из их парней, который всегда делал грязную работу, больше нет. Кстати, мне показалось, что он тоже

разговаривал с репортёрами, но... Мы всегда встречались только там, – упомянул Лестер, с трудом скрывая елейную ухмылочку.

– Знаешь то заброшенное здание возле Центрального вокзала?

В то же время На улицах Нью-Йорка

– Босс Смит! Что значит, вы убили малыша Марка?

– А ты как думаешь? Я взялся за работу и убил свою цель.

– В этой квартире, босс?

– Точно. Скажу тебе, здесь чертовски трудно позаботиться о теле.

Убийца слабо улыбнулся, пока его допрашивал Грэхэм с безвольно висящим вдоль бока ключом.

Дождь лил на ночной город. Не так уж странно для улиц в таких условиях относительно пустовать, но угроза Томми Айспика удержала дома гораздо больше людей, чем обычно.

За Смитом, идущим под большим зонтом, следовали Грэхэм, Шафт и Элмер.

– Это нехорошо, босс, – шептал по пути Шафт Грэхэму.

– Хм?

– Не надо, босс! Мы замешаны в убийстве! Убийстве! Прямо сейчас!

– Ты прав, – беспечно ответил Грэхэм.

– Да ладно, босс, – вздохнул Шафт, потирая виски.

– Чертовски стыдно. Только не говори мне, что забыл весёлые денёчки, что мы проводили возле Босса Ладда.

– Босс, может вы подумаете о моём счастье и не будете напоминать?

– Ты добился своего!

Грэхэм тут же положил мокрую руку Шафту на плечо и посмотрел с жалостью.

– Тебе, наверно, будет трудно, но ладно. Постарайся выжить, – сказал он. – Всё нормально. Мы уходим!

– Что я делаю со своей жизнью? – посетовал Шафт, свободной рукой хватаясь за голову.

На этот раз руку ему на плечо положил Элмер.

– Если тебя что-то беспокоит, почему бы не улыбнуться? Слово ждёшь, чтобы соперник первым двинулся в камень-ножницы-бумаге. Грусть и злость – ничто перед лицом улыбки! Это как магия – даже если ты ужасно несчастливо жил, если улыбка осветит твоё лицо за секунду до того, как топор палача обрушится на твою шею, то в твоей жизни появится блаженство.

– Если можно, я бы хотел не преодолевать эти трудности.

– Но они могут того стоить, – уверенно кивнул Элмер. Шафт отвернулся, словно пытаясь отвести глаза чудовищу.

– Мистер Элмер, обычно я этого не говорю людям, с которыми только что познакомился, но... я завидую вашему бесконечному оптимизму.

– Я бы сказал, тут нечему завидовать, – застенчиво ответил Элмер. – Для этого надо лишь продать душу ради улыбок остальных.

– Вы понимаете, как страшно это прозвучало?

Улыбка Элмера не дрогнула, пока он озвучивал ужасную мысль. Если бы это сказал кто-либо другой, Шафт бы посчитал это шуткой. Но этот человек отличался. Шафт видел, что улыбка Элмера остается неизменной, даже когда он неожиданно вляпывается в убийство.

Они немного прошли под дождём и добрались до тёмного здания возле Центрального вокзала. Внезапно Смит остановился и оглянулся на остальных.

– Мой клиент будет в этом здании, но вы это случайно подслушали. Ясно?

– ?

– Я никогда не говорил вам следовать за мной. Я собираюсь войти в это здание один. Поэтому, если вы пойдёте за мной, то всё, что вы увидите или сделаете, например, последуете за клиентом, – не моё дело. Понятно? – спросил Смит и повернулся ко входу.

– Эй, мистер Смит. Вы правда его убили? – внезапно спросил Элмер.

– Да. Правда.

– Такого малыша?

– Точно. Я убиваю мужчин, женщин, детей и стариков. В конце концов, только безумец решит стать убийцей. Как только ты свихнёшься, то в мгновение ока будешь падать всё ниже и ниже. Чёрт, мне понравилось сносить ему голову, – похвастался Смит и постарался сверкнуть холодной усмешкой. Но Элмер что-то прошептал ему на ухо.

–

– Что?..

–

Из-за шума дождя Грэхэм и Шафт ничего не расслышали.

Смит на секунду замер, криво усмехнулся и в шоке потряс головой.

Шафт, Грэхэм и Элмер увидели, как убийца исчезает в здании, и переглянулись.

– Позвольте рассказать вам печальную, печальную историю... – начал Грэхэм, похлопывая ключом по ладони.

– Итак, что же в этом большом огромном мире могло заставить Босса Смита сказать подобное? Если угадывать, то я бы сказал, что он от нас чего-то ждёт. Но остаётся загадка. Чего он от нас хочет? О, если нам никогда не удастся соответствовать его ожиданиям, мы можем навеки разрушить его планы. Да иди оно всё к чёрту! Я считал себя врагом мира, но теперь я начинаю доставлять неприятности даже Боссу Смику. Если так и дальше пойдёт, то лишь дело времени когда, сам того не зная, я начну докучать Боссу Ладду!

Что делать, Шафт? Как думаешь, у меня ещё есть шанс искупить свою вину перед миром?

– Босс, ну... Это мы попали в неприятности из-за Босса Ладда и Босса Смита. Честно, босс! Я думал, Босс Смит собирается заткнуть нас навеки!

– Если бы он хотел тишины, то не потрудился бы заявлять, что убил пачана, – Грэхэм балансировал ключом на макушке.

Беззаботное поведение Грэхэма чуть до слёз Шафта не довело.

– !.. Да, но, босс!

– Продолжай беспокоиться и облысеешь сильнее мистера Плачидо.

– Неважно, босс.

Шафт отстал от Грэхэма и с неуверенным видом подошёл к Элмеру.

– Что ты только что сказал Боссу Смиту?

Шафт не заметил ни тени сомнения в глазах Элмера. Это укрепило его веру в то, что Элмер – необычное существо, и ещё сильнее разожгло любопытство, что же он сказал.

– Вообще-то немного. Я...

Но Элмера прервало звяканье металла, которое донеслось из здания. А следом забухали раскаты выстрелов.

Секундами раньше В заброшенном здании

Смит шагнул внутрь, чтобы отчитаться, и мгновенно почувствовал, как по спине пробежал холодок, возможно из-за погоды.

Клиент потребовал доказательств, что он убил Марка Уилменса, так же известного как Томми Айспик.

«Весьма необычный клиент, раз хочет дважды встретиться с убийцей».

Смит рассматривал возможность ловушки, но даже если репортёр действительно вызвал полицию, то не у одного Смита будут проблемы. Он вернулся на встречу с журналистом, предполагая, что тот отчасти боится мальчика.

Невероятно дурацкий план действий для живущего в тени человека.

И всего через несколько секунд он пожалел о собственной беспечности.

Он углубился в коридоры здания и краем глаза заметил промельк цветастой одежды.

И понял, что одежда принадлежит человеку, которого он всего несколько часов назад поклялся убить...

«Мария... Мария Барселито!»

Смуглая девушка с катаной.

Но первым Смит заметил не её усмешку, а блестящий обнажённый клинок.

Он вдруг услышал свист металла в воздухе. Весь воздух в комнате застыл, а по загривку Смита поползла капля холодного пота.

– Чёрт... Будь проклята.

Он блокировал атаку Марии вытащенным из пальто дробовиком. Стиснул зубы и проклял собственную глупость.

«Он вызвал не полицию... а другого убийцу!»

Но времени сожалеть о поступках не было. Девушка с мечом смеялась и смотрела прямо в глаза.

– А-ха-ха! Давно не виделись, амиго! Слышала, ты валялся в госпитале, но похоже снова встал на ноги! Поздравляю!

– Спасибо...

Мария начала теснить Смита – мечом и прочим – с силой, которой обычно не ожидают от девушки её комплекции.

– Но как жаль, амиго! Ты был бы счастливее, если бы пролежал на больничной койке до смертного часа!

– Не смеши меня!..

Смит оттолкнул её и снова вскочил. Он вытащил из-под пальто другой ствол и хотел прострелить ей руку, но опоздал.

Он думал, что отшвырнул девчонку, но она оказалась прямо перед ним.

– Чёрт!..

Он спустил курок, но по положению руки и наклону ствола Мария безупречно рассчитала траекторию пули. Она уклонилась за доли секунды до выстрела.

Пригнувшись под пулей, она подлетела сбоку и сильно ударила по пальто Смита.

– А!

Смит почувствовал невероятный удар по животу, но не ощущал никаких ран. Десятки пистолетов внутри пальто блокировали удар Марии.

– Эх... Всё ещё не разрубаешь металл, да, амиго? Плохо.

– Ты, маленькая... Как ты посмела надрезать мои пистолеты?!

Мария мгновенно приготовилась к следующей атаке, но Смит ещё шатался. Плюясь словами, которые противоречили ситуации, они разошлись метров на пять.

– Ладно, амиго. Жаль, что придётся, но я постараюсь, – заявила Мария, вытаскивая из ножен второй меч.

Это было необычное противостояние между парными мечами и стволами.

Когда-то они брались за одно и то же задание, но сейчас встретились как враги.

– Я позволю тебе выбирать, амиго: заколоть тебя, снести голову с плеч или разрубить её на части.

– Если бы я рубил, то показал бы тебе, как это делается!

– Эй, не жадничай, амиго! Кроме того, я сильнее тебя. Последний раз Берга тебя на ать-два вырубил! Я не проиграю, амиго!

Провокационные дразнилки Марии были единственной девчачьей чертой её действий.

– А я слышал, что Клэр Стэнфилд хорошенько тебя потрепал!

– Не проблема, теперь я могу его побить! И ты всё равно слабее меня, амиго! – по-детски рассмеялась Мария. Но Смит отлично понимал, что несмотря на невинную внешность она способна беззаботно убивать людей.

А ещё, что Мария будет сражаться с ним на равных, с парой мечей против стрелка.

И благодаря этому факту Смит усмирил эмоции и опустил оружие.

– Да. Ты права.

– ?

– Я... слабее тебя.

– Что такое, амиго? – с любопытством спросила Мария. – Умоляешь сохранить тебе жизнь?

Смит расслабился и тихо заговорил:

– Когда Гандоры уложили меня на больничную койку... я понял истину.

Он вложил в кобуру пистолет из правой руки и вытащил дробовик вроде того, который держал в левой.

– В мире есть неизлечимо безумные монстры, которых мы, наверно, не сможем объяснить с точки зрения логики.

Смит самоуничижительно хохотнул и снял пальто.

– Поэтому я научился быть скромным человеком.

Он стащил рукав, не выпуская дробовик. Пальто с глухим стуком упало позади.

Сбросив тридцатикилограммовое пальто, Смит с хрустом покрутил шеей.

– Я стал убийцей, который живёт, почитая Бога, мир и идеал безумия.

– О чём ты говоришь, амиго?.. – спросила Мария. – Я думала, пальто – твои доспехи!

Но Смит отбросил даже свою шляпу.

Под пальто он носил классическую рубашку и черные брюки. Лёгкий костюм, но в странной кобуре, обёрнутой вокруг пояса, виднелось несколько пистолетов.

– Я благодарен миру, который позволяет жить даже безумцам вроде меня.

– Думаю, ты считаешь, что изрекаешь нечто крутое, амиго, но это не так, – ответила Мария с интонациями, средними между провокацией и повторением очевидного.

– Я и тебе обязан, девочка-амиго, – усмехнулся Смит.

– Правда?

– Ага. В этот значительный день я повторяю... ох.

Глаза Смита распахнулись. Он взвился в воздух.

– Какая нахрен разница?! Ты на меня гнала, сука, и я тебя прикончу!

Он мчался вперед быстрее, ещё быстрее, быстрее, чем слова, вылетающие из его рта. Он яростно бросился вперёд, хотя сражался парой дробовиков.

Но Мария среагировала даже на настолько немыслимое действие и взмахнула мечом в правой руке.

– А-ха-ха-ха! Прости, амиго! Ты куда смешнее и глупее, чем я думала! – сказала она, не подумав. Но её действия опережали слова.

Когда она закончила свою фразу, громкий лязг металла о металл зазвенел между двумя бойцами. Пара стволов дробовиков скрестилась перед лицом Смита, блокируя атаку Марии.

В схватку вступил её второй меч.

Но прежде чем Мария смогла нанести финальный удар, Смит развернулся на месте. Скрещённые стволы превратились в мельницу, и один из дробовиков уставился прямо в корпус Марии. И в мгновение ока Смит спустил курок.

Но Мария была на шаг впереди. Она как раз вовремя отклонилась назад и использовала инерцию, чтобы выбить дробовик.

Мария ждала, что оружие с ужасным рёвом извергнет пулю, но почему-то получился пшик. Она услышала чёткий щелчок осечки и снова шлёпнулась на землю.

Однако Смит уже сменил дробовик на пару пистолетов, по одному в каждую руку. Он не целясь выстрелил в направлении врага, не заботясь выбором конкретной области на её теле.

Мария еле уклонилась от пуль, устремившись к Смит и выставив вперёд катану.

Это был момент истины.

Но Смит, случайно или наоборот, парировал выпад рукояткой пистолета. Сила удара заставила их обоих отшатнуться.

В итоге Смит выронил оба пистолета и вытащил из кобуры ещё два. Мария пригнулась поодаль и замерла.

Кто первым сделает поспешное движение – тот и проиграет.

Разница между клинками и стволами потеряла значение. Позиции и расстояние между бойцами образовали стильное равновесие.

Смит и Мария на секунду застыли, а потом одновременно заулыбались.

– Я удивлена, амиго. Ты действительно весьма силен.

– Могу сказать то же о тебе. Клэр трепал тебя, как тряпичную куклу, но...

В воздухе повисло напряжение.

Как только один из них шевельнётся, весы склонятся в ту или иную сторону.

Однако...

Всего через несколько секунд весы сломались.

От звука множества взводимых курков.

Смит слегка скосил глаза. Перед ним стояла группа мужчин, словно заслоняя вход в здание.

По одежде было понятно, что они из мафии. Каждый держал томми-ган или спиленный обрез, и все они целились в Смита.

На несколько секунд все затихли.

– Что тут происходит? – нахмурившись, нарушил тишину Смит. Мария сердито смотрела на новоприбывших.

– Эй, что вы творите, амигос? Не видите, мы тут веселимся?

Девушке-убийце ответил мужчина, облечённый осознанием превосходства:

– А мне кажется, тут всё не детской игрой закончится...

– Нико!

– Прости, Мария... Ты член Семьи, что значит, я не могу позволить, чтобы ты пострадала в отсутствие боссов.

– Тц.

Мария вложила меч в ножны, решив не спорить с пришельцем.

Тем временем Смит не мог и мускулом шевельнуть, отданный на милость десятков стволов.

Нико подошёл к убийце, для которого не осталось надежды.

– Лаз Смит, я полагаю? – спросил он, надев на лицо безэмоциональную маску.

– Рад видеть, что меня тут узнают. Или надо было сказать, что это позор для убийцы, которого ловит и узнаёт в лицо абсолютный незнакомец? – сказал Смит, пытаясь спрятать свой страх.

– Тебе решать, – фыркнул мужчина, названный Нико. – Конечно, идиот выходит на меч со стволом, но кто бы мог подумать, что ты с ним ввяжешься в дуэль с Марией? Я слышал, босс Берга хорошенько тебя отделал, но может быть, тебе просто не везёт с противниками, – сказал Нико, доставая вместо оружия сигарету и закуривая.

– Меня зовут Никола. Член Семьи Гандор. Интересно, гнилая и червивая каша твоих мозгов вообще способна сообразить, в какую переделку ты попал?

– Видимо, нет. И какого черта боссы Гандоров так испугались одного жалкого убийцы?

– Под дурачка косишь? – глаза Нико сузились до щёлок, и он понизил голос: – Лаз Смит... Нет, может, твоя голова начнёт лучше работать, если я назову тебя Томми Айспиком.

– ...

Глаза Смита распахнулись.

Казалось, Нико счёл его молчание за признание. Не меняя выражения лица, он повернулся к подчинённым:

– Забирайте его...

– Эй. Погодите.

– Если тебе есть, что сказать, мы потом послушаем Тика.

Нико отвернулся от Смита, будто больше ни секунды не хотел тратить на взгляд на убийцу.

А потом он заметил перед собой два ярких цвета.

Грязно-голубое пятно в форме человека и вращающийся серебристый диск.

По спине Нико пробежал холодок, когда он узнал незваного гостя.

«Грэхэм Спектр».

Преступник, который несколько раз в прошлом сталкивался с Семьёй Гандор, но выжил, чтобы травить байки и хуже.

– Эта... Эта печальная история... Должна просто ЗАКОНЧИТЬСЯ!

Молодой человек остановил вращение ключа и громко заорал за спинами людей Гандоров.

– Что вы, ублюдки, пытаетесь сделать с Боссом Смитом?!

Смит первым среагировал на голос гостя.

– Ты идиот!.. Я же сказал тебе идти заниматься, чем нафиг захочешь!

– А мне, босс, захотелось сюда прийти. И... Что тут нафиг происходит?

– Ничего хорошего, это точно... Но я бы сам хотел знать, что происходит.

– Э-э... Даже ты сам понятия не имеешь, но пытаешься сказать мне разобраться? Это, должно быть, какая-то ловушка. Неужели Земля собралась обмануть Грэхэма Спектра, врага человечества?! Или это всё же деяние солнца?!

Нико нахмурился на выступление Грэхэма.

– Снова ты... Каждый раз, как тебя вижу, ты приносишь проблемы.

– Ой, уж не мистер ли Нико это.

Грэхэм и Никола переглянулись, узнали друг друга и скривились.

– Что ты тут делаешь?

– Почему я здесь?.. Чертовски философский вопрос. Позволь мне попытаться ответить. Факт, что я продолжаю, должен означать, что мне позволено существовать. Погоди. Но я же враг человечества. Так почему? Чёрт подери тебя, проклятое солнце! Мне не нужна твоя симпатия!

– Позволь мне начать заново... Откуда ты знаешь этого чокнутого убийцу?

Стоявшая в стороне Мария вмешалась в беседу:

– Ты о чём? Репортёр сказал нам, амиго, что этот парень убийца или один из его друзей!

– Мы раньше попадали с ним в пару драк, но этот парень не способен на убийство.

– Правда? – Мария выглядела разочарованной. – Это не забавно, амиго.

– Босс Смит, почему ты воюешь с Гандорами? – рассеянно спросил Грэхэм. – Я думал, ты с этим покончил, когда они до упора загнали тебя в госпиталь.

– Похоже, ты и правда не знаешь, – вздохнул Нико. – Этот парень – Томми Айспик.

Грэхэм вытаращил глаза, а потом склонил голову.

– Что ты говоришь? Томми Айспик...

Тут Грэхэм вспомнил, что Элмер просил его сохранить в секрете личность Марка. Он покрутил ключ и исправился:

– Томми Айспик... А это, кстати, кто?

– Мы говорим, что этот Смит и есть Томми Айспик, амиго.

– Нет-нет-нет-нет. Это! Немыслимое. Заявление.

Мария смутилась. Грэхэм сердечно рассмеялся.

– Конечно, Босс Смит убийца, но на самом деле он никогда никого не убивал.

В здании снова воцарилась тишина.

Все взгляды, смущённые и изумлённые, были прикованы к Смиту.

Тем временем он сделал глубокий вдох, как человек, приносящий обет, и изрёк одну простую фразу:

– Это правда, что я Томми Айспик.

– Босс? – ошеломлённо спросил Грэхэм.

– Так ты признаёшь это? – наоборот прищурился Нико.

– Верно. Я убил четверых человек, хотя пятый всё ещё там.

– Босс, вы хорошо себя чувствуете? Вам в голову не стреляли или что-то вроде?!

– ?..

Неожиданное признание Смита смутило Грэхэма. Нико же просто стоял и смотрел на него.

Под взглядами аудитории убийца ухмыльнулся и медленно продолжил:

– Я Томми Айспик... Но я убивал не ради денег. А ради мести.

Подвал джаз-клуба «Кораджиозо»

– Очень жаль, но мне пора возвращаться к работе. Никогда не знаешь, когда получишь новые данные.

Лестер медленно поднялся со своего места. Вокруг него стояли люди Гандоров.

– Что ж, ладно. Мы рассчитываем на тебя.

Мальчик злобно смотрел на Лестера сверху вниз и сжимал окровавленный и ржавый нож для колки льда.

– В офисе тебя не было, и ко мне домой ты не приходил... так что я решил, что смогу найти тебя здесь.

Час назад

Квартира Марка

Внезапный щелчок позади мгновенно привёл Марка в чувство. Обернувшись, он увидел мужчину, видимо посланного его убить, который вздыхал и держал в руках дробовик, из которого только что пытался выстрелить.

– Ах, да. Теперь вспомнил. Я достал все патроны, потому что слишком опасно таскать заряженный дробовик. Чёрт. Совсем на меня не похоже.

Марк с сомнением покосился на странно театрального мужчину.

– Что ты собираешься?.. Почему... Почему не убьёшь меня?

– Слушай, малыш. Только что произошло твоё убийство. Но...

Мужчина хотел заключить сделку. Не с Марком, а с серийным убийцей Томми Айспиком.

– Я дам тебе будущее в обмен на твоё прошлое.

– Что?..

– Я могу быть убийцей, но мне не хватает репутации. У меня нет послужного списка и сумасшедших баек. Вот я и подумал, как насчёт мелочи для наёмника? Настоящей личности Томми Айспика, таинственного и безумного серийного убийцы.

– Что?..

Серийный убийца не понимал, о чём говорит наёмник. Марк быстро моргал, не зная, как реагировать.

– Я пытаюсь сказать, что помогу тебе, малыш, в обмен на твои успехи.

– Нет, ладно, я... но... Почему?

– Я же сказал. Мне нужна репутация.

По-прежнему недоумевая, Марк склонил голову. Смит побеждённо вздохнул и подозрительно осмотрелся.

– Заткнись и делай, что говорят. Я не хочу убивать ребёнка, ясно? – смущённо сказал он.

– Но ты же наёмный убийца, разве нет? – Марк округлил глаза. – Разве ты не предаёшь своего заказчика?

– Слушай, малыш. Все без исключения убийцы неизлечимо сумасшедшие.

– И?..

Казалось, Марк столкнулся с экзотическим созданием, о каком ни разу в жизни не слышал. Смит развёл руками и усмехнулся. Его заявление вместо смущения было полно гордости:

– Клиент сам виноват, что доверился безумцу.

Подвал джаз-клуба «Кораджиозо»

– Т-ты?!.. Полы!.. Проклятье, как?! Чёрт!

Воодушевление Лестера от игры с чужими жизнями испарилось. Теперь он сильнее, чем того требовала боль, корчился на полу и представлял шаги приближающейся Смерти.

Его рана была вовсе не смертельной, но Лестер никогда не испытывал подобной боли. Он обманулся, считая, что скоро умрёт.

– ЧЁРТ! А-А-А-А-А! Грёбаное отродье! Какого хрена этот говнюк творит? Бля! Бля! Проклятье, убейте его сейчас же! Застрелите! Я тут, блин, помираю! Не-е-е-ет!

Лестер катался по полу и ужасно орал. Люди Гандоров недовольно посмотрели на него, но полезли под куртки и уставились на стоящего на лестнице мальчика.

Хоть они и не открыли огонь сразу же, но помнили, что два года назад несколько их друзей погибли в этой самой комнате. Иначе они бы так не насторожились.

В левой руке мальчик нёс бумажный пакет, а в правой – нож. Но кроме этого никакого другого возможного оружия у него не замечалось.

– Что случилось? – спросил Тик, единственный оставшийся спокойным. – Знаешь, играть с ножами опасно.

– Простите, – слабо улыбнулся Марк и пробормотал: – Я постараюсь вам не мешать.

– Не знаю, что тут происходит, малыш. Но ты уже нам помешал, – сказал один из мужчин, вытаскивая пистолет и наводя его на мальчика. – Что в пакете? Полегче, покажи нам, но очень медленно.

Мафиози сказал так из осторожности, но одурманенный страхом смерти Лестер счел это слишком слабой мерой.

Он пошатываясь направился в мужчине с пистолетом.

– Дай сюда, ублюдок!

– Что?!

Удивительная сила Лестера застала мужчину врасплох, и заряженный пистолет сменил владельца.

И прежде, чем кто-то хоть слово успел вымолвить...

Прежде, чем мальчик сунул руку в пакет...

Даже прежде, чем Лестер сообразил, что делает...

Безжалостно защёлкал пистолет, всаживая пули в человеческую плоть.

Однако, это оказалась не плоть мальчика. Жертвой стал нежданный гость, спрыгнувший сверху, чтобы защитить его.

– Ты... – выдохнул Марк, голова которого пошла кругом от внезапного удара.

Он смотрел прямо на бессмертного монстра, который всё это время его преследовал.

– Привет. Ты в порядке? Ещё бы чуть-чуть... – Элмер облегчённо улыбался, но кровь капала с его губ и хлестала из спины.

– Но... ты же... почему?!..

И только теперь мальчик вспомнил, с кем говорит.

– Только не говори... это не больно?

– Больно. Ужасно больно. И кстати, ты не мог бы обратить внимание на свою правую руку?

– Э?..

Марк опустил глаза и понял, что во время суеты нож, который он держал в руке, воткнулся в ногу Элмера.

– Ой! П-простите!

– Не волнуйся. Я сам виноват, правда.

Элмер вытащил нож, словно ничего не случилось, и с улыбкой поднялся на ноги, несмотря на то, что его только что застрелили в спину.

От такого зрелища Лестер и мафиози подавились воздухом.

Но через секунду их шок от фантастического вида только усилился.

Кровь, вытекшая из ноги и спины Элмера, заползала обратно в него, словно нарушая законы времени и гравитации.

Каждая капля крови возвращалась на своё место, словно обладая собственным разумом. Мафиози посмотрели на ползущие красные потоки и переглянулись.

«Эй, разве это не?..» – «Как боссы...» – «Кто он, чёрт подери, такой?» – перешёпывались они.

Люди Гандоров отобрали пистолет у Лестера, который неподвижно стоял, разинув рот и забыв о боли в плече.

– Бес... смертный?!.. – сорвалось с его губ одно слово.

Внезапное появление монстра мгновенно сняло напряжение, повисшее в подвале. Хотя всё, что он сделал – беспечно улыбнулся, даже не проверив, как затягиваются его раны.

– Простите за это. Я не собирался устраивать сцену. А, и ты уверен, что в порядке? – спросил Элмер Марка. Но тот отбил его руку.

– Не трогай меня! – вскрикнул он и отвернулся, чуть не расплакавшись. – Почему... Почему тебе надо было внезапно появляться... тебя это не касается... так почему ты пытаешься меня спасти?!

– Хобби у меня такое, – удивительно быстро ответил Элмер.

– Не смейся надо мной, – зыркнул на него Марк. – Я... я не достоин спасения! И никогда не был!

– Это не тебе решать, не правда ли? А теперь, не глупи, – таинственно сказал Элмер.

– Заткнись! – потряс головой Марк. – Я... он... того парня это не касается...

Он понял, что запутался куда сильнее, чем полагал.

«Что со мной не так? Монстр ничего не знает обо мне или моём прошлом. Он не знает о том... что я сделал...» – думал он, проваливаясь в ненависть к себе.

– О! Кстати говоря!

Как только Элмер услышал слова «того парня это не касается», то в момент озарения хлопнул в ладоши.

– Тот парень. Его зовут Лестер, да? О, теперь всё обретает смысл. Всё сходится.

– Э?..

– Чт?..

Оба, Марк, внезапно потерявший нить разговора, и Лестер, услышавший своё имя, уставились на Элмера.

Элмер с сияющей улыбкой спустился по лестнице и взглянул на Лестера.

– Ого. Ты даже носишь ту же марку.

– Ч-что за?.. Я... ты... чёрт!

Лестер вскрикнул, ощутив боль в плече. Элмер бросил ему слова утешения («Ты в порядке? Постарайся не волноваться. Это вовсе не смертельно») и повернулся лицом к Марку.

– Теперь всё стало ясно!

– Ч-что?..

Абсолютно неуместное поведение Элмера заставило Марка ответить и даже на секунду забыть, почему он сюда пришёл.

Судя по широкой ухмылке, бессмертное чудовище казалось удивлённым его реакцией.

– Так вот почему ты меня в тот день заколол!

– Что?..

– Был же ливень. А мы друг на друга похожи, фигурой и немного лицом. И в тот день я носил такую же одежду! Неудивительно, что ты принял меня за мистера Лестера и заколол.

В заброшенном здании

– И так я блуждаю в поисках последнего парня, чтобы отомстить за смерть Полы.

– ...

Смит завершил свой невероятно длинный монолог. Нико и прочие застыли в неловком молчании.

Грэхэм и Мария ещё на середине истории Смита передумали ссориться и сейчас стояли в стороне, в шутку обсуждая, перерубит ли её катана его разводной ключ.

Как оказалось, Грэхэм довольно быстро понял, что в своей истории Смит использует прошлое Марка. Ну а Марии это с самого начала было неинтересно.

– Хотите узнать что-то ещё?

– Ну... Если подумать, Карл уже рассказал нам о связи между жертвами.

– И?

– На самом деле есть шанс, что они подбирались к Семье со скрытыми мотивами, – на секунду подумал Нико, но тряхнул головой и уставился на Смита. – Но в итоге ты действительно убил членов нашей Семьи. И поэтому я не могу тебя отпустить на основании только своего суждения. Оставим Тику решать, правду ли ты говоришь.

Возможно, Никола почувствовал вероятность, что Смит лжёт. Стрелок заявил, что женщина по имени Пола была для него как сестра, но Нико не чуял в рассказе следов любви или печали. Он приготовился подать своим людям сигнал отобрать у Смита развешанное повсюду оружие.

Но в ту же секунду его уши атаковал грохот разрушения: Грэхэм швырнул свой ключ между Нико и Смитом, и инструмент воткнулся глубоко в стену.

– Собираешься сегодня плохо себя вести, Грэхэм? – раздражённо спросил Нико. Грэхэм радостно закружился вокруг и остановился перед Смитом.

– Прости, но Босс Смит показал мне радость разбирать пистолет на крошечные кусочки, так что я чертовски уверен, что без драки не позволю ему уйти. В моих врагах уже всё человечество, так что добавление к списку Гандоров ничего не изменит.

– Что возвращает нас на круги своя. Но ты серьёзно собираешься помогать парню, даже если он Томми Айспик?

– Эй, я вечно болтаюсь около проклятых офигенных психованных убийц. Опять же, он из тех ублюдков, что убивают просто так, – сказал Грэхэм, жестикую, как юный беспризорник. Люди Гандоров приготовились навести на него оружие.

– Ясно. Вы все, опустите оружие.

– Н-но, Нико!

– Этот ублюдок свихнулся на пистолетах. А потом небось и копы с ума сойдут, пытаюсь определить, откуда стреляли. Мы не будем идиотами, что им помогают.

– Значит, моя очередь, амиго? – подпрыгивая, спросила Мария.

Нико криво усмехнулся, мотнул головой и выступил вперёд, показывая, что хочет сам разобраться.

Смит опустил пистолеты и повернулся к Грэхэму

– Парень... Насколько он силен?

– Я пару раз с ним дрался.

– И?

Грэхэм вытащил ключ из стены, показал Смиту большие пальцы и подмигнул.

– Шесть поражений и одна победа!

– Аж слёзы на глаза наворачиваются.

– Но мистер Нико, нехорошо отбивать томми-ганы. Знаете, в прошлый раз его почти подстрелили. Я просто вскочу и устрою настоящее мексиканское противостояние²².

– Говоришь, будто можешь одолеть томми-ган. И этот парень что, чудовище? Выжил, когда его застрелили? – Хихикнув, Смит кивнул. – Но... Для безумца вроде меня это неплохой шанс.

Мария не обратила внимания на Нико и приготовилась к бою. Грэхэм рассмеялся и повернулся к Смит:

– Учитывая, что мы можем в итоге отправиться кормить червей, хочу кое-что спросить у вас, босс.

– Да?

– Что вам сказал Элмер перед входом?

– А, ну...

– Мистер Смит, верно? Вы же довольно хороший человек, правда?

– Что?..

– Знаете, я вижу фальшь в улыбках. И видел, что вы притворно улыбались, когда сказали, что убили Марка. И это был единственный раз. Так что полагаю, вы или его не убили или сожалеете о своём поступке.

– ...

– Но всё равно, я считаю вас хорошим человеком. Просто хотел, чтобы вы знали.

Смит опустил глаза и горько усмехнулся.

– Хороший человек, да? Да он сам псих тот ещё.

– Что?

– Я расскажу, если выберемся живыми.

В одно мгновение напряжение стало осязаемым.

Хотя Нико приказал своим людям оставаться на месте, они были готовы в любой момент вмешаться.

Сейчас противостояние уже не закончилось бы без кровопролития.

Однако...

– !..

Нико дёрнулся, почувствовав, что улица снаружи изменилась.

– Что случилось, Нико? – нервно спросил один из его людей.

– Мы сматываемся... – пробормотал Нико звенящим от напряжения голосом.

– Что? Почему вдруг, амиго?

²² Конфликт между тремя противниками. В отличие от дуэли, где первый стреляющий имеет преимущество, требует выдержки по принципу «кто первый моргнёт», так как если первый участник выстрелит во второго, то третий успеет выстрелить в первого и таким образом выиграет.

– Нико?

Внезапно Нико расслабился. Его подчинённые смущённо моргали, но один взгляд на вход в заброшенное здание рассказал всё, что им было нужно знать.

У входа к стене привалился запыхавшийся Шафт.

А позади него стояла толпа человек из двадцати уличных беспризорников.

– Уф... Ха-ха... Проклятье, босс! Вы хоть представляете, как сложно собрать всех ребят в такое время?!

Шафт побледнел так, будто сейчас свалится, но не упустил ничего важного.

– Я позвал и ребят с Мили Миллионеров. Они будут здесь с минуты на минуту, – усмехнулся он, показывая Грэхэму большой палец. Грэхэм удивлённо распахнул глаза и сказал:

– Ты не думаешь, что слегка переборщил с подкреплениями? Больше похоже на... войну. Да. Шафт, ты что, пытаешься вести чёртову войну со всем миром? В итоге это ты – истинный враг человечества?.. Что делать? Смогу ли я остановить шафтово царство террора? Столько людей... Что ты собираешься делать с подобной армией? Не торопись, Шафт! В конце концов тебе останутся лишь слёзы твоей семьи и друзей... А до того – мои слёзы!

– Босс... Я позвал их, чтобы скрутить вас, прежде чем вы ввяжетесь в драку с Гандорами... Что?

Заметив идущего к нему Нико, Шафт машинально отступил с дороги.

Мария повернулась к Нико спиной и надулась.

– Сегодня никаких драк? Я бы могла их покрошить, амиго.

– Полезь мы на такую толпу, и получим в итоге уже не драку или допрос. А полноценную войну.

– Но Нико, мы с тобой с ними справимся, амиго.

– Прости, боссы не давали мне разрешения позволить кому-либо из вас пострадать. Или уничтожить этих сопляков.

От резкости тона Нико шпана вздрогнула. Но никто из них не попытался удрать, будто считая, что присутствия Грэхэма достаточно, чтобы их обезопасить.

Нико остановился у самого выхода из здания и повернулся к Смитсу, который подбирал свою шляпу.

– Позволь задать тебе ещё один вопрос.

– Да?..

– Даже если ты соврал, что ты Томми Айспик...

«Чёрт, – раздражённо подумал Смит. – Он меня раскусил».

– Лишу, – откровенно продолжил Нико, – убил не ты, верно?

– Точно. Клянусь своим безумием и осколком здравомыслия, что ещё остался в мозгах... По крайней мере это – правда.

– Тогда кто её убил?

– Тот, кто станет моей последней жертвой.

Смит самокритично усмехнулся и выдал имя молодого журналиста, которое назвал ему Марк.

И зная это, Нико...

Подвал джаз-клуба «Кораджиозо»

– На самом деле я искал кой-кого по имени Сцилард. Спрашивал тут и там и обнаружил, что мистер Лестер может иметь к нему отношение. Поэтому я пошел в его газетную компанию – кстати, не «Дейли Дейз» – и стоял позади здания. И тут вдруг, ни с того ни с сего, меня кто-то заколол. Я думал, что умру от шока, а потом человек, который меня заколол, ушёл с перепуганным лицом и словами «Это не он».

Элмер вдавался в подробности ситуации, о которых его даже не спрашивали. Но остальные в подвале, разинув рты от шока, ничего не делали. В такт монологу кивал только специалист по пыткам Тик, но никто не знал, как много из истории Элмера он понимает.

– Так что я пошёл следом за парнишкой и обнаружил его стоящим на краю Бруклинского моста. Тогда настала моя очередь пугаться. А-ха-ха!

Внезапно Элмер стёр улыбку с лица и зашептал Марку в ухо:

– Я тут подумал, хочешь ли ты, чтобы люди узнали, что ты Томми Айспик? Могу притвориться, что ничего не знаю.

– Всё равно... Сейчас это уже неважно.

Казалось, Марку сложно принять ситуацию в целом. Он устало рухнул на колени.

Но быстро вернулся в реальность от голоса Лестера.

– Т-ты! Бессмертный... как Сцилард?!

– Верно. Значит, ты всё-таки знал старика Сциларда.

– П-пожалуйста. Я сделаю всё, что прикажете! Ч-что угодно! Пожалуйста... Эликсир!.. – отчаянно умолял Элмера Лестер, молитвенно упавший на колени.

Его слова достигли ушей Марка. Мальчик почувствовал, как внутри него заворочалось нечто тёмное. Действия Лестера казались ему слишком жалкими, и меньше, чем за секунду, его снисхождение превратилось в ярость.

– Так... Ты зашел так далеко ради этого?

– Что?..

В голосе Лестера отчетливо слышалось безумие. Он увидел, как Марк вытаскивает из бумажного пакета бутылку.

Сначала Лестер не догадывался, что в ней.

Но когда увидел, как плещется внутри похожая на алкоголь жидкость, его мысли взвихрились, как у сумасшедшего.

– Нет! Не может быть!

– Когда мама ещё была жива... мы закопали эту бутылку на могиле отца. Мне всегда было интересно, зачем, но теперь я знаю. Ты его искал, правильно?

– Правда!.. Неполный Эликсир ещё здесь! Марк! Пожалуйста! П-пожалуйста, отдай его мне. Мы можем разделить его поровну.

– Ты убил мою мать из-за этой выпивки?

– Н-нет! Это она! Это Пола, твоя мать, виновата! Ты же видел, как исцелились раны этого парня, да? Мы могли бы стать такими же! Освободиться от смерти! Предел мечтаний всего человечества! Такое нельзя приберегать для себя!

– Мечты... человечества? – холодно прошептал Марк, слушая всё более неразборчивые вопли Лестера. Ненависть, росшая в его сердце, наконец, достигла критической отметки.

– То есть... Ты убил мою маму ради такой глупости?!

Марк медленно поднял бутылку выше.

– Э-эй! Стой! Что ты делаешь?! Слушай, я дам тебе всё, что захочешь! Но пожалуйста...

– Знаешь почему я её сюда принёс? Не для того, чтобы выпить самому, но и тебе его отдавать не собираюсь.

Он взмахнул над головой рукой с видом одновременно скорбным и убийственным.

Его лицо закрывала маска хладнокровного серийного убийцы.

– Я принес её сюда, чтобы уничтожить на твоих глазах!

– СТОЙ, СУКИН ТЫ СЫН!

Лестер рванулся с места, как дикий зверь, и бросился к Марку.

Марк не упустил этого шанса.

Прежде, чем кто-либо успел его остановить, он, как и планировал, ткнул правой рукой в мчащегося Лестера.

Естественно, в руке был нож для колки льда.

Но удара, проткнувшего Лестеру горло, было явно недостаточно, чтобы остановить его одержимость бессмертием.

Хотя из его шеи торчал нож, Лестер цеплялся за одежду Марка и тянулся к его левой руке, как бешеное животное.

Марк выдернул нож из шеи Лестера и пырлял его снова и снова – в грудь, в живот, в ноги.

Но Лестера невозможно было остановить. Он выхватил у Марка бутылку, не дав возможности разбить её о пол, и отшвырнул мальчика в сторону.

На одежде Лестера проступала кровь. Она хлестала из шеи в ритме сердцебиения. Пнув Марка, он сам отлетел назад, но, казалось, не понимал, в каком состоянии находится.

В этот момент в мире не существовало даже его самого. Значение имел только неполный Эликсир Бессмертия, зажатый в руке.

Это зелье позволит ему пережить любое физическое повреждение, хотя и не убережёт от старения.

С чудовищной гримасой он дёргал пробку. За ним, нахмутив брови, следили мафиози.

– Есть шанс, что это Великая Панацея? – серьёзно спросил Элмер, наблюдая, как Лестер корчится на полу, пытаясь откупорить бутылку. – Не слишком хорошая идея пить...

Элмер пытался остановить Лестера, но тот отмахнулся от него с криком «Прочь с дороги!» и одним глотком опорожнил бутылку.

Он протолкнул зелье в горло, словно вопреки потоку крови из шеи.

«Ха. Ха-ха-ха! Я выпил! Я бессмертен!» – подумал Лестер и захотел повторить это вслух.

– Ук... Грркх... Кэ... Эк?..

Воздух выходил из его горла. Он не мог говорить.

– ?.. Кхе... Хаарх...

Начиная соображать, Лестер понял, что жгучая агония в теле не рассеивается.

– А-А-А-А-АРХ! ХА-А-А-А-АХ!

Его шея больше не кровоточила.

Но почему-то раны не показывали и следа заживления.

И кроме того, вытекшая из него кровь не возвращалась обратно, как у Элмера.

Скривившись в смятении, Элмер посмотрел на Лестера сверху вниз и мрачно вздохнул.

– Вот поэтому я и пытался тебя остановить.

– Ух-х-х! А-а-ак! ?!..

– Великая Панацея несомненно делает тебя бессмертным, но не излечивает предыдущие ранения.

Элмер непреклонно стоял над вопящим человеком, покрытым колотыми ранами по всему телу.

Достаточно, чтобы вызвать дрожь у Марка и прочих мафиози.

– То же самое с болезнями. Твоё здоровье, конечно, не ухудшится, но Великая Панацея считает нормальным состояние твоего тела в момент, когда ты её пьёшь.

– !..

– Мне говорили, что она обладает собственным разумом и со временем улучшает всё, но с ранами вроде твоих... Это займёт очень много времени. Скорее можно рассчитывать, что первым сломается твой разум, и ты больше не будешь чувствовать боли.

Какая часть из долгих объяснений Элмера дошла до Лестера? Он потерял столько крови, но не мог потерять сознания. Поглощённый смертельной болью Лестер мог только кричать и ничего более.

О чем думал Марк, наблюдая за муками убийцы матери?

– Теперь ты доволен? Или то, что он жив, означает, что у тебя осталось незаконченное дело? – тихо спросил Элмер мальчика с каменным лицом.

Однако Марк не ответил на вопрос. Вместо этого он задал свой:

– Откуда ты узнал, что я здесь?..

– Ну... Парень по имени Шафт попросил меня собрать нескольких его друзей. Тогда я и увидел тебя, бредущего под дождём с мрачайшим выражением лица, какое мне только попадалось. «Я позабочусь о ситуации в здании, – сказал мне Шафт, – ступай, пожалуйста за ним». И я пошёл за тобой следом. Никогда бы не подумал, что окажусь в подобной заварушке.

Элмер объяснил, что совпадения были ужасными, но интересными, и с улыбкой продолжил:

– Если быть с тобой совсем честным, то я бы хотел пойти за Шафтом в брошенное здание, но хорошо, что я поступил, как он просил. Будь ты девочкой и чуть постарше, я бы даже назвал его своим Купидоном, но это уже другая история.

– В... брошенное здание?

Элмер полушутливо рассказал, но большая часть истории ничего не значила для Марка, который понятия не имел об обстоятельствах Грэхэма. Как и стоящие вокруг люди Гандоров.

– Ладно. Не двигайся.

– Не знаю, откуда ты знаешь журналиста, но... бессмертный или нет, мы тебя не отпустим, пацан с ножиком. Ты останешься здесь надолго, пока не вернётся начальство.

Они медленно но неуверенно окружали Марка и Элмера.

Но в следующий миг услышали звук множества шагов наверху лестницы.

– Н-нико!

Люди в подвале напряглись, когда вернулись Нико и Мария.

– Что здесь происходит?..

Нико прищурился, заметив мальчика с окровавленным ножом для колки льда. Потому его взгляд скользнул на Лестера, стонущего на полу от боли. Он вздохнул, будто всё понял.

– А ты должно быть Марк... Марк Уилменс, правильно?

– Как?..

– Лиша вечно о тебе говорила. Сказала, что в округе есть парнишка, который присматривает за ней, а не наоборот.

– Лиша так сказала?..

Марк медленно возвращался к своей истинной сущности – шокированного ребёнка.

– Отвечай мне. Ты Марк?

– Марк... Марк Уилменс... только что убит наёмником.

Мальчик смотрел в пол, он не мог взглянуть мужчине в глаза, но и поджимать хвост и удирать отказывался.

– Я... Я просто серийный убийца. Томми Айс...

– Не нужно продолжать.

– ?..

– В конце концов, я возвращаюсь с личной встречи с Томми Айспиком.

Нико усмехнулся и вышел на середину комнаты. К нему подскочил один из мужчин и объяснил ситуацию.

Нико молча выслушал доклад, а потом взглянул на Лестера.

– Ясно. Прямо как боссы, да?

И тут же правая нога Нико безжалостно раздавила левую кисть Лестера.

– А-А-А-А-А!

Пальцы Лестера сломались с резким треском. Из горла вылетали воздух и вопли. Но согнутые в странных направлениях пальцы быстро вернулись в исходную форму.

– Тик.

– Да, мистер Никола? – ответил Тик, его ножницы плясали в воздухе.

– Можешь взять выходной на остаток дня, – сказал Нико, сохраняя ледяное выражение.

– О? – склонил голову Тик.

– Этим ублюдком займусь я, – ответил Нико, тратя на подавление эмоций каждый грамм самоконтроля, какой только мог наскрести.

– Вы?

– Точно. Может я и не специалист по пыткам, как ты, но раз он не собирается умирать, что бы я ни делал... То я могу устроить себе праздник. Сбросить напряжение.

Слушая разговор, Элмер тихо вздохнул. Он склонился над Лестером, по-прежнему стонущим в агонии, и мягко прошептал ему:

– Слушай, у меня есть идея, которая может тебя осчастливить.

– ?..

– Если ты думаешь, что будешь счастливее, если сию секунду умрёшь, и если сможешь уйти с улыбкой... Я могу сейчас поглотить тебя своей правой рукой... Но только если ты пообещаешь мне улыбаться.

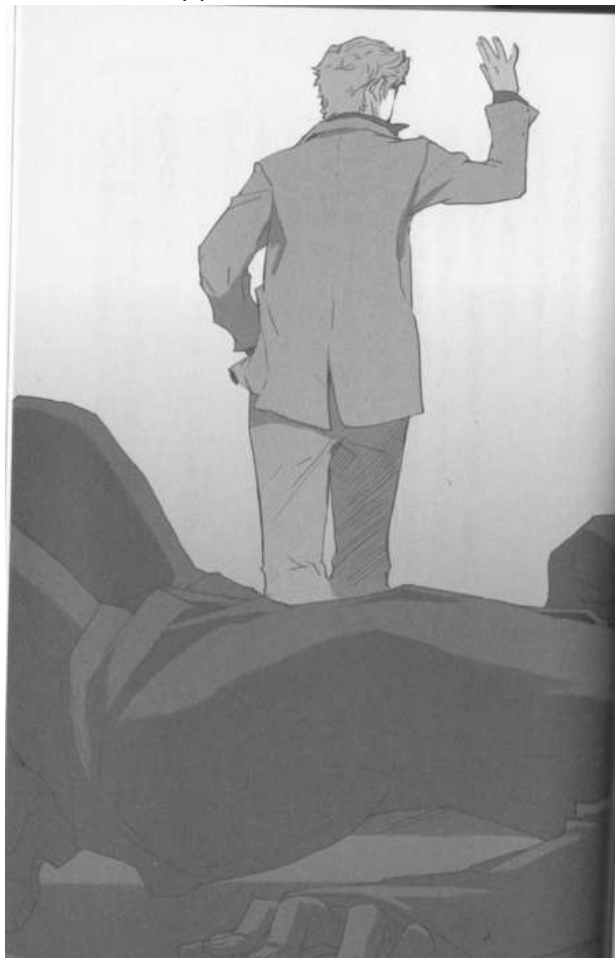
Лестер вроде бы понимал, что очень скоро с ним случится.

Но всё равно помотал головой, словно отказываясь. Беззвучный вопль исходил из дырки в его горле.

– Ясно. Жаль, – тихо сказал Элмер. Но вскоре на его лицо вернулась улыбка.

– Тогда как насчёт такого? – мягко сказал он. – Я вернусь через несколько лет... вдруг ты передумаешь.

– Может тогда мы найдём способ облегчить твои страдания. И может быть, сердца раненых тобой людей излечатся.

Сторона Б

Некий день некоего месяца Спикизи "Альвеаре"

- Я тут подумал, как именно мы собираемся стать деньгами?
 - Давай будем носить одежду, сделанную из денег?
 - Конечно! Это великолепно, Мирия! Я уверен, что наслоения монет хватит, чтобы остановить даже пулю! Теперь подожди. Я пойду на улицу и обменяю все наши банкноты на мелочь!
 - Хорошо, Айзек! Но это будет не слишком тяжело?
 - Конечно! Но вспомни, Мирия. Этим костюмам полагается защищать нашу жизнь. Только естественно, что они должны весить больше человека. Другими словами, деньги тяжелее жизни!
 - Получи свой вес в деньгах!
- Беседа Айзека и Мирии стала как всегда непостижимой. Фиро снова вздохнул.
- Вы двое никак не прекратите?
- Молодой каморриста допил свой стакан с растаявшим льдом и повернулся к необычной парочке.
- Говорите, вы остановите атаку Томми Айсика. А что потом будете делать?
 - Ну... Что мы потом сделаем, Мирия?
 - Избавимся от него?
 - Но мы до сих пор не знаем, плохой ли он человек.
 - Сложный вопрос.
- Фиро распахнул глаза, услышав, что Айзек и Мирия обсуждают мораль своих планов.
- Эй, отложим на секундочку первую часть. Вы вообще не должны считать убийцу хорошим парнем, разве нет?
 - Но некоторые – хорошие, несмотря на то, что раньше убивали.
 - Прямо как Джакуzzi!
 - Что за имя? – вслух удивился Фиро. Но вместе ответа он получил пару теплых улыбок.
 - Фиро, хорошим парнем может быть даже плюющий на «сухой закон» мафи... каморриста вроде тебя!
 - Вы все хорошие парни!
 - Эй, не думайте, что мы все милые люди. А то можете попасть в неприятности, – с кривой усмешкой предупредил Фиро. Но ответ парочки был крайне неожиданным.

– Не скромничай, Фиро! Сначала мы считали всех вас злодеями и пытались вас ограбить, потому что думали, что никто нас за это не обвинит. Но посмотри на нас теперь! Закадычные друзья, связью с которыми я горжусь!

– И Эннис тебе помогала, что делает тебя ещё лучше!

– Эй, притормози. Не вы ли только что говорили о том, чтобы обокрасть нас? – затараторил Фиро, не желая так быстро менять тему.

Но Айзек и Мирия отмахнулись и жизнерадостно похлопали по плечам.

– Не волнуйся, Фиро. Это всё в прошлом! Ты же видишь, вместо денег мы крадём ваше время!

– Деньги – время!

«Может, мне надо было просто отступить?»

Боясь, что ещё кто-то из сотрудников пронюхает про только что брошенную Айзеком и Мирией бомбу, Фиро поторопился вытолкать их из спикизи. Потом вернулся к стойке и громко вздохнул.

– Я? Хороший человек?.. – пробормотал он, сравнивая себя с Томми Айспиком.

Фиро тоже был виновен в убийстве.

Однажды он убил Сциларда Квотеша, безумца без надежды на спасение. Воистину, Сцилард забрал больше жизней, чем Томми Айспик когда-либо надеялся. Но Фиро думал, что, наверно, лишение жизни, даже такого подонка, не слишком-то отличает его от Томми Айспика.

Нет убийцам искупленья. Это знал даже Фиро.

А ещё он знал, что, присоединившись к каморре, никогда не получит полного прощения.

В этом смысле само прощение, возможно, было наказанием за его преступления.

Некоторые сказали бы, что никакое наказание не будет слишком строгим для серийного убийцы.

Но что если Айзек и Мирия были правы, и Томми Айспик – вовсе не злодей, далёкий от раскаяния?

Что если он убивает не в беспорядочном кутеже, а по каким-то своим причинам?

Или, если продолжить, как насчёт убийств на войне? Когда все согласились, что они неизбежны?

Фиро пожал плечами.

«Но опять-таки, он убил проститутку, которая непохоже, чтоб имела отношение к чему-либо», – не зная правды, продолжал Фиро.

Если полиция не сумеет поймать Томми Айспика, продолжит ли он или она безнаказанно убивать людей? Будет ли злобно хихикать над своей счастливой судьбой?

С другой стороны, если серия убийств совершалась ради какой-то цели, и убийца не получит спасения или наказания, сможет ли он нести этот груз всю оставшуюся жизнь?

Даже если Томми Айспик хороший человек, а его жертвы – злодеи, для него всё равно не будет спасения.

Убийство, несмотря на оправдания, остаётся убийством.

Опустив вопрос решимости, примерить на себя роль убийцы значит отказаться от спасения.

Естественно, даже сам Фиро не спасётся полностью из-за убийства Сциларда. Добавим сюда, что он сам судил свои действия и смел надеяться однажды жениться на любимой девушке. Здесь он был обычным подлецом, пожалуй даже хуже простого убийцы.

Но если однажды он будет за всё наказан, то надеялся, что сумеет вынести это бремя в одиночку.

Фиро вспомнил любимую девушку, с которой делил квартиру, и спокойно прикрыл глаза.

К нему приблизилась маленькая фигурка.

– Думаешь о том, что сказали Айзек и Мирия, старший брат? Беспокоишься, что ты нехороший человек?

– Чес...

– Тут не из-за чего терять сон, брат. У тебя впереди много, много времени. Нет смысла обсуждать по пустякам мораль и этику, – скорее бесстрастно, нежели по-взрослому сказал Чес. – Всего несколько лет назад закон позволял открыть бар в этой стране. А теперь это считается преступлением. Хотя, полагаю, нигде и никогда не потакали убийствам, ты никогда не знаешь, что принесёт будущее. Подумай, например, об исключениях, которые люди делают для войн.

– ...

– У нас, бессмертных, нет другого выбора, кроме как подстраивать свои убеждения ко времени, в котором мы живём. Понятия вроде добра и зла теряют смысл, когда проходят эпохи и меняются страны, – поучал Чес, старый бессмертный, своего юного товарища.

– В этом смысле Айзек и Мирия были правы, когда говорили, что люди не могут победить время. Даже если не упоминать старение и продолжительность жизни.

Фиро увидел смиренную улыбку Чеса и попытался высказаться, но оборвал себя, поняв, что сейчас ничего не может для мальчика сделать.

Возможно, дело было в стене, стоящей между ним и Чесом. Фиро задумался, надо ли продолжать разговор, когда Чес внезапно сказал:

– О, но и среди бессмертных есть чудаки.

– Чудаки?

– То, что я тебе только что рассказывал, я сам слышал от кое-кого другого. Он говорил, что бессмертный, который будет жить во множестве времён и стран, не имеет выбора, кроме как подстраивать свои убеждения под эпоху...

Чес с ностальгией вспоминал слова и лица товарищей-алхимиков, вместе с которыми он обрёл бессмертие.

– Тогда кое-кто другой вмешался с улыбкой. «Всё равно, – сказал он, – я не изменю свои убеждения под век или страну. В конце концов, неважно, где или когда, но люди улыбаются одинаково. Поэтому улыбки – единственный стандарт, по которому я живу. Если хочешь – мой собственный закон», – с совершенно каменным лицом сказал он нам.

Чес вспомнил алхимика, который, даже до того, как стал бессмертным, согласился бы умереть ради улыбок остальных, и заставил себя честно улыбнуться.

– Иногда ты бываешь до ужаса жутким, но мне любопытно, как сейчас у тебя дела... Элмер.

Эпилог.

Живые и бессмертные делят вместе этот мир

Он помнил, что мама сказала ему два года назад на могиле отца.

– Слушай внимательно, Марк. Если кто-нибудь тебя схватит и спросит, где оно, ты должен рассказать им об этом месте прежде, чем они с тобой что-нибудь сделают, понял?

Мама закопала коробку с бутылкой на могиле отца. А потом обняла так крепко, что казалось, сейчас переломит.

– Я думала напоить им тебя, но... просто не смогла через это пройти. Это было бы слишком эгоистично с моей стороны. Мы до сих пор не знаем, полюбишь ли ты этот мир или нет.

Марк не понимал, о чём мама говорит. Поэтому продолжал слушать.

– Поэтому... Поэтому, Марк, ты должен быть сильным. И однажды, когда ты всему научишься, вспомни это место. Только тебе решать, что сделать с этой бутылкой.

Тепло матери успокоило его сердце. Марк никогда не забудет её улыбку, увиденную в тот день. Но всего несколько дней спустя её нашли мёртвой с бесчисленными ранами на теле.

И он больше никогда не сумел улыбнуться, как она.

* * *

Наступило утро после заварушки.

– Я рад, что мы благополучно выбрались, – сказал Марку Элмер. Их обоих без суеты выпустили из убежища Гандоров.

– Как ты себя чувствуешь? Как думаешь, теперь, совершив свою месть, ты можешь улыбнуться?

Марк сердито глянул на бестактное бессмертное чудовище.

– Прости. Полагаю, не так-то просто ответить.

Элмер следовал за молчащим Марком и продолжал:

– Видишь ли, месть совершают не ради мертвых. Скорее, борются за собственную жизнь... Вроде как примиряют с реальностью свои чувства, чтобы двигаться дальше. Многие утверждают, что планируют, отомстив, умереть, но это всё равно их способ умереть счастливыми.

– ...

– Ты получил свою месть и двигаешься дальше. Ты заработал право быть счастливым. Но опять же, я понятия не имею, правильно это или нет с точки зрения морали, и, честно говоря, мне плевать.

Бессмертное чудовище не хвалило, но и не порицало Марка, а беспечно продолжало:

– Тебе интересно, должен ли ты искупить всё, что натворил?

– ...

– Я бы сказал, продолжай, если это тебя осчастливит. Если ты сожалеешь, то подумай о том, как реабилитироваться. Если тебя устроит, есть вариант, позволить одному из родственников жертв отомстить тебе.

Марк знал, что хотя Элмер выдавал один бестактный комментарий за другим, он не подразумевал ничего дурного.

Поэтому продолжал слушать, не пытаясь сбежать.

– Просто продолжай об этом думать, пока тебе не станет легче. Не сдавайся, но помни одно.

– ...

– Я никогда не откажу тебе в праве быть счастливым, даже если весь остальной мир будет возражать. Не забывай, что такие люди существуют.

Марк наконец остановился, обернулся и посмотрел Элмеру прямо в глаза.

– Я... Я думаю ты жуток, потому что на голубом глазу говоришь такие вещи. И если честно, я тебя боюсь. Не хочу говорить, но боюсь, что если кто-то вроде тебя действительно бессмертен, то в итоге ты однажды уничтожишь мир.

– Ой, тут не за что извиняться. Это абсолютно нормальная реакция. Мой старый друг всегда говорил: «Твое рвение хуже Гнева Божия». Весьма сурово с его стороны, правда? Ха!

На этом Элмер закончил. Он помахал Марку и отвернулся.

Но внезапно мальчик его окликнул. Элмер обернулся.

– Все равно... Спасибо. За всё. Честно.

Элмер сумел заметить, что на единственный мимолётный миг на лице Марка появилась слабая улыбка.

И для него этого было достаточно.

Вечер

Спикизи "Джейн Доу"

Отчитавшись президенту Дейли Дейз, Карл отправился в спикизи, где должны были быть Грэхэм с своей ватагой. Поговорив с ними, он посетил джаз-клуб Гандоров и собрал почти полную картину произошедшего.

«Значит, в итоге... Лестер никогда не покидал Нью-Йорк».

Карл ожидал, что Лестер сбежит из города, как только наймёт Смита. Почему вместо этого он отправился к Гандорам – человек, который никогда в жизни не искал приключений?

Карл озвучил своё замешательство Президенту.

– Могу лишь предположить, что кровожадность его внутреннего убийцы влияла на поступки его нормальной половины, – после паузы мягким, как всегда, тоном ответил Президент.

«Если так, то... Возможно, он избегал приключений, потому что не хотел снова сталкиваться с убийцей внутри себя».

«А возможно, я слишком хорошо о нём думаю».

Жалея бывшего сотрудника, Карл спустился по лестнице и подумал о Марке.

Он собирался усыновить мальчика, но, предложив это Марку...

– Спасибо... но Марк Уилменс уже мёртв.

Он помотал головой, подчеркивая, что нельзя усыновить мёртвого мальчика.

«Что он собирается теперь делать? Уехать из Нью-Йорка?

Или собирается сдаться?.. Опять же, я слышал что таинственный отдел в Бюро Расследований вмешивается во всё, что имеет отношение к Эликсиру...

Но в любом случае, кого-то убить – это мучительный опыт для ребёнка».

Несмотря на юный возраст, Марк так легко забирал чужие жизни. То, что он им мстил, не отменяло факта, что он стал убийцей.

«Даже хотя его мотивы полностью противоположны лестеровым...»

Может и неправда, что некоторые люди просто рождаются убийцами. Карл, наоборот, думал, что каждый рождается с внутренней возможностью стать убийцей. Так, может быть, все люди каждый день ведут внутреннюю борьбу за сохранение своей человечности в мире полном потенциальных убийц.

Так как статья о событиях оставит их вечной тайной, Карл подумывал, не закончить ли её этой мыслью. Но ему по-прежнему не хотелось считать, что Марк проиграл битву с самим собой.

«Опять же... Даже пожелай я спросить, сомневаюсь, что снова его увижу».

Чувствуя определенную симпатию к Марку, Карл ступил в спикизи.

И увидел там знакомое лицо.

– Позвольте рассказать вам чертовски изумительную байку! Кто бы мог подумать, что Босс Смит найдёт себе подпевалу?

– Босс, он его подмастерье а не подпевала.

– Подмастерье. Ученик?.. Но это должно означать, что его придётся чему-то учить. И кстати, похоже солнце и мир за последние несколько дней показали мне моё место, другими словами, я теперь ученик солнца и мира?.. И эта знойная палящая погода – экзамен?! Это не хорошо, Шафт. Я всё ещё ничему не научился!

– Так почему бы вам не провалить экзамен, босс, и пусть мир вас бросит?

Пока Грэхэм продолжал распинаться, а Шафт – сухо отвечать, высокий мужчина в длинном пальто сидел в углу спикизи в компании маленькой тени в надвинутой на глаза шляпе.

– Эй, ученик.

– Да, мистер Смит?

– Называй меня «Учитель»...

– Да, Учитель?

Никакой ошибки. Карл знал это лицо.

И, словно для того, чтобы подтвердить его подозрения, заговорил Шафт.

– Кстати, босс. Вы правда согласились с историей про «безымянного мальчика, потерявшего память»? Я имею в виду, это же смешно и просто очевидно-ой!

– Шафт, хватит ныть, – сказал Грэхэм, затыкая Шафту рот концом своего ключа. – Слушай. Личность Томми Айспика останется между нами.

– Конечно, босс... Я даже собственному отцу не скажу, если он спросит.

Прислушиваясь к разговору, Карл ждал, пока Смит отойдет, прежде чем заговорить с мальчиком. Но тот спокойно ответил ему, что собирается работать учеником Смита.

– Хотя это не значит, что я стану убийцей. Мистер Сми... Я хотел сказать, Учитель сказал, что забирает моё прошлое и мои преступления, но я не могу совсем его потерять. Нравится мне или нет, но я убийца.

Он сказал, что Смит согласился с его точкой зрения и хочет удостовериться, что мальчик по имени Марк во всех смыслах мёртв.

– Так что... я хочу следовать за Учителем, пока он продолжает мои преступления. Я хочу увидеть, чем всё закончится.

– И ты собираешься понести ответственность вместо него?

– Не знаю. Может, я просто выбрасываю проблемы из головы, но...

Марк на секунду прикрыл глаза и вспомнил маму. А потом постарался улыбнуться, как это делала она.

– Я всё ещё жив, благодаря моей матери и множеству совпадений. Я... я хочу увидеть, что ещё принесёт мне жизнь.

Карл хотел что-то добавить, но, увидев улыбку мальчика, покачал головой.

– Если тебе когда-нибудь надоест, сможешь найти меня в Дейли Дейз.

Информационный брокер подумал, что лицемерно видеть в мальчике свою мёртвую дочь, но улыбнулся ему.

– Буду счастлив научить тебя основам журналистского ремесла.

* * *

Маленькая девочка плакала на платформе, отстав от родителей.

Прохожие секунду волновались за неё, но колокол звонил о скором отправлении поезда, и они торопились в вагоны.

Но один человек, не заботясь о колоколе, подошёл к девочке.

Двери поезда захлопнулись.

Хотя его билет на поезд только что пропал зря, человек присел до уровня глаз девочки и мягко улыбнулся, чтобы её успокоить.

– Привет, рад встрече! Можешь продолжать плакать, если хочешь, но попробуй улыбнуться мне! Покажи мне широкую улыбку!

Тем летом плачущая девочка встретила...

